

ISSN 0131-6117

Рус-
RUSSIAN
ская
SPEECH
речь

МОСКВА, 2019

**НОЯБРЬ—
ДЕКАБРЬ**

Журнал основан в январе 1967 года

Выходит 6 раз в год

Главный редактор:

А. Д. Шмелев д. ф. н., проф., Московский педагогический государственный университет;
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Зам. главного редактора:

М. Л. Каленчук д. ф. н., член-корр. РАО, проф., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
Е. Я. Шмелева к. ф. н., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Редколлегия:

Е. Л. Березович д. ф. н., член-корр. РАН, проф., Уральский федеральный университет
А. А. Гиппиус д. ф. н., член-корр. РАН, проф., Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»; Институт славяноведения РАН
М. Горэм PhD, проф., Флоридский университет, США
В. В. Дементьев д. ф. н., проф., Саратовский национальный исследовательский государственный университет
им. Н. Г. Чернышевского
А. Ф. Журавлев д. ф. н., проф., Институт славяноведения РАН; Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова
А. А. Кибрик д. ф. н., проф., Институт языкознания РАН; Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова
Ю. А. Клейнер д. ф. н., проф., Санкт-Петербургский государственный университет
В. Г. Костомаров д. ф. н., проф., Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина
А. М. Красовицкий PhD, Оксфордский университет, Великобритания
М. А. Кронгауз д. ф. н., проф., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
М. А. Осадчий д. ф. н., проф., Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина
М. С. Полинская PhD, проф., Мэрилендский университет, США
Е. Ю. Протасова PhD, проф., Хельсинкский университет, Финляндия
Х. Пфандль Dr. phil., проф., Грацский университет, Австрия
Л. Рязанова-Кларк PhD, проф., Эдинбургский университет, Великобритания
А. А. Соколянский д. ф. н., проф., Северо-Восточный государственный университет

Зав. редакцией: **О. В. Антонова**

Зав. отделами: **А. В. Занадворова, М. А. Пузина**

Статьи отбираются редколлегией
журнала на основе анонимного
независимого рецензирования.

Журнал индексируется в: Российский
индекс научного цитирования (РИНЦ).

Адрес редакции: 119019, Москва,
ул. Волхонка, 18/2, Институт русского
языка им. В. В. Виноградова РАН,
редакция журнала «Русская речь»

Телефон: +7 495 637-27-35

E-mail: rus-rech@mail.ru

Сайт: <http://russkayarech.ru/>

© Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН
© Государственный институт
русского языка им. А. С. Пушкина
© Российская академия наук
© Составление. Редколлегия журнала
«Русская речь», 2019

ISSN 0131-6117

Russian R U S S K A Y A Speech R E C H'

MOSCOW, 2019

**NOVEMBER –
DECEMBER**

Founded in January 1967
6 issues per year

Editor-in-chief:

Alexei D. Shmelev Moscow State University of Education; Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Moscow, Russia

Assistant editors:

Maria L. Kalenchuk Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Moscow, Russia

Elena Ya. Shmeleva Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Moscow, Russia

Editorial board:

Elena L. Berezovich Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

Vadim V. Dementyev Saratov State University, Saratov, Russia

Alexei A. Gippius National Research University Higher School of Economics; Institute of Slavic Studies (RAS), Moscow, Russia

Michael Gorham University of Florida, Gainesville, USA

Andrey A. Kibrik Institute of Linguistics (RAS), Moscow, Russia; Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Yury A. Kleiner St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Vitaliy G. Kostomarov Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia

Alexander M. Krasovitsky University of Oxford, UK

Maxim A. Kronhaus National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Mikhail A. Osadchiy Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia

Heinrich Pfandl University of Graz, Austria

Maria Polinsky University of Maryland, College Park, USA

Ekaterina Y. Protassova University of Helsinki, Finland

Larissa Ryazanova-Clarke University of Edinburgh, UK

Alexander A. Sokolyansky North-Eastern State University, Magadan, Russia

Anatoly F. Zhuravlev Institute of Slavic Studies (RAS); Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Managing editor: **Olga V. Antonova**

Editorial staff: **Anna V. Zanadvorova, Maria A. Puzina**

Articles are selected by the editorial board on the basis of blind peer review process.

Abstracting / Indexing: Rossiiskii indeks nauchnogo tsitirovaniya (RINTs).

Address: «Russkaya rech'», editorial office, Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Volkhonka street, 18/2, Moscow, 119019, Russia

Telephone: +7 495 637-27-35

E-mail: rus-rech@mail.ru

Website: <http://russkayarech.ru/>

Содержание

Проблемы современного русского языка

- 7..... О. Ю. Авдевина. *Достаточно и довольно*: «память значения» в сочетаемости служебной лексики
- 19..... О. А. Башкирцева, Д. М. Дедковская. К вопросу об адаптации англицизмов в русском языке (на примере слов *селфмейд*, *хэндмейд*, *мастрид*, *мастхэв*)
- 32..... Лю Даян. Как мы говорим в повседневной жизни (об одной потенциальной идиоме русской речи)
- 45..... А. Э. Цумарев, Л. Л. Шестакова, Ф. Б. Людоговский. Религиозная лексика в толковом словаре: культурно-речевой аспект

Из истории русского языка

- 58..... Е. Л. Березович, Н. В. Кабинина. Еще раз о происхождении слова *варежки*
- 73..... О. П. Ермакова. Где затерялись вдова с дочерью?

Язык художественной литературы

- 82..... Н. А. Николина, З. Ю. Петрова. Семантика заглавия романа Е. Водолазкина «Авиатор»
- 92..... В. В. Никульцева, В. Н. Дядичев. «А с запада падает красный снег Сочными ключьями человеческого мяса...». Образ войны в раннем творчестве В. В. Маяковского
- 103..... В. Т. Садченко. Об одном типе расчлененных конструкций: инпарцелляция в прозе А. С. Пушкина

Национальный корпус русского языка

- 113..... К. М. Корчагин. Зачем нужен поэтический корпус и как его использовать

Contents

Issues of Modern Russian Language

- 7..... *Olga Yu. Avdeynina. Dostatochno and Dovol'no: "Memory of Meaning" in Function Words Compatibility*
- 19..... *Oksana A. Bashkirtseva, Darja M. Dedkovskaya. Adaptation of Anglicisms in the Russian Language (A Case Study of Words *Selfmade, Handmade, Must Read, Must Have*)*
- 32..... *Liu Dayang. The Way We Talk in Our Daily Life (On One Potential Idiom of Russian Speech)*
- 45..... *Alexey E. Tsumarev, Larisa L. Shestakova, Fedor B. Lyudogovskiy. Religious Vocabulary in Explanatory Dictionary: Linguistic Standards*

From the History of the Russian Language

- 58..... *Elena L. Berezovich, Nadezhda V. Kabinina. Once Again on the Origin of the Word *Варежки* 'Mittens'*
- 73..... *Olga P. Ermakova. Where *Daughter* and *Widow* are Hidden?*

The Language of Fiction

- 82..... *Natalia A. Nikolina, Zoya Yu. Petrova. The Semantics of the Novel Title "Aviator" by E. Vodolazkin*
- 92..... *Viktoriya V. Nikultseva, Vladimir N. Dyadichev. "A s Zapada Padaet Krasny Sneg Sochnymi Kloch'yami Chelovech'ego Myasa...". The Image of War in the Early Works of Vladimir Mayakovsky*
- 103..... *Valentina T. Sadchenko. About One Type of Distributed Structures: Inparcelation in the Prose of A. S. Pushkin*

Russian National Corpus

- 113..... *Kirill M. Korchagin. What Russian Poetic Corpus is Made for and How to Use It*

Достаточно и довольно: «память значения» в сочетаемости служебной лексики

Ольга Юрьевна Авдевина, Саратовская государственная юридическая академия
(Россия, Саратов), olga.rosauz@gmail.com

DOI: 10.31857/S013161170007621-2

АННОТАЦИЯ: Статья посвящена анализу причин и характера ограничений в употреблении производных частиц и некоторых других служебных слов. Автор пишет о том, что нормирование употребления слова направлено прежде всего на его семантическую или стилистическую валентность — способность сочетаться с другими словами. В случае с производной служебной лексикой или вторичными значениями многозначных слов сочетаемость определяется чаще всего не словарным значением, а традицией словоупотребления и целым рядом других факторов, в том числе влиянием значения производящего слова.

Объектом анализа ограничений сочетаемости выбраны производные частицы *достаточно*, *довольно* и некоторые производные предлоги: *благодаря*, *вопреки*, *несмотря на*. Специфика их функционирования состоит в актуализации оценочных компонентов значения, которые не всегда ощущаются говорящими, что приводит к смысловому диссонансу сочетающихся слов (например: *достаточно слабое развитие*).

Не все производные слова в равной мере сохраняют влияние производящих значений и традиции употребления, что обусловлено «возрастом» производного значения, спецификой функционирования того или иного слова и в целом динамическим характером лексического узуса. В связи с анализом этой особенности производной лексики автор ста-

вит вопрос об объеме, источниках и фиксации лексических норм языка и о «памяти значения» как особом проявлении взаимодействия языка и речи. Практическая направленность данного исследования заключается в декларировании необходимости учета этого аспекта словоупотребления при изучении норм, обучении нормам и формировании языковой компетенции в области лексической сочетаемости.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: частицы, производное слово, десемантизация, сочетаемость, норма словоупотребления, узус, «память значения», языковая компетенция

для цитирования: Авдевна О. Ю. *Достаточно и довольно*: «память значения» в сочетаемости служебной лексики // Русская речь. 2019. № 6. С. 7–18. DOI: 10.31857/S013161170007621-2.

Issues of Modern Russian Language

Dostatochno and *Dovol'no*: “Memory of Meaning” in Function Words Compatibility

Olga Yu. Avdevnina, Saratov State Law Academy (Russia, Saratov), olga.rosauz@gmail.com

ABSTRACT: This paper analyzes the causes and the nature of the restrictions related to the use of derivative particles and other function words. The author states that normalization of word usage is primarily targeted at its semantic or stylistic valency, i.e. its ability to collocate with other words. When it comes to derivative function words and secondary meanings of polysemous words, collocational compatibility is usually determined not by the dictionary meaning but by the usage tradition and a number of other factors, including the influence of the producing words. The compatibility restrictions are examined through the example of the derivative particles *dostatochno* [enough], *dovol'no* [quite] and the derivative prepositions: *blagodarya* [thanks to], *vopreki* [despite], *nesmotrya na* [in spite of].

The specific feature of their functioning is the foregrounding of the evaluative meaning component, which is not always perceived by the speaker and sometimes leads to semantic compatibility dissonance (e.g. *dostatochno slaboe razvitie* [weak enough development]). Not all derivatives equally retain the influence of their producing meanings and traditional usage. The extent of the influence depends on the "age" of the derivative meaning, which is evidenced by the dynamic nature of the lexical usus. The analysis of this feature of the derivative lexis has prompted the author to further determine the scope, the sources, the fixation of lexical norms and the "memory of meaning" viewed as manifestation of a special interaction between language and speech. The practical goal of this study is to declare a need to account for the 'memory of meaning' in functional particles when investigating language norms or teaching these norms and building language competence in the field of lexical compatibility.

KEYWORDS: particles, derived word, desemantization, compatibility, norm of usage, word usage, "memory of meaning", language competence

FOR CITATION: Avdevnina O. Yu. *Dostatochno and Dovol'no: "Memory of Meaning" in Function Words Compatibility*. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2019. No. 6. Pp. 7–18. DOI: 10.31857/S013161170007621-2.

Одна из простейших классификаций норм литературного языка связывает их разновидности с функционированием языковых единиц: фонетических (орфоэпические нормы), лексических (лексические), грамматических (грамматические), синтаксических (синтаксические). При этом норма как исторически сложившееся и социально закрепленное предпочтение одного из вариантов реализации языковой единицы предполагает возможность дескрипции этого варианта, *правильного* с точки зрения нормы, т. е. формулирования *правила*, которое должно содержать описание дифференциальных признаков правильного варианта, условий его употребления, отграничения от вариантов *неправильных* и т. п.

Большинство из названных выше разновидностей языковых норм легко поддаются такой вербальной фиксации в форме правила — предписания того, как «надо...»: ставить ударение, произносить согласный звук, выбирать форму множественного числа существительного или склонять числительные и т. п., что значительно облегчает изучение этих норм. Труднее всего с так называемыми *лексическими нормами*, обучение кото-

рым строится обычно на анализе не того, как «надо», а того, как «нельзя» употреблять слова, на изучении разновидностей *лексических ошибок* (тавтологии, плеоназма и т. п.), которые получают более адекватную дескрипцию, чем сами нормы.

Трудность фиксации этих норм заключается, на наш взгляд, прежде всего в их объективации: определении *объекта* и аспекта кодификации и дескрипции. Так, во-первых, учитывая объективную сторону регулирования употребления слова, сами нормы точнее будет называть не *лексическими*, а *нормами словоупотребления*, поскольку кодифицируется не слово как единица языка, «словаря», лексической системы, а его функционирование в речи. И во-вторых, очевидно, что для дескрипции норм словоупотребления должны быть выбраны не ошибки, а те аспекты функционирования языковых единиц, которые характеризуются трудностью и вариантностью словоупотребления. Одним из таких аспектов является *сочетаемость*¹, обусловленная теми или иными системно-языковыми закономерностями или узусом слова — сложившейся в речевой практике традицией его употребления. Именно этому аспекту кодификации словоупотребления на материале специфической группы слов — производной служебной лексики — и посвящена данная статья.

Речь пойдет прежде всего о производных частицах, употребление которых иногда производит впечатление дурновкусия, языковой некомпетентности, речевого автоматизма и неконтролируемости оформления мысли. К таким неоднозначным в плане употребления словам относится частица *достаточно*. В современной речи она чрезвычайно популярна, но отдельные примеры ее использования «режут слух»: *Купаться в сентябре здесь уже нельзя: вода достаточно холодная; Здание достаточно старое, требует ремонта; Мы перед собой видим достаточно заросший пустырь; Детям это блюдо не рекомендуется — оно достаточно острое*. Смысловый диссонанс очевиден: *достаточно для чего?* Для того, чтобы не купаться? Не жить в этом здании? Не есть это блюдо? Такая реконструкция подтекста употребления слова выглядит отчасти абсурдно, так как имплицитно (по производящему значению) слово относится не к отрицанию действия и не к негативному признаку, а к утверждению действия

¹ Объектами кодификации словоупотребления становятся, по нашим наблюдениям, следующие аспекты его лексической характеристики: 1) объем значения (характер обозначаемых понятий, многозначность и т. п.); 2) сочетаемость слова; 3) семантический объем, сочетаемость и стилистическая ограниченность *заимствованных слов*; 4) реализация лексической парадигматики (омонимии, синонимии, антонимии, паронимии и т. п.); 5) объем значения и специфика употребления *фразеологизмов*. Это и есть классификация *норм словоупотребления*, основанная на фиксации вариантов реализации лексических единиц и выделении и дескрипции «правильностей» и «правил» этой реализации.

или положительному признаку: *Вода достаточно холодная — ее можно использовать для приготовления кофе; Блюдо достаточно острое, как Вы любите* — и т. п.

Большое количество некорректных употреблений (*достаточно* с отрицанием действия или с негативным признаком) содержат и материалы Национального корпуса русского языка (НКРЯ), который в последнее время стал источником изучения узуса той или иной лексической единицы:

В обучении в школе есть свои плюсы, да даже возраст, когда мы там учимся, наиболее беззаботный. Но нагрузка порой бывает достаточно тяжелой (Форум: Универ (институт) VS школа. Плюсы и минусы. Где в итоге лучше и почему? 2011); *Сейчас государство имеет достаточно расплывчатое представление о своих приоритетах в здравоохранении* (Г. Костина. Государство против рака // Эксперт. 2015); *В Easy Tiger говорят, что целевая аудитория пока достаточно размыта: клиенты есть самые разные — и по возрасту, и по доходам* (Л. Калянина, В. Кузьмина. Мы привязаны к человеку и его потребностям // Эксперт. 2015); *Рынок проектного финансирования в России всегда был развит достаточно слабо* (А. Романова. Бычка за рога // Огонек. 2015); *При этом произошли достаточно драматические события в самой отрасли* (И. Сечин. Есть ли альтернатива сценарию «50-60»? // Эксперт. 2015); *Потенциал сланцевой нефти или «нефти низкопроницаемых коллекторов» достаточно ограничен* (И. Сечин. Есть ли альтернатива сценарию «50-60»? // Эксперт. 2015); *Американцы шумно праздновали свой первый самостоятельный успех под Сен-Мийелем 10–15 сентября, хотя неопытность их солдат стоила достаточно крупных потерь* (Л. Ланник. Германия-1918: рывок к победе и осенняя катастрофа // Эксперт. 2014); *Не то чтобы французы опасались итальянской армии — ее боеспособность была достаточно невысокой* (Г. Мирзаян. Вынужденное согласие // Эксперт. 2014) и т. п. [НКРЯ]. Судя по частотности таких употреблений, можно с сожалением констатировать, что они вошли в узус частицы *достаточно*.

Ситуацию не изменяют даже художники слова: подобные примеры хотя и не так часто, но встречаются и в художественной литературе, которая всегда признавалась одним из авторитетнейших источников литературной нормы: *Работа была достаточно глупая, но руководители кафедры, да и я, не сразу об этом догадались* (Ф. Искандер. Должники. 1968); *Да кого же, черт возьми, какую кожаную куртку, какого стального комиссара играет эта пожилая, издерганная и, видимо, достаточно несчастная женщина?* (Ю. О. Домбровский. Хранитель древностей. Ч. 1. 1964) и т. д. [НКРЯ]. Автоматизм таких употреблений в художественных произведениях проявляется не столько в том, что их много, сколько в том, что их частотность связана с именами одних и тех же писателей: Ю. О. Домбровского, Ф. Искандера, а также в том, что слово *достаточно* используется ими чаще всего в роли именно частицы — периферийного в смысловом отношении лексического сред-

ства, и поэтому вряд ли на него была направлена авторская художественная рефлексия, строго регулирующая отбор художественных средств.

Кроме некорректности реализации в тех или иных сочетаниях внутренней формы ('достаточно для чего?'), проблема функционирования этой частицы заключается еще и в том, что она употребляется в современной речи слишком часто, становится своеобразным «сорняком» в речи отдельных людей. Например, в одной из передач по кулинарии телеведущая использовала это слово более десяти раз на небольшом отрезке речи: *достаточно соленый, достаточно свежий, достаточно влажный, достаточно сочный, достаточно интенсивно помешивая, достаточно мягкое тесто, раскатать достаточно тонко, достаточно крупная соль* и т. п.

Вопрос в том, являются ли приведенные выше употребления, которые мы расценили как некорректные, действительно нарушением нормы (и нормы какой?) или это снобизм и дидактические придирки филологов? В истории отдельных слов и лексической системы в целом нередко отмечаются такие случаи, когда некоторые сочетания получают широкое распространение и переходят затем в норму, но долгое время не принимаются в качестве правильных языковедами или чуткими к слову мастерами словесности. Так, Л. П. Крысин упоминает, например, о раздражении по поводу употребления наречия *обязательно* (вместо *непреренно*) в контекстах типа *обязательно поколотит* (с внутренней формой *обязан что-либо сделать*), которое высказывал знаменитый юрист, судебный оратор А. Ф. Кони, и о неприятии слова *волнительно* К. И. Чуковским [Крысин 2008: 210–217]. Попробуем же разобраться в ситуации с частицей *достаточно*, сравнив ее с аналогичными явлениями русского языка.

Начнем с того, что *достаточно* относится к группе частиц, производных от наречий или прилагательных, выполняющих усилительную функцию: *довольно, совершенно, абсолютно, ужасно, крайне, практически* и т. д.²: *довольно скучно, совершенно правильно, абсолютно неверно, ужасно интересно, крайне важно*. Их отличает свойственная всем производным служебным словам десемантизация — полная или частичная утрата полноценного лексического значения³, — знаменующая их переход в разряд служебных слов, в данном случае — средств выражения той или иной степени признака. Поэтому возникает впечатление, будто слово может от-

² Оставим в стороне вопрос об омонимии частицы и наречия. В ряде употреблений анализируемых слов это только проблема грамматической квалификации слова, определения его частеречного статуса и синтаксической роли. Эффект частичной десемантизации и метафоризации значения свойственен в ряде случаев и тем, и другим.

³ Под полноценным значением знаменательного слова обычно понимается значение, независимое от контекста употребления и от значения сочетающегося с ним слова. Служебные слова получают свое значение только в сочетании с другими словами.

носиться к любому признаку, сочетаясь с любой признаковой лексикой свободно, без всяких ограничений.

Однако при простом варьировании употребления, например, таких частиц, как *ужасно* или *крайне*, сохраняющих следы негативных ассоциаций, мы можем убедиться, что впечатление о свободе сочетаемости частиц с разными признаками ошибочно. Например, *ужасно интересный*, *любопытный* уместно для выражения эмоциональных субъективных впечатлений о чем-либо, чаще всего поверхностных, но трудно себе представить употребления типа: *ужасно глубокая концепция*, *ужасно разносторонние познания*. Употребление слова является ограниченным не только семантически, но и стилистически.

Те же ограничения и у частицы *крайне*: *крайне важно*, *крайне необходимо*, *крайне любопытно*, мыслит *крайне узко*, но не *крайне умно*, *крайне весело*, *крайне широко*, *глубоко* и т. п. И дело не только в метафорическом «крае», который совместим или не совместим с тем или иным признаком, но и в традиции, в том числе и стилистической, употребления этого слова.

Возвращаясь к слову *достаточно*, укажем, во-первых, на то, что словарь не препятствует широкой сочетаемости слова с обозначением разных признаков. Так, у слова *достаточно*, употребляющегося в функции частицы, фиксируется значение 'в значительной степени', безотносительно к характеру признака, хотя иллюстрируется оно в словарной статье употреблением слова с положительным признаком: *достаточно умный* [Кузнецов (гл. ред.) 2008].

Сама же частица с этим ее значением производна от наречия/предикатива со значением по прилагательному *достаточный*: 'удовлетворяющий потребностям, необходимым условиям' [Кузнецов (гл. ред.) 2008]. И, как свидетельствует словарь, частица, наречие и их значения еще не разошлись по разным словарным статьям, не стали полными омонимами, а сохранили связь в составе одного многозначного слова. Следовательно, значение частицы может сохранять влияние значения наречия, в котором есть имплицитная установка на сочетаемость по признаку «удовлетворяющий потребностям...», т. е. на сочетаемость с признаком, воспринимающимся как положительный.

Действительно, даже в НКРЯ таких сочетаний гораздо больше, чем тех, которые мы расценили как некорректные:

И главное, кризис 1998 года показал, что наша политическая система достаточно стабильна (А. Ивантер, В. Мау. Качественный рост с опорой на институты // Эксперт. 2014); *Дополнительного притока денег нет, а зарплата уже достаточно высокая* (А. Ивантер, В. Мау. Качественный рост с опорой на институты // Эксперт. 2014); *Если режиссер ощущал прочность собственного авто-*

ритета, выслушивал комплименты по поводу балета или срывал громкое одобрение соратников, то становился **достаточно бодр и даже игрив** (А. Снегирев. Вера. 2015); Но вокруг было не тихое подполье конца 1950-х — начала 1960-х годов, а **достаточно бурная и активная жизнь** (Б. Любимов. Три главные темы в жизни — Церковь, литература и театр. 2015); Штрум попросил Соколова помочь ему, — он не чувствовал себя **достаточно уверенным** в этой области математики (В. Гроссман. Жизнь и судьба. Ч. 1. 1960); Однако гипотеза Шмидта не смогла дать **достаточно обоснованного** ответа на главный вопрос о происхождении первоначального газопылевого облака (И. С. Шкловский. Из истории развития радиоастрономии в СССР. 1960) и т. д.

По нашим наблюдениям, выбор слова *достаточно* в «ошибочных» случаях обусловлен его паронимастической схожестью с частицей *довольно*, которая тоже обозначает некоторое превышение мыслимой меры признака, но ее связь с производящим наречием (взглянул **довольно** и весело) и прилагательным *довольный* менее ощутима, чем у слова *достаточно*, может быть, потому, что ее употребление, согласно материалам НКРЯ, гораздо «старше», чем употребление частицы *достаточно*. В ряде случаев (конечно, не во всех) слово *достаточно* вполне можно заменить словом *довольно* без ущерба для смысла и языкового вкуса: *Вода в реке уже довольно холодная; Работа была довольно глупая; Блюдо довольно острое; Нагрузка довольно тяжелая* и т. п. Но и при такой попытке редактировать контекст мы тоже можем встретиться с сопротивлением внутренней формы слова (в виде следов производящего значения). Так, трудно себе представить сочетания типа *довольно несчастная женщина* или *довольно грустная картина*: близкое соседство антонима «оживляет», актуализирует значение «материнского» прилагательного *довольный*: «испытывающий чувство удовольствия, удовлетворения, выражающий чувство удовольствия» [Кузнецов (гл. ред.) 2008], ассоциативно связанное с радостью и другими позитивными эмоциями.

Какие же признаки тех или иных употреблений частицы *достаточно* могут служить маркерами их правильности? Помимо названной выше и проиллюстрированной примерами закономерности сочетания с положительным признаком, «правильные» контексты, так или иначе, отражают динамичность признака «удовлетворяющий потребностям, необходимым условиям», которая легко может быть проверена с помощью подстановки слов *уже* или *еще*. Ср.: *И главное, кризис 1998 года показал, что наша политическая система уже (еще) достаточно стабильна; Но вокруг было уже не тихое подполье конца 1950-х — начала 1960-х годов, а достаточно бурная и активная жизнь; Однако гипотеза Шмидта уже (еще) не могла дать достаточно обоснованного ответа на главный вопрос...*

«Неправильные» контексты обычно такой подстановке сопротивляются: *Но нагрузка порой бывает уже (еще) достаточно тяжелой; Работа была уже (еще) достаточно глупая; Какого стального комиссара играет эта пожилая, издерганная и, видимо, уже (еще) достаточно несчастная женщина?*.. Но прием подстановки частиц *уже, еще* нельзя считать абсолютным, потому что они могут быть несовместимы с другими элементами контекста: глагольными формами времени, обозначением временных понятий и т. п. Лучше ориентироваться на внутреннюю форму производящего слова — значение наречия *достаточно* ('удовлетворяющий условиям, потребностям'), оппозицию 'положительный/негативный признак' и общее содержание контекста.

В заключение следует обратить внимание на то, что случаев актуализации значения производящего слова в слове производном, служебном, подвергнувшись полной или частичной десемантизации, в языке очень много. Этой тенденцией отмечено функционирование прежде всего служебной лексики, например предлогов *благодаря* (коррелятивный союз *благодаря тому что*), *согласно* (оба предлога сочетаются с обозначением события, воспринимаемого как положительное), *вопреки* (с названиями антропологических понятий, речевых произведений, ментальных событий, чаще всего негативных: *вопреки угрозам, запретам, плохому предчувствию* и т. п.; некорректно: *вопреки свободе, радости, дождю, хорошей погоде*), *несмотря на* (коррелятивный союз *несмотря на то что*; сочетается с обозначениями негативных событий, воспринимаемых как испытания: *несмотря на болезнь, несмотря на то что долго враждовали*; но не совсем корректно: *несмотря на хорошее самочувствие, дружбу, мир, радость* и т. п.)⁴.

Тенденция к внутреннему ограничению сочетаемости по производящему значению активна в сфере производных значений слов не только служебных, но и знаменательных. Так, Г. И. Кустова демонстрирует это явление на примере вторичных отвлеченных значений некоторых групп

⁴ Конечно, вывод о некорректности употреблений предлогов *вопреки, несмотря на* и т. п. во многом зависит от широкого контекста формирования противопоставления, от того, насколько оно (это противопоставление) актуализировано в общей смысловой структуре текста или высказывания. Так, отдельные примеры употребления этих предлогов со значениями позитивной эмоции могут быть расценены как вполне корректные: *Вопреки радости окружающих, ей казалось, что произошло нечто ужасное; Несмотря на хорошее самочувствие, выступить она отказалась*. Если предположить, что центром информации в первом случае была не принятая героиней *радость окружающих* или ее необъяснимые предчувствия, а во втором — поиск любых поводов *не выступить*, то употребление предлогов следует признать оправданным. Но это несколько не противоречит концепции «памяти значения», согласно которой следы значения производящего слова и былых его употреблений только *пропускают* (когда более явственно, когда — менее) в функционировании производного слова, а «некорректное» не значит «ошибочное».

глаголов. Она пишет о том, что главной закономерностью развития абстрактных, служебных значений слова, *абстрактивизации* лексической семантики, «семантического выветривания» [Кустова 2004] является возникновение противоположной тенденции, которую можно назвать «памятью значения». Она заключается в сохранении производными значениями специфических признаков исходного значения [Там же: 199]. Именно это свойство сохранять следы семантики производящего слова препятствует слишком свободной сочетаемости слова: «Сочетаемость производных, абстрактных значений определяется не реальностью... а семантической системой языка. Их сочетаемость надо знать (а иностранцам запоминать)... Вместо ожидаемой широкой сочетаемости абстрактных значений чуть ли не со всем словарем, мы имеем очень узкую и ограниченную сочетаемость этих абстрактных значений, задаваемых списком, хотя и мотивированную» [Кустова 2004: 200].

Во многом эти семантические элементы, влияющие на сочетаемость, субъективны, они актуализируют оценочность и формируют коннотацию слова, потому что «вообще производные значения, к какой бы ситуации они ни относились, содержат много информации о человеке — его системе предпочтений, типах реакций и т. п. И это не удивительно. Ведь абстрактные объекты и ситуации, которые описываются абстрактными значениями, — это сфера человека... Специфичные компоненты исходного значения, которые стимулируют развитие производных значений, характеризуют не столько ситуацию (конкретную или абстрактную), сколько человека» [Там же: 208]. Этим объясняется и эффект «сорняка», тенденции речевого автоматизма и бессознательных предпочтений, в которые вовлечено и слово *достаточно*.

Упражнения на ограниченную сочетаемость в аспекте «памяти значения» во множестве содержатся в учебниках по культуре речи, в материалах с «лексическими ошибками»: *Ряд совместных предприятий продолжает этот вид деятельности, что способствует потере* производства в качестве и отделке тканей. Первые годы перестройки *положительно сказались* на жилищном строительстве. *Благоприятно сказался* для промышленников Указ императора Павла I. Как опыт западных стран, так и отечественная практика *богаты фактами разорения и краха* не только мелких предприятий, но и крупных заводов. *Есть возможность* тяжелых осложнений. Многочисленные стихийные базары *значительно обезобразились*. Страх понести наказание за нетрудовые доходы *вызвал к жизни* подстановку в число учредителей вымышленных людей [Володина и др. 2012: 174–175].

В список слов с ограниченной сочетаемостью вследствие «памяти значения» попадают некоторые глаголы, например: *способствовать* (только положительному действию: *росту производства, повышению качества,*

миру, налаживанию отношений и т. п.); *сказаться на* (о причинах негативных событий-следствий: *Годы разлуки сказались на их отношениях: они стали чужими людьми*); *демонстрировать* (осознанное, целенаправленное, положительное или отрицательное: *продemonстрировать свою позицию, характер, равнодушие, неравнодушие*; некорректно: *Студент на экзамене продемонстрировал незнание предмета*, — потому что нельзя *продemonстрировать*, т. е. специально показать то, чего нет, — ноль, отсутствие знаний); *обнаружить* (бессознательное, бесформенное, негативное: *Студент обнаружил неготовность к экзамену и т. п.*). «Память значения» определяет сочетаемость и некоторых отвлеченных существительных, например: *возможность* (чего-то положительного), *опасность* (негативного). Некорректно: *Есть **возможность** возвращения тайфуна; Существует **возможность** обострения отношений* (вместо *вероятность, опасность*).

Говоря о семантических и социолингвистических факторах неявно-го ограничения сочетаемости слов, Л. П. Крысин предлагает относиться внимательнее не только к семантике слова, но и к его истории, узусу и социальным условиям употребления [Крысин 2008: 120–124]. Совершенно очевидно, что процесс овладения нормой сочетаемости слов, наряду с развитием навыка использования конкретных слов (быть может, даже на основе анализа лексических ошибок — см. выше), включает в себя еще и формирование общей языковой компетенции в этой сфере: устойчивого внимания к многозначности слова, его семантической, историко-этимологической глубине, стилистического чутья, навыка распознавания аксиологического потенциала слова и всего того, что дополняет и обогащает навык нормативного словоупотребления.

Литература

- Володина Н. С., Иванова А. Ю., Клюев В. С. и др. Культура устной и письменной речи делового человека: Справочник. Практикум. М.: Флинта: Наука, 2012. 320 с.
- Крысин Л. П. Слово в современных текстах и словарях. Очерки о русской лексике и лексикографии. М.: Знак, 2008. 320 с. (Studia philologica).
- Кузнецов С. А. (гл. ред.). Новейший большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, М.: Рипол классик, 2008. 1536 с.
- Кустова Г. И. Типы производных значений и механизмы языкового расширения. М.: Языки славянской культуры, 2004. 472 с. (Studia philologica).
- Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://ruscorpora.ru> (дата обращения: 24.11.2018).

References

- Krysin L. P. *Slovo v sovremennykh tekstakh i slovaryakh. Ocherki o russkoi leksike i leksikografii* [Word in modern texts and dictionaries. Essays on Russian vocabulary and lexicography]. Moscow, Znak Publ., 2008. 320 p. (Studia philologica).
- Kustova G. I. *Tipy proizvodnykh znachenii i mekhanizmy yazykovogo rasshireniya* [Types of derived values and language extension mechanisms]. Moscow, Yazyki Slavyanskoi Kul'tury Publ., 2004. 472 p. (Studia philologica).
- Kuznetsov S. A. (ch. ed.). *Noveishii bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [The newest large dictionary of the Russian language]. Saint-Petersburg, Norint Publ., Moscow, Ripol klassik Publ., 2008. 1536 p.
- Natsional'nyi korpus russkogo yazyka* [Russian National Corpus]. Available at: <http://ruscorpora.ru> (accessed 23.11.2018).
- Volodina N. S., Ivanova A. Yu., Klyuev V. S. *Kul'tura ustnoi i pis'mennoi rechi delovogo cheloveka: Spravochnik. Praktikum* [Culture of speech and writing business person. Directory. Practical work]. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2012. 320 p.

К вопросу об адаптации англицизмов в русском языке (на примере слов *селфмейд*, *хэндмейд*, *мастрид*, *мастхэв*)

Оксана Александровна Башкирцева¹, Дарья Михайловна Дедковская²,
Иркутский национальный исследовательский технический университет (Россия, Иркутск),
oksana9999@mail.ru¹, darya_dedkovskay@mail.ru²

DOI: 10.31857/S013161170007622-3

АННОТАЦИЯ: Данная статья посвящена рассмотрению процесса встраивания в русский язык англицизмов, образованных на основе сочетаний существительного с глаголом, а также модального и смыслового глаголов. Эти слова распространены среди активных пользователей интернета, бизнес-элиты, представителей шоу-бизнеса и т. п. Подобные заимствования представляют интерес, поскольку, вероятно, образованы в результате лексикализации. Граница между словом и словосочетанием в языке-источнике в этом случае является зыбкой, следовательно, трудно однозначно определить, произошла лексикализация в английском языке или в языке-реципиенте. Своеобразие образования данных слов определяет специфику их семантики и грамматические характеристики, в частности выраженность глагольного значения при внешних признаках существительного, колебания в частеречной принадлежности, особенность категорий рода, числа, падежа, синтаксических функций. В связи с вышесказанным проблемными являются данные единицы и для лексикографического описания. Отсутствие унификации в орфографии и графическом оформлении, небольшая словообразовательная парадигма показывают, что рассматриваемые заимствованные слова находятся на стадии освоения. Различаются и сферы употребления

слов в языках: если для английского как языка-источника это обще-разговорные слова, то для русского — пока стилистически очень ограниченная лексика, лингвистические прогнозы по которой делать еще рано.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: заимствования, ассимиляция, лексикализация, жаргон, язык-реципиент

для цитирования: Башкирцева О. А., Дедковская Д. М. К вопросу об адаптации англицизмов в русском языке (на примере слов *селфмейд*, *хэндмейд*, *мастрид*, *мастхэв*) // Русская речь. 2019. № 6. С. 19–31. DOI: 10.31857/S013161170007622-3.

Issues of Modern Russian Language

Adaptation of Anglicisms in the Russian Language (A Case Study of Words *Selfmade*, *Handmade*, *Must Read*, *Must Have*)

Oksana A. Bashkirtseva¹, Darja M. Dedkovskaya²,
Irkutsk National Research Technical University (Russia, Irkutsk),
oksana9999@mail.ru¹, darya_dedkovskay@mail.ru²

ABSTRACT: This article analyzes the process of embedding anglicisms into the Russian language. The studied anglicisms are formed from a combination of modal and notional verbs or a noun-verb combination. These words are used by active Internet users, business elites, show business representatives, etc. The borrowings are of interest because they might be formed through lexicalization. In the source language the boundary between a word and a word combination is fragile. Therefore, it is difficult to determine whether lexicalization has occurred in the English language or in the recipient one. Peculiarities of word formation determine the specifics of their semantics and grammatical characteristics (fluctuations of morphological categories

and syntactic functions). Lexicographic description of these units is also challenging. The lack of unified spelling and a small derivational paradigm show that the borrowed words are at the stage of development. In the English and Russian languages they are used in different spheres: in English they are general language words; in Russian they are used in a limited number of settings.

KEYWORDS: loanwords, assimilation, lexicalization, jargon, language-recipient

FOR CITATION: Bashkirtseva O. A., Dedkovskaya D. M. Adaptation of Anglicisms in the Russian Language (A Case Study of Words *Selfmade*, *Handmade*, *Must Read*, *Must Have*). Russian Speech = Russkaya Rech'. 2019. No. 6. Pp. 19–31. DOI: 10.31857/S013161170007622-3.

Проблема заимствований в русском языке является одной из самых актуальных для обсуждения не только среди профессиональных лингвистов (труды В. Г. Костомарова, М. А. Кронгауза, Л. П. Крысина, Е. В. Мариновой, Ю. Ю. Аверьяновой и др.), но и среди рядовых носителей языка. Нужны ли нам заимствования? Что они привносят в систему русского языка и почему необходимы говорящим? Однако наряду с этими немало-важными вопросами появляется и другой: как новые слова осваиваются нашим языком. Ответ на него приводит к интересным наблюдениям не только над самими словами, но и над языком-реципиентом. Размышляя над заимствованиями, лингвисты часто говорят, что язык, как живой организм, перерабатывая новое, отбросит со временем ненужное. Этот процесс «перерабатывания» и представляет интерес. М. А. Кронгауз пишет «об особом “одомашнивании” отдельных приглянувшихся иностранных слов» [Кронгауз 2007: 17].

Попробуем разобраться в этом процессе на примере нескольких слов: *селфмейд*, *хэндмейд*, *мастрид*, *мастхэв*. Для исследования были использованы данные интернет-системы двуязычных словарей «Мультитран», контексты Национального корпуса русского языка, а также примеры употребления данных слов, обнаруженные с помощью поисковой системы «Яндекс».

Все исследуемые лексемы в английском языке представляют собой не одно слово, а сочетание, что усложняет анализ их значения и грамматических характеристик, тем более что не все из них имеют четкое лексико-графическое описание.

Способов грамматической ассимиляции заимствований в русском языке несколько: включение в частеречную систему принимающего языка, приобретение словообразовательной парадигмы, лексикализация [Воробьева 2009: 179]. Слова, о которых пойдет речь в этой статье, можно считать результатом лексикализации. Однако, как справедливо отмечают исследователи, граница между словосочетанием и сложным словом в английском языке не всегда четкая, вследствие этого трудно определить, какие заимствования образованы в результате лексикализации и когда произошел этот процесс: в английском языке или в принимающем. Очевидно, что из английского заимствуются не только однословные эквиваленты исконных аналитических номинаций принимающего языка. По мнению С. В. Воробьевой, «заимствуемые сложные слова и словосочетания функционируют в принимающем языке в качестве самостоятельных, морфологически неразложимых лексических единиц» [Воробьева 2009: 182].

В англоязычной культуре распространено устойчивое сочетание *self-made man*, образованное от возвратного местоимения *self*, глагола *made* ('делать', 'создавать') и существительного *man* ('человек'), дословно это сочетание переводится как 'человек, сделавший самого себя'. Это состоявшаяся личность, которая добилась успеха самостоятельно. В таком неизменном виде *self-made man* это устойчивое сочетание еще встречается в русскоязычных текстах. Однако все более распространенным становится вариант, где компонент *man* не используется либо заменяется русскими словами: человек, люди, герой, мужчина и т. п. Например: ***Self made***, или как ***сделать себя самому? Self-made мужчина*** постоянно занимается своим развитием. В Питере я был никем, а здесь я ***селф-мейд, человек, который строит сам себя***. Однако встречаются и полные кальки — ***селфмейдмен***: ...так как ***селфмейдмен*** — это тот, кто достигает наивысшего успеха, не имея ни связей, ни благородного происхождения.

Частое отсутствие компонента *man* связано и с тем, что указанная лексема используется не только для называния человека, но и для характеристики определенного социального явления, поэтому расширяется сочетаемость слова: *self-made философия*, *self-made одежда*, *self-made пивоварня*. Однако даже в этих сочетаниях, на наш взгляд, в значении сохраняется отсылка к человеку, добившемуся в жизни многого самостоятельно. *Self-made философия* — это философия, свойственная таким людям, *self-made одежда* — одежда, которую носят селфмейды, *self-made пивоварня* — пивоварня, созданная успешными людьми для таких же людей.

Наряду со словом *селфмейд* используется и однокоренная лексема *селфмейдинг* для обозначения социального явления и определенной мо-

дели поведения, при которой человек стремится достичь успехов. *Идея **селфмейдинга** неразделимо связана с американской мечтой, которая была сформулирована известными «американскими отцами-основателями».*

В орфографическом плане лексема по-прежнему часто сохраняет написание латиницей: *self-made* и *self made*. Однако встречаются и варианты на кириллице — *селф мейд*, *селф-мейд*, *селфмейд*. Вариативная орфография свидетельствует о том, что слово находится пока на периферии системы языка и, образно говоря, только ищет свое место в ней.

Слово *селфмейд* вызывает интерес и с грамматической точки зрения. В языке-источнике по сути оно является устойчивым сочетанием, таким остается и в переводе и осмысливается подобным же образом. Однако в контекстах выступает как слово, морфологические характеристики и синтаксическая роль которого определяются не всегда однозначно.

Слово функционирует как существительное мужского рода 2-го склонения. Отнесение слова к мужскому роду происходит по признакам нулевого окончания и основы на твердый согласный, хотя слово может относиться и к мужчине, и к женщине. *Подробнее о российских **self-made** героинях из рейтинга Forbes богатейших женщин России — в нашей галерее.*

Очень сложно однозначно сказать об изменяемости слова.

Варианты типа *селфмейд*, *self-made*, *селф-мейд*, как правило, не изменяются. Это связано с тем, что они часто употребляются не самостоятельно, а в качестве несогласованного определения к другим словам: *личность, мужчина, женщина, философия* и др. Компонент *селфмейд* остается неизменяемым (см. контексты выше), склоняются русскоязычные слова, входящие в состав лексемы. Они выражают значение падежа и числа.

Однако зафиксированы контексты, где лексема *селфмейд* изменяется по типу существительных 2-го склонения мужского рода. Например: *Хотя существует определенное количество факторов, способствующих успеху, неизменным среди них остается титанический труд, являющийся, по мнению **селфмейдов**, ключевым условием для обретения успеха.* Это единичные случаи употребления подобных форм, но и их наличие говорит об одном из путей интеграции этого иноязычного слова в русскую речь.

Также сложно однозначно определить синтаксические роли этого слова. На наш взгляд, в контекстах лексема *селфмейд* выступает чаще в позициях, свойственных существительному: подлежащее, именное сказуемое и определение, в том числе приложение.

*Фактически же **self made** — это способ жизни, установок, которые настраивают человека добиваться успеха своими силами, не рассчитывая на помощь других (подлежащее).*

Я — SELFMADE! Родилась и выросла в маленьком городке Ярославской области, никогда не имела больших финансов, роскошной внешности и пер-

спектив. Алексеев — и сам классический **«селф-мейд»**, и эта роль в его жизни — не подарок судьбы (Вести. Ru. 2008) (сказуемое).

Лексема *селфмейд* может выступать в роли определения, когда находится в постпозиции по отношению к определяемому слову. Например: *Существует целая методика воспитания ребёнка по системе селф мейд. Принципы self made очень помогают им достичь желаемого.*

Может слово *селфмейд* выступать и в роли приложения, чаще в препозиции. *SelfMade поколение. Вот семь секретов «селф-мейд» миллионеров, которым они учат своих детей. Теорию становления селфмейд-личности поддерживал и Бенджамин Франклин....*

Как видно из контекстов, такие приложения пишутся и через дефис, и раздельно, что не всегда соответствует орфографическим правилам русского языка. Это еще раз свидетельствует о том, что лексема еще не заняла своего прочного места в языковой системе.

Среди заимствований есть языковая единица, которая также имеет компонент *made* ('делать, создавать'). Это слово *хэндмейд*. Первоначально с ним связывалось рукоделие, а также вещи, созданные собственноручно. Синонимом может являться сочетание *ручная работа*, так звучит и дословный перевод — 'ручной работы', 'изготовленный вручную, самостоятельно', 'домашний' (о кушаньях) (по данным системы «Мультитран»). Именно поэтому *хэндмейд* употребляется не только по отношению к одежде, аксессуарам, предметам интерьера, но и к выпечке, блюдам и т. п.

Хэндмейд — это вообще что-то, что сделано своими руками. Отсутствие конкретики в семантике обуславливает широкую сочетаемость (*хэндмейд-мастера, хэндмейд-декор, хэндмейд-украшения* и т. п.).

Чаще всего у слова положительная коннотация, хэндмейд — это штучный продукт в противовес продуктам массового производства. *Хендмейд — это способ заявить о своей индивидуальности и показать свое эстетическое видение мира.*

Однако есть контексты с отрицательным, пренебрежительным отношением говорящего к подобным вещам. *К нам приносят вещи разных марок, чаще, конечно, все то, что продается в торговых центрах. Иногда встречается одежда от известных кутюрье, а иногда хендмейд несут...*

Несмотря на то, что перевод звучит как словосочетание, в контекстах чаще всего слово употребляется как существительное. Это видно и по морфологическим характеристикам, и по синтаксическим позициям, которые лексема занимает в предложении. Во-первых, у слова выражено предметное значение, что, в принципе, отражают представленные контексты: это некая вещь, сделанная своими руками. Во-вторых, изменяемость лексемы по падежам и числам роднит его со словами 2-го склонения мужского рода, например, *хэндмейду, хэндмейдом* (*Интересные идеи*

для хенд мейда: мастер-класс по созданию уникальных вещей. Эволюция: от рукоделия к хендмейду. Мастерская хэндмейдов). Следует заметить, что формы множественного числа встречаются редко. В-третьих, синтаксически слово ведет себя разнопланово: оно может выступать как в позиции главных членов предложения, так и в позиции второстепенных — определения, в том числе и приложения, дополнения. Например: *несут хенд мейд* (дополнение), *хендмейд — это способ...* (подлежащее), *хенд мейдом можно назвать все...* (сказуемое). *Вот дочка одной моей подруги (13 лет) сидит сейчас намертво во всяких хэндмейд-сообществах и рукодельничает* (приложение).

В отличие от слова *селфмейд*, у которого не наблюдается обстоятельственное значение, у слова *хэндмейд* оно есть.

Например: *Овсянку или омлет можно сделать handmade, можно сыр, с фруктов начинать день вроде как не принято — но это уж вы сами*. В представленном контексте видно, что слово *хэндмейд* характеризует действие, его можно заменить синонимом *собственноручно, самостоятельно*. В интернет-системе «Мультитран» отмечено значение «по-домашнему» (употребляется по отношению к еде). В этом смысле возможно, что *handmade* является наречием, однако гораздо больше контекстов, в которых это слово выступает как существительное, а обстоятельственная функция у этой части речи, как известно, есть. Ср.: *сделать (как?) своими руками*.

Что касается изменяемости, то трудно однозначно сказать, почему слово *селфмейд* почти всегда не склоняется, за исключением редких контекстов, а *хэндмейд* — изменяется. Мы можем лишь предположить. *Селфмейд* — это чаще всего человек и все, что связано с его духовным, ментальным, отчасти и внешним миром. Семантика лексемы *хэндмейд* соотносится с вещным миром, что обуславливает более широкую лексическую сочетаемость.

В отличие от лексемы *селфмейд* слово *хэндмейд* обладает большим словообразовательным потенциалом. Среди контекстов в поисковой системе «Яндекс» зафиксировано прилагательное, образованное по русской модели с помощью суффикса *-ов-*: *Вариант хэндмейдового держателя для туалетной бумаги. Хэндмейдовые экзерсисы. Много и новых мыслей породила книга, и уже начала применять и в своей хэндмейдовой и блоггерской жизни. Хэндмейдовые вещицы. Скворечники — дизайнерские и хэндмейдовые*.

Что касается орфографии, то она очень вариативна. Встречается написание как кириллическое, так и на латинице. Слово пишется и слитно, и через дефис, и раздельно: *handmade, hand made, хэнд мейд* или *хэндмейд, хэнд-мейд*.

Следующие слова, рассматриваемые в данной статье, имеют в своем составе общий компонент *маст* (must) — *мастхэв* (must have) и *мастрид* (must read). В контекстах Национального корпуса русского языка и примерах, обнаруженных с помощью поисковой системы «Яндекс», встречаются разные типы написаний — как латиницей, так и кириллицей. Нестоящей является и орфография данных слов: в современной речи наблюдаются слитное (*мастхэв*, *мастрид*) и раздельное написание (*маст хэв*, *маст рид*, *must have*), а также написание через дефис (*маст-хэв*, *must-have*, *маст-хев*, *маст-рид*).

В русский язык *мастхэв* было заимствовано, вероятно, уже как результат лексикализации, так как в большинстве контекстов выступает как существительное в значении ‘вещь, которую нужно иметь или приобрести ввиду ее особенной практической полезности и популярности’: *Маст-хэв для всех любителей футбола — официальный гид по Чемпионату мира — 2018. Мастхэв функционирует как существительное мужского рода, изменяется по числам и падежам: Маска с лимоном и огурцом — мой мастхэв. Итак, рассказываю про свои мастхэвы, без которых уже жить не могу. Представляю 11 мастхэвов на каждый день.*

Данное слово чаще встречается в сочетании с существительными в форме родительного падежа: *мастхэв сезона, мастхэв весны, мастхэв стройности*. В предложениях употребляется в роли подлежащего, сказуемого, дополнения. Также встречаются контексты, где лексема является приложением, стоящим в препозиции к определяемому существительному: *Так появилась стильная мастхэв одежда, которая на протяжении уже нескольких лет пользуется популярностью у девушек разных возрастов. В нашем блоге охотно делимся мастхэв секретами. 7 маст-хэв вещей весенне-летнего гардероба, мастхэв продукты, мастхэв витамины, мастхэв вкусы, мастхэв табак*. Иногда можно встретить примеры использования *мастхэв* в обстоятельственном или атрибутивном значении: *Какая музыка должна быть мастхэв на моей флешке? Что должно быть в машине из музыки из серии маст хэв?*

Неполная освоенность данного заимствованного слова приводит к тому, что не всегда можно с точностью определить, является ли *мастхэв* только существительным в русском языке или может функционировать как сочетание двух глаголов: *Маст хэв* или не *маст хэв*: *что из «необходимых» вещей не так уж необходимо. Маст-хэв: 10 вещей, которые должна позволить себе каждая женщина*. В данных примерах *мастхэв* можно понять как ‘необходимо иметь / необязательно иметь’ или ‘необходимая вещь / необязательная вещь’. Для носителя языка данные уточнения не важны; главное, что понятен общий смысл высказывания.

Тем не менее следует отметить, что, несмотря на то что слово *маст-хэв* имеет внешний облик существительного и, скорее, воспринимается как существительное носителями русского языка, глагольная семантика в нем присутствует в значительной мере. Это обусловлено тем, что в языке-источнике *must have* — это сочетание двух глаголов.

Рассмотрим лексему *мастрид*. Сочетание *must read* в английском языке имеет значение ‘должен читать’: *You must read more* ‘Ты **должен** больше читать’ (настойчивый совет). В русском языке *мастрид* преимущественно употребляется в значении ‘что-либо (книга, статья, список книг) обязательное для прочтения вследствие практической полезности и популярности’: *Расскажу про книгу, которая, как мне кажется, просто **мастрид** для всех родителей школьников. Книга № 2 М. Шолохов «Судьба человека» — это **мастрид**, конечно. Потому что невероятно пронзительно... потому что христианская патетика.* Анализ контекстов показал, что *мастрид* в большинстве случаев функционирует как существительное мужского рода, которое изменяется по числам и падежам: *Особенно это словцо любит Алексей Навальный, регулярно публикующий на своем сайте увлекательные **мастриды**, то есть статьи, прочитать которые просто обязан каждый уважающий себя оппозиционер. Например, автобиография Бенджамина Франклина — **абсолютный мастрид**, всем советую.* Однако в отдельных случаях может употребляться как несклоняемое существительное: *Преподавая литературу в американских университетах, Иосиф Бродский давал своим студентам внушительные списки **мастрид**.*

Мастрид чаще встречается в составе словосочетаний с существительными в форме дательного и предложного падежа, что обусловлено семантикой слова: *мастрид по родам, мастрид о протестантизме.* В предложении выступает в роли подлежащего, сказуемого, дополнения, приложения: *Уоллес «Бесконечная шутка» — абсолютный **мастрид** обо всем. Книга замечательная: честная, сильная и интересная. **Мастрид** — ее праймальная репутация. Посему возникла идея — выложить небольшой список левой литературы из разряда «**мастрид**». Там представлены **мастрид-приложения**.*

Зафиксированы примеры использования *мастрид* в обстоятельственном значении ‘обязательно к прочтению’: *Очень интересно и **мастрид**.*

Однако, несмотря на внешний облик существительного, присущий *мастрид*, в ряде случаев трудно установить частеречную принадлежность слова. В следующих примерах, как представляется, *мастрид* выражает значение ‘читать обязательно’: ***Мастрид!** Диагностика больного с лихорадкой неясного генеза; **Мастрид!**; **MustRead**: пять книг, которые стоит прочесть каждому; 10 самых обсуждаемых книг прошлого года: **must-read**.*

У слова *мастрид*, в отличие от *мастхэв*, удалось зафиксировать словообразовательные дериваты: *мастридовая статья*, *мастридовый автор*, *мастридовая ссылка*, *мастридовая рубрика*. Прилагательные, образованные от слова *мастрид*, употребляются нечасто — всего 11 результатов, обнаруженных с помощью поисковой системы «Яндекс». И только в одном примере было замечено наречие *мастридово*: *Внезапно, как хоккейный «Спартак» в зону плей-офф, врывается в рабочую неделю @lebedev_mike с внеочередным текстом о хоккее. Как всегда **мастридово**, особенно перед вечерней шайбой*. Следует, на наш взгляд, считать это слово наречием по причине отнесенности к глаголу (*врывается мастридово*).

Следует заметить, что некоторые слова, пришедшие в русский язык из английского сравнительно недавно, гораздо активнее участвуют в процессах словообразования, чем исследуемые нами языковые единицы (сравните широкую распространенность в современной речи дериватов слова *хайп* — *хайповый*, *хайпануть*, *хайпить*). Возможно, это связано со степенью популярности, освоенности слова либо с глагольной семантикой словосочетания, присутствующего в описываемых нами лексемах.

При сопоставлении языковых единиц *селфмейд*, *хэндмейд*, *мастрид*, *мастхэв* отчетливо видно, что семантика действия больше выражена в словах *мастрид* и *мастхэв*, нежели в лексемах *селфмейд*, *хэндмейд*. *Селфмейд* сразу воспринимается как существительное, поскольку гиперсемой лексического значения является сема «человек». Слово *хэндмейд* ассоциируется с вещью ручной работы, хотя отдаленно глагольное значение «делать руками» осознается носителем языка при употреблении. Возможно, что это еще одна из причин, по которым у этой лексемы, по сравнению с *селфмейд*, больший дистрибутивный и словообразовательный потенциал. У лексических единиц *мастрид* и *мастхэв*, как уже было показано выше, — семантика пограничная: то ли «нечто, обязательное к прочтению/приобретению», то ли побуждение к действию. Вероятно, это обусловлено происхождением слов от сочетания двух глаголов — модального и смыслового.

Лексемы *селфмейд*, *хэндмейд*, *мастрид*, *мастхэв* имеют еще одну особенность, которая касается их функционирования в предложении. В постпозиции (*подарки хэндмейд*, *списки мастрид*) они являются определениями, что в целом типично для русских существительных (ср.: *цветы осени*, *шум моря*), но в отличие от них слова *мастрид*, *мастхэв*, *селфмейд*, *хэндмейд* утрачивают в атрибутивной функции склоняемость, которая, как видно из приведенных выше контекстов, им свойственна. Нет сочетаний типа *подарки хэндмейда*, *списки мастрида* и т. п. Надо отметить, что подобное употребление влечет некоторые изменения в значении. При выполнении атрибутивной функции рассматриваемые лексемы приобретают черты неизменяемых прилагательных по типу сочетаний *юбка беж*, *брю-*

ки галифе. Однако в сочетаниях типа *хэндмейд-подарки*, *мастрид-списки*, *мастхэв-вещи* и т. п. лексемы выступают в качестве существительных-приложений, считать их неизменяемыми прилагательными нельзя, поскольку эти прилагательные не пишутся через дефис и редко употребляются в препозиции к определяемому слову. О трудностях грамматики подобных слов размышляет и В. Г. Костомаров: «*Крейзи-мамочки всё время ищут лучшие школы для своих детей*» (РГ. 2013. 5 авг.) — непонятно, то ли это биномин, то ли крейзи «сумасшедшая» — несклоняемое прилагательное, и дефис не нужен» [Костомаров 2015: 118].

Слова, рассмотренные нами в статье, образованы в результате лексикализации. Скорее всего, этот процесс произошел еще в языке-источнике. Однако то, как существуют эти слова в русском языке, вызывает много вопросов. Перевод этих слов в контекстах чаще всего представляет собой свернутую пропозицию: *селфмейд* — это человек, который сделал сам себя; *хэндмейд* — это вещь ручной работы / которую сделали своими руками; *мастрид* — книги, которые необходимо прочесть, *мастхэв* — это то, что нужно иметь. Следовательно, в словах в разной степени сильна глагольная семантика при признаках существительного: значение предметности, частичная изменяемость по падежам и числам, возможность определить род по нулевому окончанию и основе на твердый согласный, синтаксические роли, типичные для существительного. Синкретизм глагольной и предметной семантики приводит к тому, что дать конкретное толкование значения очень трудно. Оно понимается носителем языка приблизительно и ассоциируется с определенным понятием или явлением.

Данные лексемы обладают словообразовательным потенциалом, о чем свидетельствует наличие дериватов, образованных по русским словообразовательным моделям: *мастридовый*, *мастридово*, *хэндмейдовый*. Это говорит о попытках слов встроиться в систему языка.

Вариативная орфография данных слов свидетельствует о том, что все-таки носитель языка не имеет четкого представления о внешнем облике лексемы. Активно используется как латинское, так и кириллическое написание. Как отмечает И. В. Нечаева, «проблема слитно-дефисных написаний у заимствований представляет максимальную сложность. Возможная причина — в теоретической нерешенности вопроса о разграничении слова и словосочетания, в переходности этого явления» [Нечаева 2011: 114].

Колебания наблюдаются и при употреблении букв *е/э*: *хэндмейд*, *хендмейд*, *хэндмэйд*, *хендмэйд*, *селфмейд*, *сэлфмэйд*, *селфмэйд*, *сэлфмейд*, что также является проблемной зоной орфографии заимствований. С точки зрения исследователей, «у слов с двумя проблемными зонами в отношении употребления букв «э/е» после твердого согласного орфографически обозначается твердость обычно лишь одного из них — того, который

в меньшей степени способен к сохранению твердости произношения» [Нечаева 2011: 97]. В случае с изучаемыми единицами пока трудно определить количество употреблений, которые доминируют.

Слова *селфмейд*, *хэндмейд*, *мастрид*, *мастхэв* сейчас очень модные, они активно используются в речи молодежи, представителей шоу-бизнеса, бизнес-элиты, психологов, в социальных сетях, блогах и пр. Сфера их употребления постепенно расширяется и за счет средств массовой информации. Распространено мнение, что в языке-источнике они являются принадлежностью сленговой речи, однако данные словаря «Мультитран» показали, что гораздо больше употреблений данных слов зафиксировано в нейтральной сфере общения. В русском языке *селфмейд*, *хэндмейд*, *мастрид*, *мастхэв* пока следует считать жаргонизмами.

Однако, несмотря на нарастающую популярность этих слов, говорить об их освоенности русским языком еще рано. Отсутствие унификации в орфографии и графическом оформлении, неопределенность частеречной принадлежности и грамматических категорий, неясность семантики говорят о том, что носители русского языка не имеют о данных лексемах четкого представления. Сегодня сложно сказать, станут ли они фактом системы языка или исчезнут, как это часто происходит со словами, употребляемыми в узких сферах общения.

Литература

- Аверьянова Ю. Ю. К вопросу о грамматическом статусе некоторых иноязычных вкраплений // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2015. № 2. С. 324–358.
- Воробьева С. В. Грамматическая ассимиляция новейших англицизмов в русском языке // Вестник Минского государственного лингвистического университета. Сер. 1. Филология. 2009. № 5. С. 178–186.
- Костомаров В. Г. Язык текущего момента: понятие правильности. СПб.: Златоуст, 2015. 348 с.
- Кронгауз М. А. Русский язык на грани нервного срыва. М.: Знак; Языки славянских культур, 2007. 250 с.
- Крысин Л. П. Слово в современных текстах и словарях. Очерки о русской лексике и лексикографии. М.: Знак, 2008. 320 с.
- Маринова Е. В. Иноязычные слова в русской речи конца XX – начала XXI вв.: проблемы освоения и функционирования: автореферат дис. ... доктора филол. наук / Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2008. 44 с.
- Нечаева И. В. Актуальные проблемы орфографии иноязычных заимствований. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2011. 168 с.

References

- Aver'yanova Yu. Yu. [To the question of grammatical status of some foreign-language inclusions]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo*, 2015, no. 2., pp. 324–358. (In Russ.)
- Kostomarov V. G. *Yazyk tekushchego momenta: ponyatie pravil'nosti* [Language of the moment: the concept of correctness]. St. Petersburg: Zlatoust Publ., 2015. 348 p.
- Krongauz M. A. *Russkii yazyk na grani nervnogo sryva* [Russian language on the verge of a nervous breakdown]. Moscow, Znak Publ.; Yazyki Slavyanskikh Kul'tur Publ., 2007. 250 p.
- Krysin L. P. *Slovo v sovremennykh tekstakh i slovaryakh. Ocherki o russkoi leksike i leksikografii* [Word in modern texts and dictionaries. Essays on Russian vocabulary and lexicography]. Moscow, Znak Publ., 2008. 320 p.
- Marinova E. V. *Inoyazychnye slova v russkoi rechi kontsa XX — nachala XXI vv.: problemy osvoeniya i funktsionirovaniya: avtoreferat dis. ... doktora filol. nauk* [Foreign words in Russian speech of the late 20th — early 21st centuries: problems of development and functioning: abstract dis. Dr. philol. sciences]. Moscow, Vinogradov Russian Language Institute RAS, 2008. 44 p.
- Nechaeva I. V. *Aktual'nye problemy orfografii inoyazychnykh zaimstvovaniy* [Actual problems of spelling of foreign borrowings]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2011. 168 p.
- Vorob'eva S. V. [Grammatical assimilation of the latest anglicisms in the Russian language]. *Vestnik Minskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Ser. 1. Filologiya*, 2009, no. 5, pp. 178–186. (In Russ.)

Как мы говорим в повседневной жизни (об одной потенциальной идиоме русской речи)

Лю Даян, Санкт-Петербургский государственный университет (Россия, Санкт-Петербург),
crystalplane@mail.ru

DOI: 10.31857/S013161170007623-4

АННОТАЦИЯ: Объектом исследования в настоящей работе является разговорная идиоматика, функционирующая в повседневной устной речи носителей русского языка. В статье предлагается типология идиом, выявленных на материале корпуса повседневной речи «Один речевой день» (создан в СПбГУ). Анализ корпусного материала показал, что основную долю разговорной идиоматики составляют три типа идиом: «классические» идиомы, зафиксированные в словарях (*Ид), — 26,4 %, идиоматизированные междометия (*ИдМежд) — 24,8 % и формы-идиомы (*ФИд) — 22,4 %. В статье, на примере одной потенциальной идиомы (*копеечку стоит небезумную*), рассматривается возможность анализа единиц разговорной идиоматики посредством проведения лингвистического опроса носителей языка. Анализ ответов показал, что данное выражение, вероятно, есть результат контаминации двух идиом: *копейки стоит* и *безумные деньги*. Отвечая на вопрос о значении этой единицы, респонденты-филологи разделились на три группы: ‘недорого, дешево’ (53,7 %), ‘стоит определенных денег’ (простая констатация стоимости) (16,7 %) и ‘дорого’ (11,1 %) или ‘очень дорого’ (18,5 %). Материал звукового корпуса содержит много примеров таких новообразований, которые уже вошли в той или иной степени в активный речевой обиход, однако все еще не имеют лексикографического описания.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: идиома, звуковой корпус, повседневная речь, потенциальная идиома, разговорная идиоматика

для цитирования: Лю Даян. Как мы говорим в повседневной жизни (об одной потенциальной идиоме русской речи) // Русская речь. 2019. № 6. С. 32–44. DOI: 10.31857/S013161170007623-4.

Issues of Modern Russian Language

The Way We Talk in Our Daily Life (On One Potential Idiom of Russian Speech)

Liu Dayang, Saint-Petersburg State University (Russia, Saint-Petersburg), cristalplane@mail.ru

ABSTRACT: The paper analyses conversational idioms functioning in Russian everyday oral speech and proposes a typology of idioms collected from the corpus of everyday speech “One Speech Day” (created at St. Petersburg State University). The analysis of the corpus material shows that the majority of colloquial idioms can be divided into three groups: the “classical” idioms fixed in the dictionaries (*Id) — 26,4 %, the idiomatic interjections (*IdMezhd) — 24,8 % and the form-idioms (*FId) — 22,4 %. The article reviews the possibility of analyzing colloquial idioms by means of the linguistic survey conducted among the native speakers through the example of a potential idiom (*kopechku stoit nebezumnuju*). The results show that this expression is probably the result of the contamination of two idioms: ‘*kopejki stoit*’ and ‘*bezumnye den’gi*’. The commentaries of the philologists concerning the meaning of this unit can be divided into three groups: ‘inexpensive, cheap’ (53,7 %), ‘worth some money’ (a simple statement of value) (16,7 %) and ‘expensive’ (11,1 %) or ‘very expensive’ (18,5 %). The material of the speech corpus contains many examples of such new forms that have

already been included in active speech use to varying degrees but still do not have a lexicographic description.

KEYWORDS: idiom, speech corpus, everyday speech, potential idiom, colloquial idiomatics

FOR CITATION: Liu Dayang. The Way We Talk in Our Daily Life (On One Potential Idiom of Russian Speech). Russian Speech = Russkaya Rech'. 2019. No. 6. Pp. 32–44. DOI: 10.31857/S013161170007623-4.

Введение

В повседневной речи носители русского языка часто и обильно употребляют разного рода идиомы. Идиома определяется в настоящей работе достаточно широко — как устойчивое сочетание лексем с полностью или частично переосмысленным значением — и используется как синоним фразеологизма (см.: [Ахманова 1969: 165; Кунин 1996 и др.]). Об активном употреблении идиом свидетельствует, в частности, анализ материалов корпуса повседневной русской речи «Один речевой день» (ОРД) (см. о нем подробнее: [Богданова-Бегларян (ред.) 2013, 2016; Богданова-Бегларян и др. 2017, 2019]). Конкретным материалом для исследования в настоящей работе послужили «речевые дни» 20 информантов ОРД, состав которых был сбалансирован по гендеру (10 женщин и 10 мужчин) и возрасту (10 человек старше 40 лет и 10 человек младше 40 лет). На этом материале (227 435 словоупотреблений¹, более 22 часов звучания) обнаружено 648 идиом разного типа.

Все выявленные устойчивые выражения были условно разделены на две большие группы: «беспроблемные» и «проблемные».

К «беспроблемным» относятся прежде всего те «классические» идиомы, которые уже устоялись в языке и зафиксированы в академических или неформальных словарях, в том числе в онлайн-словарях и интернет-ресурсах. Сюда относятся три группы единиц.

1. Кодифицированные идиомы и их зафиксированные модификации, такие как *на одном дыхании*, *кровь из носа*, *кто девушку ужинает, тот её*

¹ Под словоупотреблением в данном случае понимается единица, которая носит во многом условный характер, поскольку подсчет производился автоматически и в число «слов» попали не только лексические единицы, но и знаки расшифровки. Методика отделения реальных словоупотреблений от прочих знаков в расшифровках ОРД пока еще только разрабатывается — см., например: [Gorbunova 2019]. Однако и при такой условности приведенные цифры все же дают определенное представление о том массиве диалогической речи, в котором употреблены исследуемые идиоматические выражения разных типов.

и танцует, ни с того ни с сего, от тюрьмы и от сумы не уйдешь, ловить себя на мысли, золотые руки, проба пера, и в пир и в мир, жизнь дала трещину, жить на чемоданах и мн. др. Всего таких единиц, которые предлагается маркировать (в рамках созданной типологии) специальной пометой *Ид, — 171 единица (26,4 %).

2. Группа *ФИД — формы-идиомы: *по барабану, без базара, не в масть* и под. Формально они состоят из двух или даже трех компонентов, но представляют собой одну предложно-падежную словоформу или устойчивое сочетание с отрицательными частицами *не* или *ни* (*не вопрос, не светит, ни фига* и др.). Примеров таких форм в материале исследования тоже достаточно много — 145 единиц (22,4 %).

3. Группа *ИдМежд1 — идиоматизированные неоднословные междометия, зафиксированные в словарях (*ничего себе, ну его, слава богу, да брось ты, ради бога* и др.). Звуковой корпус и, несомненно, русский язык в целом чрезвычайно богат подобными экспрессивными выражениями. Всего в материале исследования выявлено 120 таких единиц (18,5 %).

В целом выражений, в отношении которых нет проблем в понимании, признании устойчивости и др., насчитывается в материале исследования 436 единиц (67,3 %). Главной отличительной особенностью «беспроблемных» идиом является то, что их легко выделить из корпусного материала, а их значения зафиксированы в словарях. Они могут становиться моделями для дальнейших видоизменений, приводящих или не приводящих к лексическим изменениям.

К «проблемным» идиомам относятся многочисленные устойчивые выражения, которые при определении значения, установлении их идиоматического статуса, степени устойчивости, актуальности использования и т. п. вызывают некоторые сомнения и требуют более тщательного лингвистического исследования. С учетом всех рассмотренных сложностей отбора единиц для анализа [Богданова-Бегларян, Лю Даян 2017], в эту группу вошли шесть разрядов идиом.

1. *ИдМод — модифицированные «классические» идиомы, которые не зафиксированы в словарях. Общее количество таких единиц в материале исследования — 69 (10,6 %). С одной стороны, их не очень сложно выделить, благодаря узнаваемости исходной формы выражения носителями русского языка. Например: *ни в коей жизни* (ср. *ни в жизнь* + *ни в коем случае*), *левой задней делать* (ср. *левой ногой делать*), *на халяву и хлорка творог* (ср. *на халяву и уксус сладкий*), *отдельно мухи и отдельно варенье* (ср. *отдельно мухи, отдельно котлеты*), *мордой в грязь* (ср. *лицом в грязь*), *выезжать на белом коне* (ср. *въехать на белом коне*) и др. Подобные видоизменения не приводят к изменению лексического значения идиом.

С другой стороны, некоторые такие идиомы в разговорной речи подвергаются не просто «внешней», но и «внутренней» модификации, ведущей к изменению их лексического значения, ср.:

- (1) *то есть они () ну там () сказали что(:) () признали за своего // *П ну () я не очень рвусь туда / ты знаешь // *П так // # туда ... # куда нам уже / # надо что-то **вытряхнуть из души** / да ? **сердца** ([И34] # М1)².*

На первый взгляд, идиома в контексте (1) схожа с известным «беспроблемным» фразеологизмом *вытряхнуть душу из кого*. Однако, несмотря на схожесть компонентов, эти две идиомы расходятся в значениях: кодифицированная идиома означает ‘разг. экспр. Измучить кого-либо угрозами, домогательствами и т. п.’ [Федоров 2008: 123] (см. также: [Фразеологический словарь... 2004; Химик 2004; Мокиенко, Никитина 2007] и др.), а модифицированная — ‘избавиться от чего-либо’ (см. подробнее об этой идиоме: [Лю Даян 2018]).

2. *ИдОкк — это: а) окказиональные, или контекстуальные, идиомы и б) часто используемые идиомы, которые еще не зафиксированы в словарях (*одну секунду, это я уже молчу* и др.) и образованы не путем модификации. Проблема первых — в единичном характере их употребления и определении семантики, проблема вторых — в отсутствии словарной фиксации. Однако именно эта группа идиом является наиболее интересной, поскольку их можно обнаружить, как правило, только в разговорной речи. Общее число *ИдОкк в материале исследования — 38 (5,9 %). Например:

- (2) *сехать но если всё такое () в твоих рассказах было / наверное тогда вообще был бы ты () классиком мировой литературы // @ да да // # *С съехал бы () ты бы **отдыхал** уже // # не говори / да // # **на на нарах** уже / или где-нибудь там (...) (а) (...) в в анналах истории (И34, муж., 77 лет @ М1);*
- (3) *когда мне исполнилось пятьдесят лет / *П второе обострение такое же / такого же масштаба ! как *Н ! я чуть / ну ...ну всё думаю / *П **котёнок умирает** (И34, муж., 77 лет);*
- (4) *они (э) дела... стараются делать для всех / то есть / невзирая на личности / да ? @ угу @ просто / что видит человека / вот из него можно **доить денежку** (И3, жен., 33 года @ Ж1).*

² В атрибуции к примерам из корпусного материала указаны номера информантов (И1...) и их коммуникантов (с гендерной дифференциацией: М1... и Ж1...). Знак # означает мену говорящих, знак @ — взаимное наложение их речи. О других знаках, используемых в расшифровках ОРД, см.: [Богданова-Бегларян (ред.) 2016: 242–243]. В данном примере (1) исследуемое выражение содержится в речи коммуниканта М1, поэтому информант указан в квадратных скобках — [И34].

3. **Ид/Рсб* — идиома или речевой сбой. Этот тип идиом является самым изолированным, т. е. он обнаруживается только в живой речи. Общее число таких единиц — 6 (0,9 %). Рассмотрим пример:

(5) *это ориентировано на западный (:)манер / понимаешь это большинство ориентировано на западный манер // *В когда (...) люди / сотрудники в коллективе / перестают быть хорошими приятелями / а становятся / нездоровыми конкурентами // *П то есть они знают что (...) знаешь как бы это **борьба за местом под солнцем** (ИЗ, жен., 33 года).*

В контексте (5) выражение *борьба за место под солнцем* произнесено говорящим с грамматической ошибкой: *борьба за местом под солнцем*, которую можно рассматривать и как модификацию «классической» идиомы, и как оговорку (речевой сбой) в ходе спонтанного речепорождения. Такого рода *грамматические оговорки* очень распространены в речи носителей языка, ср.: «Из 500 различного рода “неправильностей”, встретившихся в устной спонтанной речи на русском языке, 120 — почти четверть — связаны с нестандартным оформлением словоформы в различных морфологических категориях. <...> Это неудивительно: механизмы речевой деятельности, связанные с морфологическим оформлением словоформы, являются, с одной стороны, неотъемлемой частью синтаксирования, а с другой — действуют в рамках слова» [Русакова 2012: 40]. Конкретная оговорка произошла, надо полагать, под влиянием следующей словоформы Т. п. *под солнцем*. Это эффект, противоположный тому, который получил в лингвистике название «прайминг» (активация специфических ассоциаций в памяти) [Русакова 2012: 40]: говорящий не успевает перенастроить цепочку команд, которая должна была поступить артикуляционному аппарату, и оговаривается под влиянием *предшествующей* звуковой последовательности. В нашем случае говорящий, по всей видимости, перенастраивает цепочку команд преждевременно, еще не успев произнести текущую словоформу, под влиянием *последующей* звуковой последовательности, о которой уже невольно думает (наша мысль всегда несколько опережает язык). Термина для такого рода ситуации в литературе обнаружить пока не удалось, но сам эффект можно рассматривать как своеобразную *преднастройку*, связанную с прогнозированием речевой цепи (идея сформулирована Е. В. Ерофеевой в личной беседе). Возможный вариант соответствующего термина — «фьючеринг» (от англ. *future* — ‘будущий’) (предложен Н. В. Богдановой-Бегларян в устной беседе). В результате — что перед нами? Ошибочное употребление идиомы, порожденное речевым сбоем, или все же разговорная ее модификация? Думается, что правильным решением будет не искать на этот вопрос единственно правильного ответа (какого при анализе устной спонтанной речи почти никогда и не может быть), а учитывать при отборе все такого рода единицы

и включать их в материал для дальнейшего исследования, но маркировать определенным образом (**Ид/РСб* — *идиома/речевой сбой*) и снабжать в ходе описания специальным лингвистическим комментарием.

4. **ИдКонстр* — идиоматические конструкции. В нашей устной речи достаточно много вполне устойчивых лексических последовательностей, или *конструкций*, которые отличаются высокой употребительностью, узнаваемостью, воспроизводимостью и повторяемостью в речи разных говорящих, ср.: «РР (разговорная речь. — Д. Л.) — это языковая система, для которой в высшей степени характерно стремление к использованию готовых единиц, всякого рода готовых конструкций, что объясняется автоматизмом протекания речевого акта. Говорящий, находясь в условиях непринужденного неподготовленного общения, стремится упростить и облегчить свое “речевое поведение”, поэтому он легко и часто прибегает к готовым языковым формулам, в том числе всякого рода клише, шаблонам, стереотипам» [Земская и др. 1981: 6]. Такими готовыми формулами можно признать многие единицы из нашего материала, ср.: *с ума сошёл/спятил/дурной что ли; серьёзно/правда что ли; не видишь/слышишь что ли; знаешь как/кто/что...; такое впечатление/ощущение, что...; (тут) такое дело; (что-нибудь) в таком духе* и под. В материале исследования было обнаружено 33 употребления таких единиц (5,1 %), ср.:

(6) *ты что / с ума сошла что ли?* человек развивается до самой смерти (И45, муж., 65 лет);

(7) *нет / их там можно обнаружить / *П там уже вс... # да нету / я всё прочитал / да (...)* ну что ж я / *дурной что ли?* (И1, жен., 33 года # М1);

(8) *мне кажется там можно зай (...)* / у меня *такое впечатление / что там можно зайти (...)* или *справа* (И45, муж., 65 лет).

5. **ИдПрец* и **ИдПрецМод* — прецедентный текст-идиома и прецедентный модифицированный текст-идиома. Главным критерием их выделения и отнесения к классу идиом, как и для многих «проблемных» идиом вообще, служит возможность замены единицей-идентификатором, ср. в контексте (9): *позор джунглей* = ‘кошмар!’:

(9) *вот вот // *Н тему говорить // закройся в свои баталы бл*дь // *П что-бы тебя не видели / на х*й // позор джунглей* (И15, муж., 20 лет).

Всего в материале исследования обнаружено 7 единиц типа **ИдПрец* (1,1 %) и 18 единиц типа **ИдПрецМод* (2,8 %) ³.

³ Теоретически возможен и еще один тип идиом, происходящих из прецедентных текстов — **IdPrec* (иноязычные прецедентные тексты), ср.:

- *ну это новая короче тоже прикоп / вот это буквально / короче последние два года / (э) ма... устраивают массовый танец **gagnam style** / ког... когда сорок-пятьдесят человек из свадебной тусовки начинают его танцевать* (И104, муж., 27 лет) [название песни южнокорейского исполнителя PSY].

Однако пока в материале исследования не встретилось таких текстов, претендующих на статус идиомы, т. е. имеющих соответствующую единицу-идентификатор.

6. **ИдМежд2* — идиоматизированные междометия второй группы (не зафиксированные в словарях). Например: *ну ты подумай! о, Господи! ой, мама моя!* и др. Всего в материале исследования выявлена 41 такая единица (6,3 %). Необходимо отметить, что группа **ИдМежд* в целом (161 единица, 24,8 %), т. е. **ИдМежд1* и **ИдМежд2* вместе взятые, уступает лишь группе **Ид* (26,4 %). В идиоматизированных междометиях отражается живой характер речи, а различные их вариации позволяют увидеть или прогнозировать возможности модификации.

Созданная типология идиом, функционирующих в русской разговорной речи (в рамках корпуса ОРД), позволяет увидеть не только их качественное своеобразие, но и количественное соотношение разных типов (см. табл. 1 и рис. 1).

Таблица 1. Соотношение разных типов идиом в русской разговорной речи

Тип идиомы		Абсолютное кол-во		Относительное кол-во (%)	
<i>*Ид/Рсб</i>		6		0,9	
<i>*ИдПрец</i>		7		1,1	
<i>*ИдПрецМод</i>		18		2,8	
<i>*ИдКонстр</i>		33		5,1	
<i>*ИдОкк</i>		38		5,9	
<i>*ИдМод</i>		69		10,6	
<i>*Фид</i>		145		22,4	
<i>*ИдМежд</i>	<i>*ИдМежд1</i>	161	120	24,8%	18,5%
	<i>*ИдМежд2</i>		41		6,3%
<i>*Ид</i>		171		26,4	

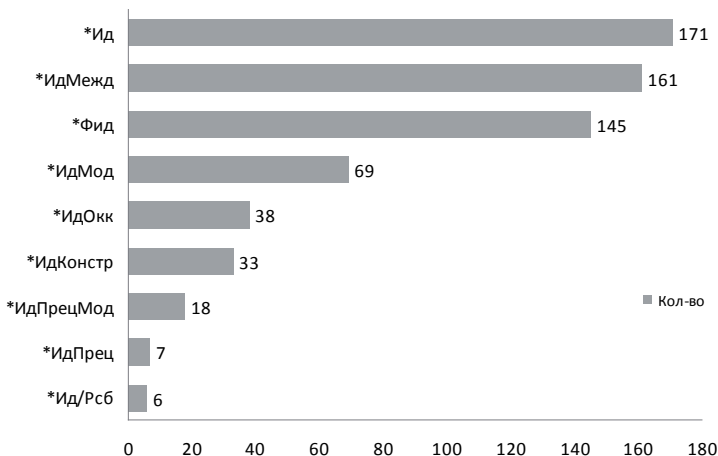

Рис. 1. Соотношение разных типов идиом в русской разговорной речи

Fig. 1. The ratio of different types of idioms in Russian colloquial speech

Видно, таким образом, что корпус ОРД хорошо демонстрирует, насколько насыщена наша устная речь различными идиомами, в том числе контекстуальными/окказиональными, и помогает, как называет это В. Г. Дидковская, «выявить круг живых и активных фразеологических единиц» русского языка [Дидковская 2018: 90].

Сложность анализа такого материала кроется в том, что трудно доказать объективность результатов исследования подобного рода сочетаний в силу их окказиональности. По той же причине попытки самостоятельного определения их семантики, основанного на собственной интуиции или языковом чутье исследователя, могут привести лингвиста в тупик, а, ограничившись полученным таким образом выводом, исследователь сам себе «закрывает глаза» и не видит других возможных значений той или иной идиомы. Во избежание такого исхода в настоящей работе предлагается экспериментальная методика установления идиоматического статуса подобных окказионализмов (т. е. поиск ответа на вопрос, идиома это или не идиома): посредством лингвистического опроса. Рассмотрим результаты подобного опроса на примере одной идиомы из нашего материала.

Предметом анализа стало выражение *копеечку стоит небезумную*, встретившееся в следующем контексте:

- (э-э) *продлить тогда () продлить / слушай / а продлить это надо будет / (э-э) / про... для того чтоб продлить / надо будет // # ну надо полазить там / посмотреть / что сайт этот скажет // # это я () это не буду // # там же люди не более дикие чем у нас тут // # хорошо / хорошо / сейчас я (э) и... иду // # за шестьдесят дней это по... рядочно (э) / даже если это там какую-то **копеечку стоит небезумную** / я думаю / что (э) здесь когда и () я предположим тебе могу помочь / а там человек один сидит (М1 # И39, муж., 53 года).*

Опрос представлял собой электронную гугл-форму с данным контекстом и с просьбой к респондентам-филологам ответить ДА или НЕТ на следующие вопросы:

- является ли это выражение идиомой?
- знакомо ли Вам это выражение?
- употребляете ли Вы это выражение?
- что оно означает?

Респондентам было предложено также (по желанию и возможности) привести слово-идентификатор (например, *бить баклуши* = бездельничать) для данного выражения и оставить какой-нибудь комментарий.

В опросе приняли участие 60 человек (47 женщин и 13 мужчин). Оказалось, что 37 % респондентов считают данное выражение идиомой, половина опрошенных знакома с ним, однако лишь 8 % его употребляют.

Анализ комментариев, которые сделали респонденты в ходе опроса, показал, что носители языка чувствуют связь данной окказиональной формы со «словарными» (имеющими словарную фиксацию) единицами: *стоит копеечку; вылететь (встать) в копеечку; безумные деньги; гроша ломанного не стоит*. Иными словами, исследуемое выражение, по мнению респондентов, представляет собой контаминацию идиом *безумные деньги + копейки стоит*. Мнения о значении этого выражения разделились на три группы:

1) 'недорого, дешево' (29 ответов; 53,7 % от числа ответивших на этот вопрос). Ср. комментарии: *дешево* (3 ответа), *недорого* (6), *небольшие деньги* (4), *стоит небольшую сумму денег* (2), *стоит копейки, не влетит в копеечку, гроша ломаного стоит, требует малых затрат, не требует много денег, не слишком / не очень дорого* (4), *стоит немного, имеет умеренную цену* (2), *имеет маленькую цену, небольшая, умеренная цена*;

2) 'стоит определенных денег' (простая констатация стоимости) (16,7 %). Ср. комментарии: *что-то сколько-то стоит, копеечка* (2), *деньги, стоит денег, нужно потратить деньги, о стоимости чего-то, услуга платная, любое неопределенное количество денег, стоит определенную сумму*;

3) 'дорого' (11,1 %) или 'очень дорого' (18,5 %). Ср. комментарии: *дорогой, дорого, денег стоит* (2), *стоит много денег, дорого, стоит больших денег, истратиться, в копеечку влетит* (5), *понести большие затраты, вылететь в копеечку, дорого обойдется, потребует значительных финансовых затрат*.

Видно, что потенциальная, знакомая половине испытуемых, хотя и редко ими употребляемая идиома *копеечку стоит небезумную* не имеет в их мнении однозначной семантики, но большинство все же склоняется к тому, что это 'недорого'.

Важно отметить также, что параметры гендера и возраста респондентов, проходивших опрос, никакого существенного влияния на его результаты не оказали.

Материал корпуса ОРД содержит много примеров таких «новообразований», которые уже вошли в той или иной степени в активный речевой обиход, однако все еще не имеют лексикографического описания (*молчать как рыба в пироге, детский сад, это я уже молчу, одну секунду, в таком духе и др.*).

Все типы модификаций и новообразований реализуются именно в повседневной речи, что еще раз подтверждает необходимость пристального внимания исследователей к данному пласту языка, чтобы «угнаться» за языковыми «новшествами», «схватить эту рождающуюся на наших глазах и быстро ускользящую речевую реальность, зафиксировать момент, а потом уже — попытаться разобраться в том, откуда это, как это меняет наши представления о мире и о нас, кому это нужно и зачем...» [Иссерс 2012: 8].

Литература

- Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М: Советская энциклопедия, 1969. 608 с.
- Богданова-Бегларян Н. В. (ред.). Звуковой корпус как материал для анализа русской речи. Коллективная монография. Часть 1. Чтение. Пересказ. Описание. СПб., Филологический ф-т СПбГУ, 2013. 532 с.
- Богданова-Бегларян Н. В. (ред.). Русский язык повседневного общения: особенности функционирования в разных социальных группах. Коллективная монография. СПб.: ЛАЙКА, 2016. 244 с.
- Богданова-Бегларян Н. В., Лю Даян. Идиоматика в повседневной устной речи (к разработке методики описания) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. Т. 9, вып. 4, 2017. С. 16–27.
- Богданова-Бегларян Н. В., Шерстинова Т. Ю., Блинова О. В., Мартыненко Г. Я. Корпус «Один речевой день» в исследованиях социолингвистической вариативности русской разговорной речи // Анализ разговорной русской речи (АР³-2017): Труды седьмого междисциплинарного семинара / Науч. ред. Д. А. Кочаров, П. А. Скрелин. СПб.: Политехника-принт, 2017. С. 14–20.
- Богданова-Бегларян Н. В., Шерстинова Т. Ю., Блинова О. В., Мартыненко Г. Я. Корпус русского языка повседневного общения «Один речевой день»: текущее состояние и перспективы // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. 20. М.: ИРЯ РАН, 2019. В печати.
- Дидковская В. Г. Окказиональные фразеологизмы в текстах массовой литературы // Жизнь фразеологии — фразеология в жизни: сб. научных статей к юбилею проф. А. М. Мелеврович / Отв. ред. и сост. И. Ю. Третьякова; предисл. А. Е. Якимов. Кострома: Изд-во Костром. гос. ун-та, 2018. С. 89–98.
- Земская Е. А., Китайгородская М. В., Ширяев Е. Н. Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М.: Наука, 1981. 276 с.
- Иссерс О. С. Люди говорят... Дискурсивные практики нашего времени. Омск, Ом. гос. ун-т, 2012. 276 с.
- Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка. М.: Высшая школа; Дубна: Феникс, 1996. 381 с.
- Лю Даян. Вытряхнуть — душу или из души? (к методике установления идиоматического статуса разговорных окказиональных выражений) // Материалы международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2018». Тезисы докладов. 9–13 апреля 2018 г. М.: МАКС Пресс, 2018 [CD Электронный ресурс].
- Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских поговорок. М.: ОлмаМедиаГрупп, 2007. 784 с.
- Русакова М. В. Элементы антропоцентрической грамматики русского языка / Ред.: М. Д. Воейкова, Н. Н. Казанский, А. Ю. Русаков, С. С. Сай. М.: Языки славянской культуры, 2012. 568 с.

- Тихонов А. Н. (ред.). Фразеологический словарь современного русского литературного языка: в 2 т. Т. 1: А–П / Сост. А. В. Королькова, А. Г. Ломов, А. Н. Тихонов. М.: Флинта: Наука, 2004. 840 с.
- Федоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка. 3-е изд., испр. М.: Астрель: АСТ, 2008. 878 с.
- Химик В. В. Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. СПб.: Норинт, 2004. 708 с.
- Gorbunova D. Python from the Tree of Knowledge: How to study a speech corpus effectively // XI International conference on corpus linguistics. CILC 2019. May 15–17. Valencia, Spain, 2019. P. 125–126.

References

- Akhmanova O. S. *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of the linguistic terms]. Moscow, Sovetskaya Entsiklopediya Publ., 1966. 608 p.
- Bogdanova-Beglaryan N. V. (ed.). *Russkii yazyk povsednevnogo obshcheniya: osobennosti funktsionirovaniya v raznykh sotsial'nykh gruppakh. Kollektivnaya monografiya* [Everyday Russian language in different social groups. Collective monograph]. Saint-Petersburg, LAIKA Publ., 2016. 244 p.
- Bogdanova-Beglaryan N. V. (ed.). *Zvukovoi korpus kak material dlya analiza russkoi rechi. Kollektivnaya monografiya. Chast' 1. Chtenie. Pereskaz. Opisaniye* [Speech Corpus as a base for analysis of Russian speech. Collective monograph. Part 1. Reading. Retelling. Description]. Saint-Petersburg, Faculty of Philol. of St. Petersburg St. Univ. Publ., 2013. 532 p.
- Bogdanova-Beglaryan N. V., Liu Dayang. [Idiomatics in everyday speech (search for methods of description)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2017, vol. 9, iss. 4, pp. 16–27. (In Russ.)
- Bogdanova-Beglaryan N. V., Sherstinova T. Yu., Blinova O. V., Martynenko G. Ya. [Corpus “One Speaker’s Day” in studies of sociolinguistic variability of Russian colloquial speech]. *Analiz razgovornoj rechi (AR³-2017): trudy sed'mogo mezhdisciplinarnogo seminar* [Analysis of spoken Russian speech (AR³-2017): Proceedings of the 7th Interdisciplinary Seminar]. St Petersburg, Politekhnik-a-print Publ., 2017, pp. 14–20. (In Russ.)
- Bogdanova-Beglarian N. V., Sherstinova T. Yu., Blinova O. V., Martynenko G. Ya. [The Corpus of the Russian Everyday Communication “One Speaker’s Day”: current state and prospects]. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova* [Proceed. of the V. Vinogradov Russian Language Institute]. Iss. 20. Moscow, RLI RAS Publ., 2019. In Print. (In Russ.)
- Didkovskaya V. G. [Occasional idioms in the texts of mass literature]. *Zhizn' frazeologii – frazeologiya v zhizni* [Life of phraseology – phraseology in life]. Kostroma, Kostroma St. Univ. Publ., 2018, pp. 89–98. (In Russ.)

- Fedorov A. I. *Frazeologicheskii slovar' russkogo literaturnogo yazyka* [Phraseological dictionary of the Russian Literary language]. Moscow, Astrel' Publ., AST Publ., 2008. 878 p.
- Gorbunova D. Python from the Tree of Knowledge: How to study a speech corpus effectively. *XI International conference on corpus linguistics. CILC 2019*. May 15–17. Valencia, Spain, 2019, pp. 125–126. (In Eng.)
- Issers O. S. *L'udi govorat... Diskursivnye praktiki nashego vremeni* [People say... Discourse practices of our time]. Omsk, Omsk St. Univ. Publ., 2012. 276 p.
- Khimik V. V. *Bol'shoi slovar' russkoi razgovornoj ekspressivnoi rechi* [Large dictionary of Russian colloquial expressive speech]. Saint-Petersburg, 2004. 708 p.
- Kunin A. V. *Kurs frazeologii sovremennogo angliiskogo yazyka* [Phraseology course of the Modern English language]. Moscow, Vysshaya Shkola; Dubna, Feniks, 1996. 381 p.
- Liu Dayang. [Vytr'akhnut' – dushu or iz dushi? (to the method of establishing the idiomatic status of colloquial expressions)]. *Materialy mezhdunarodnogo molodezhnogo nauchnogo foruma "Lomonosov-2018". Tezisy dokladov* [Proceed. of the Intern. Youth Scient. Forum "LOMONOSOV-2018". Theses of Reports]. Moscow, MAAKS Press Publ., 2018. (In Russ.)
- Mokienko V. M., Nikitina T. G. *Bol'shoi slovar' russkikh pogovorok* [Large dictionary of Russian sayings]. Moscow, OlmaMediaGrupp Publ., 2007. 784 p.
- Rusakova M. V. *Elementy antropocentricheskoj grammatiki russkogo yazyka* [Elements of the anthropocentric grammar of the Russian language]. Ed. M. D. Voeikova, N. N. Kazanskii, A. Yu. Rusakov, S. S. Sai. Moscow, Yazyki Slavyanskoi Kul'tury Publ., 2012. 568 p.
- Tikhonov A. N. (ed.). *Frazeologicheskii slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [Phraseological dictionary of the Modern Russian literary language]: in 2 vol. Vol. 1: A–P. Comp. by A. V. Korolkova, A. G. Lomov, A. N. Tikhonov. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., 2004. 840 p.
- Zemskaya E. A., Kitaigorodskaya M. V., Shiryayev E. N. *Russkaya razgovornaya rech': Obshchie voprosy. Slovoobrazovanie. Sintaksis* [Russian colloquial speech. General issue. Word-formation. Syntax]. Moscow, Nauka Publ., 1981. 276 p.

Религиозная лексика в толковом словаре: культурно-речевой аспект

Алексей Эдуардович Цумарев¹ (zumarew@yandex.ru),
Лариса Леонидовна Шестакова¹ (lara.shestakova@mail.ru),
Федор Борисович Людоговский² (ludenhof@gmail.com)

¹Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Россия, Москва)

²Институт славяноведения РАН (Россия, Москва)

DOI: 10.31857/S013161170007624-5

АННОТАЦИЯ: Одной из задач составителей современных толковых словарей является лингвистически и энциклопедически корректное описание религиозной лексики. Объем единиц этого разряда в словнике толкового словаря может составлять, по подсчетам авторов, от 600 до 1000 заголовочных единиц. Среди факторов, определяющих включение лексемы в словник, выделяется сравнительно высокая частота ее употребления в неспециальных, адресованных широкой аудитории текстах, которая коррелирует с социальной значимостью слова.

Отражение языковых норм в толковом словаре применительно к религиозной лексике предполагает обсуждение целого ряда вопросов. Авторы разбирают те из них, которые касаются вариантности заголовочного слова (ср.: *Псалтирь* в одних словарях, *Псалтырь* — в других), написания религиозной лексемы со строчной или прописной буквы (норма может быть отражена в орфографическом словаре, но отсутствовать в толковом — см. слово *собор* / *Собор*), акцентной специфики лексемы с такой семантикой (особенно, если она, как слово *коливо* (кутья), не включена в орфоэпические словари), ее грамматических характеристик, обычно не эксплицируемых толковыми словарями. При рассмотрении помет *церк.* и *религ.* как основных средств фиксации стилистической нормы в употреблении религиозной лексики обращается внимание и на случаи их сочетания с пометами, маркирующими

принадлежность слов к другим предметным областям (например, *церк.archit.*). Подчеркивается также важность, в культурно-речевом аспекте, жанрового и тематического разнообразия иллюстративных источников при описании слов сферы религии в толковом словаре.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: современный русский язык, религиозная лексика, толковый словарь, культура речи, языковая норма

для цитирования: Цумарев А. Э., Шестакова Л. Л., Людоговский Ф. Б. Религиозная лексика в толковом словаре: культурно-речевой аспект // Русская речь. 2019. № 6. С. 45–57. DOI: 10.31857/S013161170007624-5.

благодарности: Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 17-29-09063 офи_м.

Issues of Modern Russian Language

Religious Vocabulary in Explanatory Dictionary: Linguistic Standards

Alexey E. Tsumarev¹ (zumarew@yandex.ru), Larisa L. Shestakova¹ (lara.shestakova@mail.ru),
Fedor B. Lyudogovsky² (ludenhof@gmail.com)

¹Vinogradov Russian Language Institute (Russian Academy of Sciences) (Russia, Moscow)

²Institute for Slavic Studies (Russian Academy of Sciences) (Russia, Moscow)

ABSTRACT: One of the tasks that compilers of modern explanatory dictionaries solve is a linguistically and encyclopedically correct description of religious vocabulary. The volume of units of this category in the word list of the explanatory dictionary ranges, according to the authors, from 600 to 1000 head words. Among the factors determining the inclusion of a lexeme in the dictionary, the relatively high frequency of its use in non-specialized texts addressed to a wide audience (which correlates with the social significance of the word) stands out.

The reflection of language norms in the explanatory dictionary in relation to religious vocabulary involves the discussion of a number of issues. The authors analyze the following of them: the variation of the head word

(cf.: *Псалтирь* ‘Psalter’ in some dictionaries and *Псалтырь* in others); spelling of a religious lexeme with a small or capital letter (the norm may be reflected in the spelling dictionary but absent in the explanatory one — see the word *собор* ‘celebration’ / *Собор* ‘cathedral’); accent specificity of a lexeme (especially if it is not included in orthoepic dictionaries such as *коливо* ‘funeral dish of boiled wheat with honey’); grammatical characteristics that are usually not explicated by explanatory dictionaries. When considering labels *церк.* (‘church related’) and *религ.* (‘religious’) as the main means of fixing the stylistic norm in the use of religious vocabulary, attention is also paid to cases of their combination with labels marking the belonging of words to other subject areas (for example *церк. архит.* ‘church and architecture related’). The importance of the genre and thematic diversity of illustrative literary sources in describing the words of the sphere of religion is also emphasized.

KEYWORDS: modern Russian language, religious vocabulary, explanatory dictionaries, linguistic standards, language norm

FOR CITATION: Tsumarev A. E., Shestakova L. L., Ludogovsky F. B. Religious Vocabulary in Explanatory Dictionary: Linguistic Standards. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2019. No. 6. Pp. 45–57. DOI: 10.31857/S013161170007624-5.

ACKNOWLEDGEMENTS: This research is supported by a grant from Russian Foundation for Basic Research, project No. 17-29-09063 ofi_m.

Авторитетные толковые словари русского языка содержат комплексную нормативную характеристику каждого описываемого слова. В различных зонах словарной статьи фиксируются орфографические, орфоэпические, грамматические, лексико-семантические, стилистические и сочетаемостные нормы современного литературного языка. Неслучайно акад. В. В. Виноградов считал, что толковые словари — это «могучее орудие культуры речи и вместе с тем продукт этой культуры» [Виноградов 1977: 209].

Одной из задач составителей современных толковых словарей является лингвистически и энциклопедически корректное описание религиозной лексики (в частности — лексики православия), которое сопряжено с решением целого ряда вопросов. Обращение к различным видам религиозного дискурса в связи с их отражением в толковой лексикографии показывает, что «некоторые лексические единицы, широко употребительные в церковно-бытовой речи, равно как и особенности их семантики и грамматических свойств, не получают должной лексикографической

фиксации (или же получают неполную или неточную интерпретацию)» [Шмелев 2007: 615].

Вначале имеет смысл сказать об объеме разряда религиозной лексики, точнее, той его части, которая актуальна для большинства носителей языка (т. е. является социально значимой) и, следовательно, должна присутствовать в любом общем толковом словаре. В «Словаре русского языка» в четырех томах, или Малом академическом словаре [Евгеньева (ред.) 1981–1984], второе издание которого вышло в период действия жестких идеологических запретов, можно обнаружить 127 единиц, имеющих помету *церк.* (церковное; 108 единиц) или *рел.* (религия; 19)¹. В первом случае это: *акафист, аналой, анафема, восприемник, ектенья, епитимья, епитрахиль* и др.; во втором — *демиург, единосущный, загробный, паства, пастырь, первосвященник, серафим* и др. Небольшое количество слов сферы «Религия и церковь» было дано без пометы, например *притвор, сочельник*, или с пометой *устар.* (устарелое) — *благовест, богомолье*. Кроме того, отдельные слова давались с какой-либо ремаркой (уточнением). Так, слово *экзарх* имело ремарку «В православной церкви», а слово *святки* — «В до-революционном быту».

В толковом словаре русского языка начала XXI века словник религиозной лексики должен быть, несомненно, более объемным, составлять, по нашим предварительным подсчетам, от 600 до 1000 заголовочных единиц, включая производные, с учетом типа толкового словаря (краткий, средний, большой). Среди факторов, определяющих включение лексемы в словник, следует выделить сравнительно высокую частоту ее употребления в неспециальных, адресованных широкой аудитории текстах, которая коррелирует с социальной значимостью слова. Данные подобного рода можно получить, обращаясь к Национальному корпусу русского языка (НКРЯ, ruscorpora.ru). Таким образом, это заметный пласт лексики, имеющий свои особенности и нуждающийся во внимании лексикографа.

Говоря о нормативном описании религиозной лексики, следует помнить о различии между общелитературными нормами, безусловно подлежащими отражению в толковом словаре, и нормами сферы специального (богословского, богослужебного) употребления. Мера отражения в общем толковом словаре элементов специальной нормы — вопрос непростой, требующий взвешенного подхода. Различие двух норм удобно показать на следующем примере. У слова *апостол* обычно выделяют два значе-

¹ В число этих единиц входят слова, значения слов, оттенки значений, а также несколько устойчивых сочетаний (*Великий пост, царские врата, Символ веры* и нек. др.). Особый случай представляет собой слово *священный*, основное значение которого 'обладающий святостью, признаваемый божественным' характеризуется сразу двумя пометами — *рел.*, *церк.*, причем сфера действия последних распространяется и на приведенный далее смысловой оттенок 'связанный с религиозным культом, выполнением религиозных обрядов, относящийся к богослужению'.

ния, соотносимых со сферой религии: первое — ‘ученик Христа’ и второе — ‘церковная книга’, а толкование слова *апостольский* представляет собой отсылку к первому значению слова *апостол*, и только к нему (см., например: [Евгеньева (ред.) 1981; Кузнецов (гл. ред.) 2008; Шведова (ред.) 2007; Горбачевич (гл. ред.) 2004]. Между тем наличие связи семантики прилагательного *апостольский* со вторым значением существительного *апостол*, если мы учитываем сферу религиозной коммуникации, не вызывает никаких сомнений. В богослужебных целях в Церкви используется «Указатель евангельских и апостольских чтений на каждый день года». *Апостольские чтения* здесь — это определенные уставом отрывки из книги Апостол. В «Дневниках» протопресвитера А. Шмемана находим такое размышление: «Все эти дни — искушение мыслью о том, что вот жизнь проходит, а я трачу ее не на то, чтобы делать свое (писать, “оставить после себя” и т. д.), а на других — на поездки, доклады, семинарскую суету и прочее. А сегодня утром ответ в *апостольском чтении* из Послания к галатам о том, чтобы не считать себя “чем-то”. Не в бровь, а в глаз, и искушение исчезает» [Шмеман 2005: 587].

Какие же задачи и трудности связаны с описанием языковых норм в толковом словаре применительно к религиозной лексике?

В ряде случаев необходимо или возможно рассмотрение вопроса о **вариантности заголовочного слова**, причем одни авторитетные словари могут отражать варианты, отсутствующие в других. Например, в «Большой российской энциклопедии» (<https://bigenc.ru>), в трехтомном «Библиологическом словаре» А. Меня, а также в толково-энциклопедическом словаре Г. Н. Складневской «Лексика современного русского православия» заголовочным является слово *Псалтирь* [Мень 2002; Складневская 2016], что соответствует церковнославянскому написанию; в «Русском орфографическом словаре» дается норма *Псалтырь* [Лопатин, Иванова (ред.) 2018]; наконец, в «Большом толковом словаре» под ред. С. А. Кузнецова представлены оба варианта: *Псалтырь* — как основной, с развернутым описанием, и *Псалтирь* — в виде отсылочной словарной статьи [Кузнецов (гл. ред.) 2008]². Думается, что в толковом словаре полезно отражать оба варианта: стилистически нейтральный вариант *Псалтырь* (без пометы) и книжно-церковный вариант *Псалтирь* (с пометой *религ.*).

Еще одна проблема связана с фиксацией **нормы написания** религиозной лексемы **со строчной или прописной буквы**³. Есть случаи, когда

² В работе [Шмелев 2017б: 726] было отмечено, что написание с буквой *ы* (*Псалтырь*) — единственный вариант, зафиксированный в орфографическом словаре [Лопатин и др. 2007].

³ Правила и практика употребления прописных и строчных букв в названиях, «связанных с религией», подробно анализируются в статье [Шмелев 2017б]. Затронутые в ней вопросы интересуют нас в связи с задачами составления толкового словаря.

рекомендации словаря совершенно определены: *Пасха* ‘праздник’ — с большой буквы и *пасха* ‘кушанье’ — с маленькой буквы. Однако некоторые написания только ожидают должной кодификации в толковом словаре. Здесь можно выделить разные случаи.

Первый случай: норма отражена в орфографическом словаре, но не содержится в толковом. Например, в «Русском орфографическом словаре» различается написание слова *собор* со строчной буквы (в значениях ‘собрание высшего христианского духовенства’ и ‘храм’) и с прописной буквы (‘в названиях дней, посвящаемых чьей-н. памяти’, например: *Собор Пресвятой Богородицы, Собор новомучеников и исповедников Российских*). Толковые словари пока не учитывают эту дифференциацию.

Второй случай: норма отражена в орфографических источниках, но не вполне соответствует узусу. Так, например, в [Лопатин, Иванова (ред.) 2018] содержится указание на написание слова *евхаристия*, обозначающего главное из семи христианских таинств, со строчной буквы. В то же время исследование речевого узуса конца XX — начала XXI в. показывает, что не только в церковной литературе, но часто и в светских текстах (например, в материалах ряда общероссийских газет) используется вариант написания с прописной буквы. Представляется, что игнорировать этот факт нельзя. В данном случае, по всей видимости, разумно было бы использовать в толковом словаре уточняющий комментарий: **ЕВХАРИСТΙΑ**, -и, ж. (в текстах религиозной тематики также с прописной буквы).

Третий случай: орфографический словарь пока не зафиксировал существующую норму. Например, толковые словари до сих пор не выделяли у слова *лицо* значения ‘Божественная ипостась’ (*три Лица Святой Троицы*), в свою очередь орфографические словари пока не содержат указания на норму написания данного словозначения.

Составной частью словарного описания являются сведения об **акцентной** и **произносительной нормах**. Акцентная норма фиксируется в заголовке статьи: **АПОКАЛИПСИС**, **ВОЗДУХ** ‘покров для священных сосудов’, **ПРОСФОРА**. Однако если словари (орфоэпические и иные) по-разному описывают норму ударения, то автор толкового словаря оказывается в трудном положении. Интересен случай со словом *коливо* (синоним *куты*): оно не содержится ни в одном из авторитетных орфоэпических словарей. Обращение к другим словарям обнаруживает противоречивую картину. Например, в дореволюционном «Полном церковнославянском словаре» протоиерея Г. Дьяченко (см. [Дьяченко 2013]) и в [Лопатин, Иванова (ред.) 2018] зафиксировано ударение на втором слоге: *ко́ливо*, однако в «Этимологическом словаре» М. Фасмера [Фасмер 1986] и в уже упоминавшемся словаре Г. Н. Складневской мы обнаруживаем ударение *ко́ливо*. В связи

с этим примечательно, что в книге патриарха Кирилла «Тайна покаяния. Великопостные проповеди (2001–2011)» в месте, где повествуется об истории происхождения этого ритуального блюда [Патриарх Кирилл 2012: 143], мы видим ударение, которое редактор предупредительно поставил в соответствии со своим представлением о норме и, по всей видимости, с произношением самого патриарха. Ударение падает на первый слог: *ко́ливо*. Добавим, что разночтения подобного рода касаются и некоторых других церковных слов. См., к примеру, приведенные в работе [Шмелев 2017а: 188] наблюдения, связанные с постановкой ударения в слове *обрезание*.

Произносительную норму в толковом словаре целесообразно фиксировать с опорой на орфоэпические словари (например, [Каленчук, Касаткин, Касаткина 2016]), при помощи соответствующей пометы, идущей сразу после заголовочного слова. Ср.: **ДЕ́ИСУС** [дэ́], **МОНОТЕ́ЙЗМ** [тэ́], **НЕФ** [нэ́] и [не] и т. п.

В толковом словаре должны найти отражение **грамматические особенности** слова с религиозным значением. Так, одно из двух значений слова *автокефалия* ('административная самостоятельность православной Церкви') следует сопровождать ограничительной пометой *только ед. ч.* (только единственное число), а первое значение слова *апостол*, в отличие от второго, должно снабжаться пометой *одуш.* (одушевленное существительное). Вместе с тем церковно-религиозный (религиозно-проповеднический) стиль обладает такими грамматическими особенностями, которые должны отражаться, скорее, не в общем толковом, а в специализированном словаре. Например, в религиозных текстах употребительна конструкция «в рабстве + Дат. п.» (вместо Род. п.): *Чудеса — это действия Божии, которыми вещественная тварь освобождается от рабства греху* (Митрополит Антоний (Блум). «Я хочу поделиться с вами всем, что накопилось...»); пример из НКРЯ).

Одна из важнейших задач в области кодификации **лексико-семантических норм** в толковом словаре — выявление и истолкование ранее не учтенных значений. Так, например, у общеупотребительного глагола *венчать*, кроме значения 'о женихе и невесте: соединять церковным обрядом бракосочетания, украшая головы венцами', необходимо выделить оттенок 'о браке: освящать, совершая такой обряд'; ср., с одной стороны, общеупотребительное словосочетание *венчаный (невенчаный) брак* и, с другой стороны, специальный церковный термин *браковенчание*.

Основными средствами фиксации **стилистической нормы** в сфере религиозной лексики служат пометы *церк.* и *религ.* (использование именно двух помет оправдано тем, что семантическая сфера религиозного включает, по замечанию Ю. Н. Михайловой, «зону “религия” и зону “цер-

ковъ”» [Михайлова 2004]]⁴. Кроме помет в качестве такого средства выступают, как отмечалось в связи с [Евгеньева (ред.) 1981–1984], уточняющие ремарки, например:

СОЛЕЯ́, -й, ж. *Церк.* В православном храме: возвышение пола перед иконостасом во всю его длину. *Новокрещенный Ибрагим молился впереди всех, на солее, возле самых царских врат.* В. Шишков. Угрюм-река.

Нужно упомянуть о целесообразности использования и других лексикографических средств указания на стилистическую окраску единиц религиозной лексики, о наличии в языке богатой стилистической палитры. Возможно, наиболее яркий пример — наличие в русском языке не менее восьми стилистически различающихся способов номинации духовного лица, облеченного священническим саном. На стилистической шкале ниже нейтральной номинации *священник* располагаются номинации *батюшка* и *поп*, выше — слова *иерей*, *пресвитер*, *преподобие* (в титуловании), *пастырь*, а также устойчивое сочетание *служитель алтаря*.

К сказанному добавим, что в состав лексики рассматриваемого разряда входят слова, соотносимые как с церковно-религиозной, так и с иными сферами, предметными областями. Адекватным в таких случаях будет маркирование слов сочетанием стилистических помет, таких как *церк. архит.* (например, при слове *апсида* ‘выступ в восточной части христианского храма, внутри которого располагается алтарь’), *церк. муз.* (*глас* ‘наименование каждой из восьми мелодий, составляющих систему церковного пения’) и т. п. (подробнее см. [Цумарев, Шестакова, Кулева 2019]).

Круг иллюстративных источников, отражающих **сочетаемостьные нормы** употребления религиозной лексики, как, собственно, и другие, должен быть широк и разнообразен в жанровом и тематическом отношении, а сами тексты — отличаться высоким языковым уровнем и ориентированностью на массового адресата. При иллюстрировании слов религиозной семантики необходимо, полагаем, более активно использовать (наряду с традиционными для толковой лексикографии источниками) проповеднические тексты, многие из которых представляют замечательные образцы владения русским языком, популярные просветительские тексты (о Священном Писании, богослужении, аскетике), духовные размышления и наставления (беседы, письма, духовные завещания), мемуарную, дневниковую литературу и т. д.

Проблемы, связанные с нормативным описанием религиозной лексики в толковом словаре, и возможные способы их решения учитываются

⁴ Если описываемая языковая единица, относящаяся к сфере «Религия и церковь», хорошо освоена общелитературным языком, не имеет сугубо специальной окраски, целесообразно давать ее без пометы, которая указывает на ограниченность области употребления.

авторами нового «Академического толкового словаря русского языка» [Крысин (ред.) 2016]. Приведем в заключение, без комментариев, две словарные статьи из этого словаря, которые можно рассматривать как примеры лексикографического описания слов религиозной семантики:

ЕВАНГЕЛИЕ, -я, ср. 1. (с прописной буквы). Первые четыре книги Нового Завета, повествующие о земной жизни Иисуса Христа и являющиеся основой христианского вероучения, а также содержащее их издание; Четвероевангелие. *Святое Евангелие. Иллюстрированное Евангелие. Служебное Евангелие* (приспособленное для чтения во время богослужения). *Евангелие на церковнославянском языке. Евангелие в пересказе для детей. Евангелие в золотом окладе. Изучать Евангелие. Толковать Евангелие.* □ В Саранске архимандрит Александр принял Пугачева с крестом и Евангелием. А. Пушкин. История Пугачева. Опять отперли двери, и опять все встали и затихли, и опять англичанин раздавал Евангелия. Л. Толстой. Воскресение. Она взяла лежавшее на столе Евангелие, села в кресло и начала перелистывать книгу. Она открыла главу девятнадцатую от Матфея. Н. Гарин-Михайловский. Гимназисты. Он [художник Н. Ге] почти наизусть знал Евангелие. Т. Сухотина-Толстая. Друзья Ясной Поляны. || Какая-либо одна из этих четырех книг. *Историческое существование Христа, так же как и реальность Его характера, сохраненного в Евангелиях, не подлежит серьезным сомнениям.* В. Соловьев. Оправдание добра. *Предполагается, что Евангелие от Иоанна — писалось годы, если не десятилетия, и что наиболее древние его фрагменты действительно старше текста Евангелий от Матфея, Марка и Луки.* Г. Чистяков. Свет во тьме светит.

2. (обычно с прописной буквы). Религ. Отрывок из такой книги, читаемый во время богослужения. *Евангелие дня* (отрывок, предназначенный церковью для чтения в данный день календаря). *Двенадцать Евангелий* (двенадцать отрывков из Четвероевангелия, читаемых в храме в Страстной четверг, а также соответствующая служба). □ В воскресенье читали за литургией Евангелие о Страшном суде. В. Никифоров-Волгин. Кануны Великого поста. Кто не знает воскресных евангелий? Кто с волнением не внимал этим радостным словам во время трогательно прекрасных русских всенощных? М. Зернов. Историческое путешествие.

3. (обычно со строчной буквы) только ед. ч.; перен. Книжн. О совокупности взглядов, каких-л. правилах, положениях, мыслях и т. п., служащих руководством для жизненного поведения, выбора пути и т. п., раскрывающих сущность, основы чего-л. Слова, которые я готов закричать вместе с Гамлетом: «Вы можете меня расстроить, но не играть на мне...» (Охранная грамота личности.) Я и сейчас не откажусь от этого Евангелия гуманизма. Г. Померанц. Записки гадкого утенка. || также мн. ч. О книге, произведении, содержащих такие положения. — Мы хотим прикрыть

трагизм нашего одиночества евангелиями от Фурье, Кропоткина, Маркса и других апостолов бессилия и ужаса пред жизнью. М. Горький. Жизнь Клима Самгина. Особенно любил и люблю «Три сестры» — «евангелие русской жизни», — так я называю эту пьесу. Там, у Чехова — всё о нашей жизни. В. Давыдов. Театр моей мечты.

♦ **Канонические Евангелия** (религ.) — признанные церковью и включенные в Новый Завет четыре раннехристианские книги (см. Четвероевангелие), повествующие о земной жизни и учении Иисуса Христа, написанные, по преданию, апостолами Матфеем, Марком, Лукой и Иоанном Богословом. **Апокрифические Евангелия** (религ.) — не признаваемые церковью раннехристианские и средневековые сочинения, повествующие о земной жизни и учении Иисуса Христа.

[Греч. εὐαγγέλιον — букв. благая весть]

КЛІРОС, -а, м. *Церк.* В православном храме: особое место в правой и левой частях солеи, где находятся во время богослужения чтецы и хор. *Я меж Остоженкою и Арбатом вырос, И помню в смутном, детском полусне Приходский храм, и полный певчих клирос, Иконостас, сияющий в огне.* С. Соловьев. Москва. *На двух клиросах два хора, тоже все Пересветы: высокие, могучие, в длинных черных кафтанах, поют, перекликаясь, — то один хор, то другой.* И. Бунин. Чистый понедельник. *Служба только что началась. Хор монахинь выходил с клиросов, они расположились на амвоне, развернули ноты.* Б. Зайцев. Голубая звезда. *Нина Яковлевна взошла на правый клирос.* В. Шишков. Угрюм-река. || Церковный хор, часто находящийся на таком месте. *Лев Степанович становился впереди, подтягивал клиросу и бдительным оком смотрел за порядком.* А. Герцен. Долг прежде всего. — *Пусть батюшка отец Филимон благословит ее быть первым регентом нашего клироса...* Л. Чарская. Записки институтки. *«Благословенно Царство Отца и Сына и Святаго Духа, ныне и присно и во веки веко-ов».* «Амиш-инь», — протяжно отозвался клирос. *Литургия началась.* Прот. А. Мокиевский. Незавершенная литургия.

[Греч. κλήρος — жребий; жеребьевка]

Литература

- Виноградов В. В. Толковые словари русского языка // Виноградов В. В. Избранные труды. Лексикология и лексикография / Отв. ред. В. Г. Костомаров. М.: Наука, 1977. С. 206–242.
- Горбачевич К. С. (гл. ред.). Большой академический словарь русского языка. Т. 1: А — Бишь. М.–СПб.: Наука, 2004. 664 с.

- Дьяченко Г., прот. Полный церковнославянский словарь: около 30 000 слов. Репр. воспроизведение изд. 1990 г. М.: Отчий дом, 2013. 1120 с.
- Евгеньева А. П. (ред.). Словарь русского языка: В 4 т. 2-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык, 1981–1984.
- Каленчук М. Л., Касаткин Л. Л., Касаткина Р. Ф. Большой орфоэпический словарь русского языка. Литературное произношение и ударение начала XXI века: норма и ее варианты. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2016. 1008 с.
- Крысин Л. П. (ред.). Академический толковый словарь русского языка. Т. 1: А — Вилять. Т. 2: Вина — Гяур. М.: Издательский Дом ЯСК, 2016.
- Кузнецов С. А. (гл. ред.). Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 2008. 1536 с.
- Лопатин В. В., Иванова О. Е. (ред.). Русский орфографический словарь: около 200 000 слов. Изд. 5-е, испр. М.: АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2018. 896 с.
- Лопатин В. В., Нечаева И. В., Чельцова Л. К. Прописная или строчная? Орфографический словарь: более 20 000 слов и словосочетаний. М.: Эксмо, 2007. 506 с.
- Мень А. В. Библиологический словарь: В 3 т. М.: Фонд имени Александра Меня, 2002.
- Михайлова Ю. Н. Религиозная православная лексика и ее судьба: по данным толковых словарей русского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Урал. гос. ун-т. Екатеринбург, 2004. 171 с.
- Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://ruscorpora.ru> (дата обращения: 01.07.2019).
- Патриарх Московский и всея Руси Кирилл. Тайна покаяния. Великопостные проповеди (2001–2011). М.: Издательство Московской Патриархии Русской Православной Церкви, 2012. 496 с.
- Скляревская Г. Н. Лексика современного русского православия. Толково-энциклопедический словарь. СПб.: Контраст, 2016. 688 с.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. 2-е изд., стереотип. Т. II: Е — Муж. М.: Прогресс, 1986. 671 с.
- Цумарев А. Э., Шестакова Л. Л., Кулева А. С. Вопросы стилистического описания религиозной лексики в толковом словаре русского языка // Слово и словарь = Vocabulum et vocabularium: сборник научных статей. Вып. 16 / И. Л. Копылов (гл. ред.). Минск: Беларуская навука, 2019. С. 79–83.
- Шведова Н. Ю. (ред.). Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2007. 1175 с.
- Шмелев А. Д. Возможна ли кодификация языковых норм в эпоху социальных и культурных изменений? // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. 13. Культура русской речи. М., 2017а. С. 184–191.
- Шмелев А. Д. Прописные буквы в светской и церковной печати // Сретенский сборник. Вып. 7–8. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2017б. С. 698–734.
- Шмелев А. Д. Языковые особенности различных видов религиозного дискурса // Язык в движении: к 70-летию Л. П. Крысина / Отв. ред. Е. А. Земская, М. Л. Каленчук. М.: Языки славянской культуры, 2007. С. 612–621.

Шмеман А., прот. Дневники. 1973–1983 / сост., подгот. текста У. С. Шмеман, Н. А. Струве, Е. Ю. Дорман; предисл. С. А. Шмемана; примеч. Е. Ю. Дорман. 4-е изд., испр. М.: Русский путь, 2005. 720 с.

References

- D'yachenko G., prot. *Polnyi tserkovnoslavyanskii slovar': okolo 30 000 slov* [Complete Church Slavonic dictionary: about 30,000 words]. Rep. reproduction of ed. 1990. Moscow, Otchii Dom Publ., 2013. 1120 p.
- Evgen'eva A. P. (ed.). *Slovar' russkogo yazyka: V 4 t.* [Dictionary of the Russian language: In 4 vols]. 2-e izd., ispr. i dop. Moscow, Russkii Yazyk Publ., 1981–1984.
- Fasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka: V 4 t.* [Etymological dictionary of the Russian language: In 4 vols]. 2nd ed., stereotyp. Vol. 2: E — Muzh. Moscow, Progress Publ., 1986. 671 p.
- Gorbachevich K. S. (ch. ed.). *Bol'shoi akademicheskii slovar' russkogo yazyka* [Large academic dictionary of the Russian language]. T. 1: A — Bish'. Moscow, S.-Petersburg, Nauka Publ., 2004. 664 p.
- Kalenchuk M. L., Kasatkin L. L., Kasatkina R. F. *Bol'shoi orfoepicheskii slovar' russkogo yazyka. Literaturnoe proiznoshenie i udarenie nachala XXI veka: norma i ee varianty* [Large orthoepic dictionary of the Russian language. Literary pronunciation and stress of the beginning of the 21st century: the norm and its variants]. Moscow, AST-PRESS KNIGA Publ., 2016. 1008 p.
- Krysin L. P. (ed.). *Akademicheskii tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [Academic explanatory dictionary of the Russian language]. Vol. 1: A — Vilyat'. Vol. 2: Vina — Gyaur. Moscow, Publ. House YaSK, 2016.
- Kuznetsov S. A. (ch. ed.). *Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [Large dictionary of Russian language]. S.-Petersburg, Norint Publ., 2008. 1536 p.
- Lopatin V. V., Ivanova O. E. (ed.). *Russkii orfograficheskii slovar': okolo 200 000 slov* [Russian spelling dictionary: about 200,000 words]. Izd. 5-e, ispr. Moscow, AST-PRESS SHKOLA Publ., 2018. 896 p.
- Lopatin V. V., Nechaeva I. V., Chel'tsova L. K. *Propisnaya ili strochnaya? Orfograficheskii slovar': bolee 20 000 slov i slovosochetanii* [Uppercase or lowercase? Spelling dictionary: more than 20,000 words and phrases]. Moscow, Eksmo Publ., 2007. 506 p.
- Men' A. V. *Bibliologicheskii slovar': V 3 t.* [Bibliological dictionary: In 3 vols]. Moscow, Aleksandr Men' Foundation, 2002.
- Mikhailova Yu. N. *Religioznaya pravoslavnaya leksika i ee sud'ba: po dannym tolkovykh slovarei russkogo yazyka: avtoref. dip. ... kand. filol. nauk* [Religious Orthodox vocabulary and its fate: according to the explanatory dictionaries of the Russian language: Abstr. dr. philol. scien. dis.]. Ural. State. Univ. Ekaterinburg, 2004. 171 p.

- Natsional'nyi korpus russkogo yazyka* [Russian National Corpus]. Available at: <http://ruscorpora.ru> (accessed: 01.07.2019).
- Patriarkh Moskovskii i vseya Rusi Kirill. *Taina pokayaniya. Velikopostnye propovedi (2001–2011)* [The mystery of repentance. Lenten sermons (2001–2011)]. Moscow, Publ. House of the Moscow Patriarchate of the Russian Orthodox Church, 2012. 496 p.
- Shmelev A. D. [Is it possible to codify linguistic norms in the era of social and cultural changes?] *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova* [Proceed. of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute]. Vol. 13. Kul'tura Russkoi Rechi. Moscow, 2017a, pp. 184–191. (In Russ.)
- Shmelev A. D. [Linguistic features of various types of religious discourse]. *Yazyk v dvizhenii: k 70-letiyu L. P. Krysin* [Language in motion: on the 70th anniversary of L. P. Krysin]. Resp. ed. E. A. Zemskaya, M. L. Kalenchuk. Moscow, Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2007, pp. 612–621. (In Russ.)
- Shmelev A. D. [Uppercase letters in the secular and church press]. *Sretenskii sbornik* [Sretensky collection]. Vol. 7–8. Moscow, Sretenskii Monastery Publ., 2017b, pp. 698–734. (In Russ.)
- Shmeman A., prot. *Dnevniky. 1973–1983* [Diaries. 1973–1983]. Comp., prepar. of text U. S. Shmeman, N. A. Struve, E. Yu. Dorman; foreword S. A. Shmeman; notes E. Yu. Dorman. 4th ed., rev. Moscow, Russkii Put' Publ., 2005. 720 p.
- Shvedova N. Yu. (ed.). *Tolkovy slovar' russkogo yazyka s vklucheniem svedenii o proiskhozhdenii slov* [Explanatory dictionary of the Russian language with the inclusion of information on the origin of words]. Moscow, Publ. Centre "Azbukovnik", 2007. 1175 p.
- Sklyarevskaya G. N. *Leksika sovremennogo russkogo pravoslaviya. Tolkovo-entsiklopedicheskii slovar'* [The vocabulary of modern Russian Orthodoxy. Explanatory-encyclopedia dictionary]. S.-Petersburg, Kontrast Publ., 2016. 688 p.
- Tsumarev A. E., Shestakova L. L., Kuleva A. S. [Issues of the stylistic description of religious vocabulary in the explanatory dictionary of the Russian language]. *Slovo i slovar' = Vocabulum et vocabularium: sbornik nauchnykh statei* [Word and Dictionary = Vocabulum et vocabularium: collection of scientific articles]. Vol. 16. Ch. ed. I. L. Kopylov. Minsk, Belaruskaya Navuka Publ., 2019, pp. 79–83. (In Russ.)
- Vinogradov V. V. [Explanatory dictionaries of the Russian language]. Vinogradov V. V. *Izbrannye trudy. Leksikologiya i leksikografiya* [Selected works. Lexicology and lexicography]. Resp. ed. V. G. Kostomarov, Moscow, Nauka Publ., 1977, pp. 206–242. (In Russ.)

Еще раз о происхождении слова *варежки*

Елена Львовна Березович¹, Надежда Владимировна Кабинина²,

Уральский федеральный университет (Россия, Екатеринбург), berezovich@yandex.ru¹,
nadia.nvlad2010@yandex.ru²

DOI: 10.31857/S013161170007625-6

АННОТАЦИЯ: Статья посвящена вопросу о происхождении русского слова *варежки*. Этимологическое изучение этого слова насчитывает более ста лет; выдвинуто пять гипотез его происхождения, включая славянскую, финно-угорскую и скандинавскую версии. Поскольку ни одна из них надежно не обоснована, авторы предпринимают попытку собственного анализа и приходят к поддержке этимологической гипотезы М. Фасмера, согласно которой русское *várega*, *váрежка* первоначально означало ‘варяжская рукавица’. Не объясненное М. Фасмером различие ударения в *váрежка* и *варя́г* авторы связывают с тем, что заимствование произошло в тот период, когда в древнерусском языке еще сохранялась форма с исходным ударением **váрягъ* (из древнескандинавского **váringr*). Развертывая этимологию М. Фасмера с семантической стороны, авторы опираются на ряд фактов, записанных Топонимической экспедицией УрФУ в русских говорах юго-западного Беломорья, где засвидетельствовано противопоставление «русских» и «норвежских» рукавиц. Различие между ними заключается в технике вязки: для изготовления «русских» рукавиц использовался архаичный и достаточно грубый способ вязания одной иглой, а «норвежские» вязались на спицах, что позволяло придать варежке более аккуратную форму и связать резинку на запястье. Полагая, что этими же особенностями отличалась и варежка — «варяжская рукавица», авторы обращаются к вопросу о времени и месте заимствования. На основе совокупности лингвистических, исторических и этнографических данных выдвигается предпо-

ложение о том, что слово *váreга*, вместе с обозначаемой вещью, вошло в русский язык около XIII–XIV в. в результате русско-скандинавских торговых контактов в Новгороде или в крупнейшем скандинавском торговом центре того времени — на острове Готланд.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: варега, варежка, варяг, русские говоры, русский язык, скандинавские языки, русско-скандинавские контакты, этимология

для цитирования: Березович Е. Л., Кабинина Н. В. Еще раз о происхождении слова *варежки* // Русская речь. 2019. № 6. С. 58–72. DOI: 10.31857/S013161170007625-6.

благодарности: Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ «Контактные и генетические связи севернорусской лексики и ономастики» (проект 17-18-01-351).

From the History of the Russian Language

Once Again on the Origin of the Word *Варежки* 'Mittens'

Elena L. Berezovich¹, Nadezhda V. Kabinina², Ural Federal University (Russia, Ekaterinburg),
berezovich@yandex.ru¹, nadia.nvlad2010@yandex.ru²

ABSTRACT: The article discusses the origin of a Russian word *varezhki* (mittens).

The etymology of the word has been studied for more than a hundred years. There exist five hypotheses about its origin, including Slavic, Finno-Ugric and Scandinavian versions. Since none of them is reliably substantiated, the authors endeavoured to conduct their own analysis of the problem. Having analysed all the versions, the authors find M. Vasmer's hypothesis, according to which the Russian *váreга*, *váрежка* originally meant 'Varangian gauntlet', the most relevant. However, Vasmer doesn't explain the stress difference in *váрежка* and *варяг*. The authors attribute the stress difference to the fact that the borrowing occurred in the period when the Old Russian language preserved the form of the original stress **váрягъ* (from the Old Scandinavian **váringr*). Developing M. Vasmer's etymological theory from the semantic side, the authors rely on a number of facts recorded by the Toponymic expedition of the Ural University to the South-Western area of

the White Sea. They found out that in Russian dialects of the South-Western area of the White Sea there is an opposition ‘Russian mittens’ and ‘Norwegian mittens’. The difference between them is in the technique of knitting: “Russian” mittens are made using a sewing needle (this method is rough and outdated), while “Norwegian” ones are knitted with two knitting needles, which helps to give the mittens a neat shape and make a rib on the wrist. Believing that *varezhki* — “Varangian gauntlets” — had the same features as Norwegian mittens, the authors turn to the problem of time and place of the borrowing. Based on the complex of linguistic, historical and ethnographic factors it is suggested that the word *váreza*, along with the denoted object, entered the Russian language in the 13th–14th centuries, as a result of Russian-Scandinavian trade contacts in Novgorod or in the largest Nordic trade centre of the time — the island of Gotland.

KEYWORDS: *варежа, варежка* ‘mitten’, Varangian, Russian dialects, Russian language, Scandinavian languages, Russian-Scandinavian contacts, etymology
FOR CITATION: Berezovich E. L., Kabinina N. V. Once Again on the Origin of the Word *Варежки* ‘Mittens’. Russian Speech = Russkaya Rech’. 2019. No. 6. Pp. 58–72. DOI: 10.31857/S013161170007625-6.

ACKNOWLEDGEMENTS: This research is supported by a grant from Russian Science Foundation, project No. 17-18-01-351 “Contact and Genetic Relations of North Russian Vocabulary and Onomastics”.

1. *Варежки*: этимологическая загадка

Варежки, в отличие от валенок, не прославились в какой-либо известной русской песне, но никто не будет спорить с тем, что в России с ее зимними морозами без варежек не обойтись.

Откуда же взялось слово *варежки* у русских? Восходит ли оно к православному наследию или было заимствовано? А если заимствовано, то у какого народа, когда? Какую территорию России можно считать «родинной» слова?

Авторы далеко не первые, кто задается подобными вопросами. Нам известны пять гипотез о происхождении слова *варежки* [см., например: Фасмер 1964: 274; Аникин 2012: 83], однако ни одна из них не имеет полного набора необходимых доказательств.

Между тем как с точки зрения фонетики, так и с точки зрения семантики этими пятью версиями ресурс поисков уже исчерпан. Это означает, что одна из пяти выдвинутых гипотез верна, но в своем обосновании имеет пропущенные звенья.

Какая же?

Чтобы читатель мог размышлять вместе с нами, изложим все имеющиеся этимологии слова *варежки* с краткими комментариями к ним.

1. Первую этимологию в 1902 г. предложил славист Г. А. Ильинский, поставив корень *вар-* с польск. *wór* 'мешок' [см.: Фасмер 1964: 274]. Эта гипотеза не лишена оснований в том смысле, что древнейшим прототипом варежки действительно мог быть мешочек, который легко сшить из любого материала. Интересно, что такие «мешочки» используются до сих пор — правда, в специальных целях: в качестве массажных рукавиц, варежек для младенцев и некоторых больных. Польское слово является исконным славянским, восходит к праслав. диал. **vorъ* 'мешочек', которое образовано от глагола **verti* (того же, который «породил» рус. *вертеть*), имеющего в данном случае значение 'завязать'; таким образом, *wór* буквально — «то, что завязано» [Boryś 2005: 709]. Слабое звено этой версии в том, что в польском языке нет собственно слова «варежка» (производного от *wór* с этим значением). Получается, что русский язык заимствовал из польского только производящую основу, и причины такого заимствования неясны. Более того, «варежек» вообще нет в славянских языках, где представлены следующие основные обозначения этого предмета: укр. *рукавиці*, белорус. *рукавіцы*, польск. *rękawiczki*, чеш. *rukavice*, словацк. *palčiaky*, болг. *ръкавици без пръсти*, с.-хорв. *миттенс*, макед. *белезници* (как видим, вместо «варежек» чаще всего выступают «рукавицы»). Единственная фиксация «варежек» за пределами русского языка имеется в белорусском (в формах *варыжкі*, *варажкі*), но этимологи считают это русским заимствованием [Мартынаў (рэд.) 1980: 69].

2. Обычно подобная ситуация свидетельствует о том, что слово является результатом контактов русских с неславянскими народами. Поэтому неудивительно, что финский лингвист Я. Калима выдвинул предположение о происхождении *варега* (> *варежка*) из *вачега* 'рабочая рукавица', которое заимствовано из саамского *va'tts* 'суконная рукавица с одним пальцем' [см.: Фасмер 1964: 280]. Саамское слово, в свою очередь, заимствовано из скандинавских языков [Матвеев (ред.) 2004: 69–71].

Эта этимология, однако, встречает непреодолимое препятствие — невозможно объяснить фонетический переход *ч > р*, он не засвидетельствован ни в одном другом примере. Да и с «вещественной» стороны все не просто: варежки (вареги) и вачеги, конечно, схожи, но до сих пор по всей России они хорошо различаются: вачеги — это исключительно рабочие, «грубые» рукавицы, а вареги / варежки — либо «теплое» нижнее дополнение к вачегам, либо просто вязанные рукавички.

3. М. Фасмер выдвинул гипотезу о том, что рус. *варега*, *варежка* этимологически связано с *варяг* и первоначально означало 'варяжская рука-

вица' [Фасмер 1964: 274]. В каких условиях образовалось слово и почему вместо закономерно ожидаемого *варя́га* / *варя́жка* получилось *ва́режка*, Фасмер не объясняет.

4. Н. М. Шанский видел в слове *ва́рега* суффиксальное производное от др.-рус. *варѣ* 'защита', образованного, в свою очередь, от глагола *ва́рити* 'защищать, охранять, беречь, предупреждать' [Шанский 1968: 19–20]. Главным препятствием для этой этимологии является отсутствие в исконной древнерусской словообразовательной системе предметного суффикса *-eg(a)*: он известен только в диалектах Русского Севера как результат сравнительно поздней адаптации финалей отдельных лексем, заимствованных из финно-угорских языков.

5. Это же обстоятельство не позволяет принять этимологию В. Я. Дерягина, который связывает *ва́рега* с глаголом *варить* 'кипятить' [Люстрова, Скворцов, Дерягин 1976: 39]. По законам русского языка от этого глагола через причастную форму *ва́ренный* / *варённый* должно получиться *ва́ренки*, *варёнки* (ср. позднейшее *джинсы-варёнки*) или *ва́ренцы* и т. п., но не *ва́реги*. Семантическая же сторона этой этимологии приемлема и даже симпатична: если шерстяные варежки «сварить», то они, как любое изделие из шерсти, «сядут», т. е. станут более плотными и теплыми, а для варежек это важно.

Итак, все этимологии под вопросом. Что же делать?

Попробуем начать все сначала.

2. Поиск с «начала»

Согласно фонетическим и словообразовательным законам русского языка, *ва́режка* должно происходить от *ва́рега* или *ва́рьга* — как *тележка* от *телега*, *денежка* от *деньга* и т. п.

В этимологическом поиске приоритет, безусловно, следует отдать слову *ва́рега*, которое, в сравнении с *ва́рьга*, более широко известно в русских говорах и значительно раньше фиксируется в письменных документах. Фонетически *ва́рьга* хорошо объяснимо из *ва́рега* как результат редукции и последующей диерезы заударного 'е.

Слово *варега* впервые засвидетельствовано 450 лет назад — в 1579 г., в письме крестьян села Хрепелево к Ивану Грозному. В нем описывается разграбленное имущество жителей села и находящегося рядом Покровского девичьего монастыря. Грабители (кстати, крестьяне ближних сел — такие «соседские» набеги нередко случались на Руси) поживились на славу: список похищенного занимает почти две страницы. Тут и «двое жеребят Нагайские да три кобылы Немецкие», и «однорядка синя Аглинская», и «ножи Угорские кости рыбей», и «ферези лазоревы Аглинские», и «седла

Нагайские и Ляцкие», и еще много всего, в том числе **«пятеры рукавицы с варегами»** [АЮ: № 46; Срезн. Доп.: 29–30]. С воровством, хотя и не разбойным, связана и следующая по времени фиксация слова в 1673 г.: «вор Савка из избы ж вынес... подклад овчинной, да рукавицы барановые **с исподницы с вареги**» [Бархударов (гл. ред.) 1975: 19] (т. е. рукавицы вместе с надевавшимися под них варежками).

Интересна география этих самых ранних фиксаций слова. В первом примере это бывший Шуйский уезд Владимирской губернии (ныне центральная часть Ивановской области), во втором — Холмогорский уезд Архангельской губернии, удаленный от Иваново на тысячу километров.

Несмотря на малочисленность ранних примеров, такой географический разброс говорит о том, что в XVI–XVII вв. слово *варега* было уже достаточно хорошо известно на Руси. Об этом же свидетельствуют и относящиеся к XVI в. новгородские фиксации слова *варежник* в значении «мастер по изготовлению варег», причем (!) *варежник* не отождествляется с *рукавичником* — мастером по изготовлению рукавиц, ср.: «А двор пуст Сенкинской **рукавичника** да Софроновской **варежника**» (Новгородская писцовая книга, 1584 г.) [Бархударов (гл. ред.) 1975: 19]¹.

Приведенные материалы позволяют заключить следующее.

- Слово *варега* появилось в русском языке не позднее середины XVI в. (фактическую раннюю границу по данным словарей определить, конечно, нельзя). Это не означает, что до появления слова *варега* наши предки выходили на мороз с голыми руками — у них была «одежда» для рук, именуемая исконным славянским словом *рукавицы*. Были, по-видимому, и разновидности этой «одежды», в том числе *исподницы*, надевавшиеся для утепления с «испода», то есть снизу, под верхнюю рукавицу.

- В XVI–XVII вв. вареги представляли собой разновидность исподниц. От их традиционных видов вареги, видимо, отличались какими-то особенностями, в том числе и потому, что их изготовлением занимались особые мастера — *варежники*. Сам факт существования этой профессии говорит о том, что далеко не каждый наш предок мог изготовить вареги: для этого нужно было владеть особой технологией, знать ее секреты и тонкости.

- Вареги достаточно высоко ценились: в Древней Руси их крали наряду с дорогими, в том числе заморскими, вещами. Неудивительно, что настоящие вареги, видимо, долгое время были роскошью для бедняков, о чем говорит пословица «Нужда рукавицу с варьгой сроднила» [Даль 1: 165] (т. е. так беден, что имеет только рукавицы).

¹ Ср. также: *Богдан Тимофеев сын, варежник* (1592 г., Новгород) [Срезн. Доп.: 30]. От профессиональных прозвищ *варежник* и *рукавичник* в России остались следы в виде фамилий *Варежников* и *Рукавичников* (*Рукавишников*). Первая из них более редка.

Все это — вместе с отсутствием похожего слова в лексике других славянских языков — позволяет обозначить два очень важных для этимологии обстоятельства. Во-первых, *варега* появилось в русском языке как название новой, «неисконной» (заимствованной) вещи, отличающейся от «русских» рукавиц какими-то значимыми деталями. Во-вторых, зона влияния языка-источника даже в XVI–XVII вв. охватывала лишь часть восточнославянского ареала, а именно новгородские и московские земли, включая исторические владения Новгорода и Москвы на Русском Севере. Понятно, что ранее указанного времени эта зона могла быть еще более узкой.

Это, в свою очередь, очерчивает для слова *варега* основной круг возможных языков-источников (балтийские, финно-угорские, германские) и самое раннее возможное время его вхождения в русский язык — середина XII в.: закат Киевской Руси и перемещение центра русской жизни в Новгород.

На этой основе попробуем вновь обратиться к возможным языковым источникам слова *варега*.

Балтийских этимологий для него не предлагалось, не нашли их и мы.

«Саамская» версия Я. Калимы (рус. *váreги* < саам. *vácheги*) не обнаружила в нашем поиске ни к а к и х возможностей серьезной лингвистической или этнографической аргументации — в эту версию можно разве что «верить». Не прослеживаются истоки слова и в других финно-угорских языках — финском, карельском, вепсском и др., однако в связи с этимологией Я. Калимы еще раз отметим интересную «ниточку», ведущую русское *вачеги* ‘рабочие рукавицы’ от саамского языка к языкам Скандинавии. К ним же, добавим, восходит и слово *вóтты* ‘привозные из Норвегии шерстяные вязаные рукавицы’, засвидетельствованное в XIX в. в кемских и кольских говорах Беломорья [Подвысоцкий 1885: 22] (ср. норв. *vottar* ‘варежки, рукавицы’, др.-исл. *votttr*, швед. *vante*, ниж.-нем., нидерл. *want* ‘рукавица’ [Аникин 2014: 318]). Позднее след слова *вóтты* теряется, однако у нынешних жителей нижнеонежской зоны Беломорья до сих пор известен вид рукавиц под названием *норвѣжские дельницы* [КСГРС]. Итак, по крайней мере у архангельских поморов «скандинавские» рукавицы с давних времен, что называется, пользовались спросом.

Это может считаться хорошим аргументом в пользу этимологической гипотезы М. Фасмера — ведь именно жителей Скандинавии в Древней Руси называли *варягами*. Однако, как уже говорилось, эта гипотеза не объясняет, почему и как от слова *варяг* образовалось не *варяга*, а *варега*. Для сравнения приведем такой факт: в кругу современной молодежи, увлекающейся средневековой европейской историей и играми в варягов / викингов, бытует совершенно «правильное» слово *варяжки*, называющее,

правда, не рукавицы, а кожаные ботинки с узким ремешком на голени («ботинки варягов»).

Попробуем поразмышлять об этой фонетической проблеме.

Начнем с того, что смещение ударения в том или ином русском слове не является чем-то невозможным, однако для этого должен существовать достаточно сильный фактор — например, влияние другого языка. Так, под воздействием французского языка, в котором ударение всегда падает на последний слог слова, дети русских дворян обращались к отцу *naná* вместо *nána*. Еще более яркий пример — повсеместное произношение *ру́чей* (при общерусском *ручѐй*) в говорах Русского Севера, которое обычно объясняется влиянием аборигенных финно-угорских языков с характерным для них ударением на первом слоге.

Другой причиной смещения ударения может быть влияние похожих слов или омонимов, с которыми данное слово связано «бытийными» отношениями. В случае со словом *váregi* такое влияние вполне можно заподозрить — со стороны слов *vácegi*, *válenki*, а в говорах Русского Севера есть, например, еще и *várega* (уменьш. *váreжка*) в значении 'сплетенная из дранки решетка, предназначенная для сушки чего-либо' [Матвеев (ред.) 2002: 26]².

В нашем случае, однако, названные причины следует считать дополнительными, а основная причина видится в другом.

В статье, посвященной этнониму *варяг*, М. Фасмер, со ссылкой на исследования финского слависта В. Кипарского, упоминает о «старом ударении» слова [Фасмер 1964: 276]. Он не развивает эту тему, однако в качестве древнескандинавской праформы указывает **váringr* (от *vár* 'верность, порука, обет'), а в числе иноязычных отражений этого слова приводит др.-греч. *βάρανγας*. Тем самым очевидно, что исходная древнескандинавская лексема имела ударение не на втором, а на первом слоге, и, естественно, именно с такой позицией ударения должна была отражаться — по крайней мере первоначально — в воспринимающих языках.

Это ведет к предположению о том, что и в древнерусском языке древнескандинавское **váringr* сначала адаптировалось как **váreǫzъ* с носовым *ǫ* во втором слоге, а после утраты древнерусским языком носовых гласных, т. е. около IX–X в., закономерно приобрело форму **váreǫzъ*.

До падения редуцированных гласных (XII — нач. XIII в.) эта форма могла вполне хорошо сохраняться, однако после окончательной утраты *ǫ* и *ь*, имевшей для русского языка поистине колоссальные последствия, она стала «неудобной», поскольку финаль *-ǫzъ* фонетически сблизилась с исконным суффиксом лица *-ак/-як*, который всегда несет на себе ударение

² Этимомом для *várega* 'решетка из дранки' является приб.-фин. *varras* 'жердь, жердочка, колышек, палочка' [Матвеев (ред.) 2004: 59].

(ср. *дура́к*, *проста́к*; *моря́к*, *скорня́к* и т. п.). Не могли поддержать форму **ва́рягъ* и исконно русские слова с экспрессивным суффиксом лица -яг-, который также всегда «тянет» ударение на себя (ср. *бедня́га*, *бродя́га* и т. п.).

В такой «внутриязыковой» ситуации первоначальное (**ва́ре҃гъ*) **ва́рягъ* с ударением на первом слоге выжить не могло, однако в истории Руси наверняка был хотя бы небольшой период, когда формы с разным ударением сосуществовали.

В наши дни, по прошествии почти тысячи лет после рассматриваемых процессов, обнаружить даже слабые следы этого сосуществования было бы чрезвычайным везением. Но такие следы есть!

Наиболее отчетливый из них — названия варежки в русских говорах двух соседних территорий северной России: Терского берега (Кольский полуостров) и Беломорской Карелии. Здесь параллельно существуют сразу три фонетические формы: *ва́ре҃га*, *ва́ря҃га* и *варя́га* [Герд (гл. ред.) 1994: 162]. Другой ряд фактов, свидетельствующих о вероятной связи слов *ва́ре҃га* и *варя́га*, — обозначение варежки словом *ва́ря҃га* (не *ва́ре҃га*!) в вологодских, олонечских и нижегородских говорах и словом *варя́га* в тверских говорах [Филин (гл. ред.) 1969: 64].

Тем самым в слове *ва́ре҃га* сдвиг ударения, вероятно, в о б щ е н е п р о - и с х о д и л — оно попросту могло возникнуть в то время, когда была еще жива исходная форма **ва́рягъ*. Если это так, то в дальнейшей судьбе слова нет уже ничего загадочного: **ва́рягъ* > *ва́ря҃га* / **ва́ря҃жка*, а далее *ва́ре҃га* / *ва́ре҃жка* в силу неразличения фонем 'а' и 'э' в заударной позиции.

В итоге, как это нередко бывает, исторические звуковые процессы привели к разрыву смысловых связей между словами **ва́рягъ* / *варя́г* и *ва́ре҃га*, *ва́ре҃жка*, и лишь некоторые говоры сохранили переданную по традиции «фонетическую память» о родстве этих слов.

3. О «русских» и «варяжских» рукавицах

Замечательный австрийский филолог Г. Шухардт, основатель знаменитой школы «слов и вещей», более ста лет назад писал о том, что собственно лингвистическое изучение слов должно вестись совместно с изучением истории «вещей», называемых этими словами, — только таким образом становятся полнокровными как лингвистические, так и этнографические трактовки того или иного «веще-слова» [см. Шухардт: 280].

Этот идеал, к сожалению, далеко не всегда достижим, но все же попробуем рассмотреть *варежки* в «вещественно-этнографическом» ключе. Как уже говорилось в разделе 2, вареги чем-то отличались от традиционных русских рукавиц — как верхних, так и нижних, «исподних».

Но в чем состояло это отличие?

На наш взгляд, приблизиться к разгадке этого секрета позволяют материалы, недавно собранные Топонимической экспедицией УрФУ в Архангельском Беломорье.

Эта территория северной России издавна была местом русско-скандинавских и — шире — русско-германских контактов. В беломорских говорах до сих пор бытует значительное количество заимствований из скандинавских языков (сведения о них наиболее полно представлены в [Ивашова 1999]), а в рассказах поморов Скандинавия, включая самую далекую Норвегию, рисуется как «соседняя» земля: «Норвега от нас недалеко... Норвега за поворотом моря» [КСГРС].

Именно здесь, в Беломорье, в нынешнем Онежском районе Архангельской области, обнаружилось противопоставление «русских» и «норвежских» вязаных рукавиц, называемых в местных говорах общим словом *дельницы*: «Норвежские дельницы с резинкой были, привозные, а русские свои, без резинки» (д. Каска); «Русские рукавицы у нас от бабушки, они без резинки. Вот у этих резинку после мама довязала» (д. Пачепельда); «Русские дельницы были <варежки>, русские носки, русские чулки. Они без резинки» (с. Ворзогоры); «У нас были всякие дельницы — норвежские и русские. Норвежские привозили от норвегов» (д. Большой Бор) [КСГРС].

При анализе этих контекстов, удаляясь от чисто лингвистических рассуждений о судьбе древнерусских носовых и редуцированных, мы оказываемся в сугубо «вещной» области — в области вязания, известного с давних времен у самых разных народов.

Как установлено в историко-этнографических исследованиях³, на европейском Северо-Западе самой «старинной» техникой вязания небольших изделий — варежек, носков, чулок — было вязание одной иглой (плоской спицей с ушком). Эта архаичная техника исстари бытовала в Англии, Германии, Норвегии, Швеции, Дании, Финляндии, России. В странах Скандинавии она доныне известна как редкое искусство *naalbinding*, а в северной России одной иглой вязали вплоть до самого недавнего времени, ср.: «Русьски исподки одной иголкой вяжут» [Матвеев (ред.) 2009: 347], «Делёнки <варежки> русские на одной иголке вяжутся» [Гецова (ред.) 1999: 440], «Мамушка русские дельницы вязала одной спицей, они толсты, толще долони» [Герд (гл. ред.) 1994: 447] и др.

Сходство этого старинного «одноигольного» способа у разных народов вряд ли следует объяснять процессами заимствования. Оно, скорее,

³ Авторы этой статьи, к сожалению, не являются специалистами по вязанию. В данном разделе мы опираемся главным образом на два замечательных исследования: Н. Зиборева «Изготовление тканей в Северной Европе в IX–XI веках» [https://www.simvolika.org/article_001.htm] и Е. Чундискова «История развития вязания спицами в Европе до XIX века» [<http://pikoclub.ru/stati/istoriya-razvitiya-vyazaniya-spitsami-v-evrope-do-19-v/>]. Ссылки на другие источники указываются особо.

типологическое — там, где мужчинам приходилось вязать сети и силки для ловли рыбы и птиц, закономерно должно было развиваться и более сложное искусство вязания предметов одежды вроде варежек или носков. Простор для творчества здесь довольно большой: при помощи иглы с ушком возможно около 30 вариантов вязки!

Если говорить о старых русских фактах, то с помощью «одноигольной» техники связан, по-видимому, найденный археологами знаменитый «пронский носок» (Рязанская область), датируемый XI–XII вв., а также датируемая XIV в. варежка, найденная в 2018 г. при раскопках древнерусского поселения на острове Вёжи в Костромской области⁴.

При всем разнообразии «вариантов» варежки и носки, связанные иглой с ушком, обладают одним общим свойством: они имеют прямую или слегка коническую форму, т. е. достаточно свободно держатся на руке или ноге (см. рис. 1). Это объясняется тем, что одной иглой практически невозможно связать эластичную резинку — для нее нужно как минимум три спицы, а лучше четыре или пять.

Рис. 1. Варежки, связанные одной иглой

Fig. 1. Mittens made with one kniddle

Рис. 2. Варежки с «норвежским» узором, связанные на спицах

Fig. 2. Mittens with a "Norwegian" pattern, knitted

Соответственно, напрашивается предположение о том, что народы Скандинавии раньше, чем русские, освоили технику вязания спицами: только с их помощью можно «вывязать» резинку, которая хорошо держит варежку на руке — к тому же варежки, связанные на спицах, более эластичны и лучше облегают ладонь.

⁴ Увидеть фотографии этих археологических находок и больше узнать о них читатель может на сайтах <https://gorod.tomsk.ru/index-1352997842.php> («пронский» носок) и <https://www.rgo.ru/ru/article/my-smogli-dobratsya-do-xiv-veka-molodye-arheologi-mechtayut-pokazat-ostrov-vezhi-turistam> («костромская» варежка).

В Западной Европе история вязания спицами ведет свое начало с XII–XIII вв. По-видимому, в Скандинавии — самой холодной части континентальной Европы — искусство вязания на спицах совершенствовалось особенно быстро, достигнув своей вершины в XIX в. в изделиях с прославившимся на весь мир «норвежским узором» (см. рис. 2). Интересно, что и в наше время скандинавские страны держат мировое первенство по производству теплой одежды, в том числе армейских, спортивных, рыбацких, охотничьих и иных рукавиц.

Наша же исконная «русская» рукавица, думается, долгое время оставалась простой — связанной одноигольным способом без резинки и несколько грубоватой. Ее «свободный» характер народ по-своему отразил в пословице «Жена не рукавица, с руки не скинешь». Заметим, что наши информанты считают более удобной для работы «русскую» рукавицу: «В снегу торбаешься, рука мокрая, не запихаешь, если дельница <варежка> с резинкой» (с. Ворзгоры) [КСГРС]. Показательно, что противопоставление «русских» и «чужеземных» рукавиц фиксируется не только у поморов, но и в Поволжье, Прикамье, во Владимирской губернии — и в оппозиции «русским» рукавицам выступают еще «панские» (см. об этом в [Березович 2019: 90–91]).

В итоге, согласно нашей «вещественной» гипотезе, около XIII–XIV вв., благодаря контактам с народами Скандинавии, в русский быт вошла *в́аряга* / *в́арега* — вязанная на спицах «варяжская рукавица» с резинкой на запястье. Сначала она пригодилась как «исподница» для рабочих рукавиц, потом — как более изящная, в сравнении с «русской», обиходная рукавичка: в ней, не надевая грубых верхних рукавиц, в некрепкий мороз можно было сходить за водой на колодец, прийти на свидание или на сельский праздник.

Со временем секретами вязки на спицах овладели и русские мастера, появилась даже профессия *варежник*, а еще позднее техникой вязания спицами овладели и женщины. Это сделало варежку вполне привычным предметом русского быта и внесло свою лепту в смысловой разрыв между словами *варежка* и *варяг*.

В заключение попытаемся ответить на вопрос о том, на какой территории древних русско-скандинавских контактов могло произойти заимствование.

Противопоставление «норвежских» и «русских» рукавиц, ставшее ключом к нашим догадкам, засвидетельствовано только в Беломорье. Тем самым, казалось бы, все просто: именно сюда, в Беломорье, варегі первоначально и попали из Скандинавии, подобно более поздним вачегам, воттам и норвежским дельницам (см. раздел 2). Об этом же как будто говорят слова одного из наших информантов: «Мы с Норвегой всю жисть

торговали, возили туда смолу, дерево, картошку, а оттуда всякое железо — топоры, косы, ножницы, посуду, одежду непромокаемую» [КСГРС].

Но здесь, конечно, возникает вопрос: а сколько это — «всю жисть»? С чисто исторических позиций мирные торговые отношения Беломорья и Скандинавии насчитывают не более четырех с половиной столетий, причем расцвет этой торговли, когда начался интенсивный обмен выше-названными и другими товарами, стал возможен лишь в XVII в.⁵

Между тем, как отмечено в предыдущем разделе, 450 лет назад слово *вареги* было уже известно в центре России — во Владимирской губернии и Новгороде, тогда как в Беломорье оно фиксируется на столетие позже. Поэтому, как бы ни любили авторы Беломорья, где не раз бывали в диалектологических экспедициях, считать эту территорию местом заимствования слова *в́арега* нельзя — просто здесь, на «краю» русской земли, лучше, чем на других территориях, сохранилась память о различиях между «своим» и «заморским».

Гораздо более вероятно, что *в́арега*, вместе с самой вещью, было заимствовано в процессе более ранних (начиная с XII в.) новгородско-скандинавских контактов, когда расширились торговые связи Руси через Балтийское море. Главным центром русско-скандинавских отношений в это время становится Новгород, причем торговля со скандинавами велась как в самом Новгороде (здесь еще в XI в. появился торговый двор для скандинавских купцов), так и на знаменитом острове Готланд в Балтийском море близ Швеции⁶. Одно из этих мест и является, по-видимому, «родиной» слов *в́арега*, *в́арежка*.

Источники

АЮ — Акты юридические, или собрание форм старинного делопроизводства. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1838. 509 с.

Даль — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. 2-е изд. СПб.; М.: Изд. М.О. Вольфа, 1880–1882 (1989).

КСГРС — картотека Словаря говоров Русского Севера (кафедра русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации УрФУ, Екатеринбург).

⁵ См.: *Шрадер Т. А.* С торгов в Норвегу (поморская торговля как фактор взаимовлияния культур) // Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН [http://www.kunstkamera.ru/files/lib/978-5-88431-187-9/978-5-88431-187-9_21.pdf].

⁶ См.: *Свердлов М. Б., Шаскольский И. П.* Культурные связи России и Швеции в IX–XVI веках [<http://ulfdalir.ru/literature/735/794> <http://ulfdalir.ru/literature/735/794>].

Подвысоцкий 1885 — *Подвысоцкий А. О.* Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб.: Тип. Императ. Акад. наук, 1885. 1022 с.

Срезн. Доп. — *Срезневский И. А.* Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 3. Р-Я и дополнения. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии наук, 1912. 1967 с.

Литература

- Аникин А. Е. Русский этимологический словарь. Вып. 6. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2012. 368 с. Вып. 8. М.: Институт русского языка им В. В. Виноградова РАН, 2014. 352 с.
- Бархударов С. Г. (гл. ред.). Словарь русского языка XI–XVII веков. Т. 2. М.: Наука, 1975. 319 с.
- Березович Е. Л. К реконструкции образа германского мира в языковом сознании архангельских поморов // Антропологический форум. 2019. № 42. С. 70–108.
- Герд А. С. (гл. ред.). Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1994. Вып. 1. 512 с.
- Гецова О. А. (ред.). Архангельский областной словарь. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1999. Вып. 10. 479 с.
- Ивашова Н. М. Западноевропейские заимствования в говорах Русского Севера: дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург: Уральский гос. ун-т, 1999. 294 с.
- Люстрова З. Н., Скворцов Н. И., Дерягин В. Я. Беседы о русском слове. М.: Знание, 1976. 144 с.
- Мартынаў В. У. (рэд.). Этымалагічны слоўнік беларускай мовы. Мінск: Навука і тэхніка, 1980. Т. 2. 344 с.
- Матвеев А. К. (ред.). Материалы для словаря финно-угро-самодийских заимствований в говорах Русского Севера. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2004. Вып. 1. 142 с.
- Матвеев А. К. (ред.). Словарь говоров Русского Севера. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. Т. 2. 292 с. Т. 4. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2009. 358 с.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М.: Наука, 1964. Т. 1. 573 с.
- Филин Ф. П. (гл. ред.). Словарь русских народных говоров. Л.: Наука, 1969. Вып. 4. 355 с.
- Шанский Н. М. Этимологический словарь русского языка. Вып. 3. М.: Московский университет, 1968. 284 с.
- Шухардт Г. Извлечения из книги «Избранные статьи по языкознанию». Вещи и слова // Хрестоматия по истории языкознания XIX–XX веков. Сост. В. А. Звегинцев. М.: Гос. уч.-пед. изд-во Министерства просвещения РСФСР, 1950. С. 279–287.
- Boryś W. Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków: Wyd. Literackie, 2005. 862 s.

References

- Anikin A. E. *Russkii etimologicheskii slovar'* [Russian etymological dictionary]. Iss. 6. Moscow, Rukopisnye Pamyatniki Drevnei Rusi Publ., 2012. 368 p. Iss. 8. Moscow, Vinogradov Russ. Lang. Inst. RAS Publ., 2014. 352 p.
- Barkhudarov S. G. (ch. ed.). *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian language of the 11th – 17th centuries]. Iss. 2. Moscow, Nauka Publ., 1975. 319 p.
- Berezovich E. L. [Toward a reconstruction of the image of the German world in the linguistic consciousness of Arkhangelsk Pomors]. *Antropologicheskii forum*. 2019, no. 42, pp. 70–108. (In Russ.)
- Boryś W. *Słownik etymologiczny języka polskiego* [Etymological dictionary of the Polish language]. Kraków, Wyd. Literackie Publ., 2005. 862 p.
- Fasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Etymological dictionary of the Russian language]. Moscow, Nauka Publ., 1964. Vol. 1. 573 p.
- Filin F. P. (ch. ed.). *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian folk dialects]. Leningrad, Nauka Publ., 1969. Iss. 4. 355 p.
- Gerd A. S. (ch. ed.). *Slovar' russkikh govorov Karelii i sopredel'nykh oblastei* [Dictionary of Russian dialects of Karelia and adjacent areas]. St. Petersburg, S.-Peterburg St. Univ. Publ., 1994. Vyp. 1. 512 p.
- Getsova O. A. (ed.). *Arkhangel'skii oblastnoi slovar'* [Arkhangelsk regional dictionary]. Moscow, Moscow Univ. Publ., 1999. Iss. 10. 479 p.
- Ivashova N. M. *Zapadnoevropeiskie zaimstvovaniya v govorakh Russkogo Severa: dis. ... kand. filol. nauk* [Western European borrowing in the dialects of the Russian North: Dr. philol. sci. diss.]. Ekaterinburg, Ural State Univ., 1999. 294 p.
- Lyustrova Z. N., Skvortsov N. I., Deryagin V. Ya. *Besedy o russkom slove* [Conversations about the Russian word]. Moscow, Znanie Publ., 1976. 144 p.
- Martynav V. U. (ed.). *Etymalogichny cloŭnik belaruskai movy* [Etymological dictionary of the Belarusian language]. Minsk, Navuka i Tekhnika Publ., 1980. Vol. 2. 344 p.
- Matveev A. K. (ed.). *Materialy dlya slovaryia finno-ugro-samodiiskikh zaimstvovaniy v govorakh Russkogo Severa* [Materials for the dictionary of Finno-Ugric-Samoyed borrowings in the dialects of the Russian North]. Ekaterinburg, Ural. Univ. Publ., 2004. Iss. 1. 142 p.
- Matveev A. K. (ed.). *Slovar' govorov Russkogo Severa* [Dictionary of dialects of the Russian North]. Ekaterinburg, Ural. Univ. Publ., 2002. Vol. 2. 292 p. Vol. 4. Ekaterinburg, Ural. Univ. Publ., 2009. 358 p.
- Shanskii N. M. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Etymological dictionary of the Russian language]. Iss. 3. Moscow, Moscow Univ. Publ., 1968. 284 p.
- Shukhardt G. [Extracts from the book "Selected Articles on Linguistics". Things and words]. *Khrestomatiya po istorii yazykoznaniya XIX–XX vekov* [A reader on the history of linguistics of the 19th – 20th centuries]. Comp. V. A. Zvegintsev. Moscow, State Student-ped. Publ. House of the Ministry of Education of the RSFSR, 1950, pp. 279–287. (In Russ.)

Где затерялись *вдова* с *дочерью*?

Ольга Павловна Ермакова, Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского (Россия, Калуга), olga_ermakova.kaluga@mail.ru

DOI: 10.31857/S013161170007626-7

АННОТАЦИЯ: В статье рассматриваются некоторые значения имен лиц женского пола, которые употреблялись в XIX и XX веках и встречаются в настоящее время, но редко отражаются толковыми словарями.

Так, у производных слов со значением женскости, употреблявшихся в XIX веке и ранее, значение ‘жена того, кто назван производящей основой’: *генеральша* — ‘жена генерала’, *докторша* — ‘жена доктора’ и т. п., не сопровождается в словарях значением ‘вдова’, хотя вдовы генералов, майоров, предводителей и т. д. по-прежнему назывались *генеральшами*, *майоршами*, *предводительшами* и т. п. В разговорной речи и в языке художественной литературы значение ‘вдова’ встречалось и у женщин «нечиновных».

Наблюдения, касающиеся употребления слова *солдатка*, обнаруживают идеологические мотивы, определяющие фиксацию значения ‘вдова’ у этого слова в толковых словарях.

Значение ‘дочь’ нередко совмещается со значением ‘жена’ у разных названий лиц женского пола. Но словарями такое совмещение в русском языке отмечено лишь у слов *баронесса*, *графиня*, *герцогиня* и — неожиданно — у слова *мельничиха*.

Это некоторый фрагмент общей проблемы отражения словарями слов и значений, употребляющихся в языке художественной литературы и разговорной речи.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: лексическое значение, толковый словарь, разговорная речь, язык художественной литературы, феминитивы, употребление в речи

для цитирования: Ермакова О. П. Где затерялись *вдова* с *дочерью*? // Русская речь. 2019. № 6. С. 73–81. DOI: 10.31857/S013161170007626-7.

From the History of the Russian Language

Where *Daughter* and *Widow* are Hidden?

Olga P. Ermakova, Kaluga State University named after K. E. Tsiolkovski (Russia, Kaluga),
olga_ermakova.kaluga@mail.ru

ABSTRACT: The article examines meanings of nouns relating to female persons that were in use in 19th and 20th centuries and are still encountered nowadays but are rarely included in dictionaries.

Female derivatives that were in use in 19th century and earlier are usually supplied with the meaning ‘wife of the person indicated by the producing word’, e.g. *general’sha* — ‘general’s wife’, *doktorsha* — ‘doctor’s wife’, even though widows of generals, majors and marshals of nobility were still called *general’sha*, *mayorsha* and *predvoditel’sha*.

In colloquial speech and literary language the meaning ‘widow’ did not necessarily apply widows of officials.

The authors investigated usages of *soldatka* (‘soldier’s wife or widow’) and uncovered ideological motives that explain the presence of the meaning ‘widow’ in explanatory dictionaries.

The meaning ‘daughter’ is often combined with the meaning ‘wife’ when we look at nouns that relate to female persons. However, in Russian dictionaries (only in the *Great Academic Dictionary* and the *Small Academic Dictionary*) such a combination is recorded only for words *baronessa* [baroness], *grafinya* [countess], *gertsoginya* [duchess] and, somewhat unexpectedly, *mel’nichikha* (‘miller’s daughter or wife’).

This work represents a fragment of the general problem of how words and their meanings should be reflected in dictionaries — both in colloquial speech and literary language.

KEYWORDS: lexical meaning, explanatory dictionary, colloquial speech, literary language, feminitives, speech use

FOR CITATION: Ermakova O. P. Where *daughter* and *widow* are hidden? Russian Speech = Russkaya Rech'. 2019. No. 6. Pp. 73–81. DOI: 10.31857/S013161170007626-7.

Известно, что образования типа *генеральша*, *аптекарьша* широко употреблялись в русском языке XIX века (и раньше) со значением 'жена...'. Ср.: в XIX веке значительно продуктивнее, чем в современном языке, было обозначение женщин по чину, должности, званию или роду занятий мужа [Очерки по исторической грамматике... 1964: 80]. Но в словарях не отмечено их употребление со значением 'вдова...'. Единственный случай: в словаре Ушакова слово *офицерша* толкуется как 'жена или вдова офицера'.

Однако в разговорной речи и в языке художественной литературы это значение встречалось нередко не только у слов *генеральша*, *капитанша*, но и у *дворничиха*, *рыбачка*, *морячка*, *докторша* и др.

Вдовы генералов, офицеров, капитанов, председателей правления и т. д. по-прежнему назывались *генеральша*, *майорша*, *председательша*, *капитанша* или *морячка*, *рыбачка*, *докторша* и т. д. Вот ряд примеров, где речь явно идет о вдовах:

Мать ее, **майорша**, была бедная женщина и жила на квартире у дяди (Ф. Решетников. Между людьми); Пришла старуха-**капитанша** с медальоном покойного мужа (Ф. Достоевский. Дневник писателя); ...Я должен у вдовы, у **докторши** крестить (А. Грибоедов. Горь от ума); В этот день вдова предводителя Любовь Петровна служит по усопшем имениннике панихиду (А. Чехов. У **предводительши**); Голубчик, миленький, сейчас **баронесса** Шеплинг начнет тебе рассказывать, что... мы с мамой неблагодарные, не благодарим ее за прежние благодеяния теперь, когда она впала в бедность; ...А когда увидишь **генеральшу** Жеребчикову, то не смейся над ней, голубчик! Она такая несчастная! (А. Чехов. Оба лучше); ...**Губернаторша** прыгала с необыкновенным усердием, так что я сам был тронут ее любовью к покойному мужу (О. Сенковский. Сентиментальное путешествие на гору Этно); Мать его **капитанша**, без году дворянка... только годик покойный не достянул (П. Лажечников. Оккупированная); Просительница, **штабс-капитанша** Калинина, просила о невозможном и бестолковом... (Л. Толстой. Анна Каренина).

Значение ‘вдова того, кто назван производящей основой’ встречается также в XX веке и в настоящее время. Ср.:

*Впрочем, **прокурориша** была замечательно умная женщина и, между нами сказать, знала дела не хуже покойного прокурора (М. Жукова. Дача на Петербургской дороге); Рыдала фламандская **рыбачка**, с тоскою глядя в море, поглотившее ее моряка (А. Веселый. Россия, кровью умытая); Паша была **солдаткой**, муж ее пропал без вести еще в начале войны (И. Кремлев. Большевики); А в поезде едут **солдаты**. Едут, чтобы в Маньчжурии их убили, а жены остались **солдатками** (С. Сартаков. Хребты Саянские). — У нас рядом **адмиральши** живет // — Разве бывают женщины-адмиралы? — Да она **вдова** / у нее муж был адмирал // [Земская 1992: 148].*

Некоторые замечания требуется, на мой взгляд, сделать о слове *солдатка*. Оно употреблялось на Руси с XVIII века со значением ‘жена’ или ‘вдова’ — солдата (второе значение словари не отмечали).

В советское время это слово не употреблялось, поскольку породившее его *солдат* было заменено словом *красноармеец*. Ср.:

— Как живешь, солдат? — Парень смутился. В то время в нашей армии обращение «солдат» было не принято. Говорили: «боец», «красноармеец» (А. Бек. Волоколамское шоссе). Соответственно появилось и слово *красноармейка*.

Ср.: **Красноармейка**. 1. разг. Женск. к красноармейцу; 2. Жена красноармейца. *Вечером в избе у Прасковьи было собрание: сошлись **вдовы-красноармейки*** (А. Неверов. Головка) (БАС).

Оно, по-видимому, было не очень употребительно (текстовых примеров встретилось всего четыре) и недолговечно. Приведу некоторые примеры.

*Ее он спросил, не **красноармейка** ли она...* (В. Гельфанд. Дневники 1941–1943 гг.); **Красноармейка**. *С красной звездой на рукаве в освободительный бой я иду* (А. Баркова. Красноармейка. 1921).

В XIX веке слово *солдатка* широко употреблялось, но обросло отрицательными коннотациями из-за положения женщин, долгое время остающихся без мужей.

«В **солдаты** будут поступать холостые люди, с чем вместе прекратится существование класса **солдаток**, столь тягостное для общества» (А. Бутковский. Опыт о народном богатстве или о началах политической экономии. 1847).

Слово *солдатка*, как нетрудно заметить по произведениям литературы первой половины XIX века, было почти синонимом слова «проститутка» (коллективный. Форум: Война 1812 г.).

Текстовые примеры разных лет иллюстрируют отношение к солдаткам, которое и укрепляло отрицательные коннотации у слова: *солдатка* — ‘до-

ступная женщина'. Ср.: *Вы, господин, в женском не нуждается? — Тут солдатка* (М. Горький. Жизнь Клима Самгина); *Тожe, поди, нелегко жить четыре-то года без мужа. Солдатка...* Известно, какие они, *солдатки-то* (А. Куприн. Ночная смена); ...*Мне, напротив, надо, чтобы только здоровая, да поменьше хлопот — солдатка или эдак...* (Л. Толстой. Дьявол); *Солдатка* не вдова, не мужняя жена; *Солдатским ребятам вся деревня отец* [Даль 1995].

В словаре Ушакова слово *солдат* толкуется так: **СОЛДА́Т**, ... 1. Рядовой военнослужащий, первоначально, вольнонаемный (*дореволюц., загр.*). Соответственно: **СОЛДА́ТКА**, -и, ж. Женщина (обычно о крестьянке), муж которой служит в солдатах [Ушаков (ред.) 1935–1940]. При этом слове нет помет (*дореволюц., загр.*), но это как бы само собой разумелось.

Однако при этом в словаре Ушакова не отмечается значение 'вдова солдата', хотя в XIX веке оно было вполне употребительным.

Во время Отечественной войны слово *солдатка* в крестьянской среде, видимо, стало возрождаться (если доверять свидетельству К. Симонова):

*Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины,
Как шли бесконечные злые дожди,
Как кринки несли нам усталые женщины,
Прижав, как детей, от дождя их к груди,
Как слезы они вытирали украдкой,
Как вслед нам шептали: «Господь вас спаси!»
И снова себя называли солдатками,
Как встарь повелось на великой Руси.*

(К. Симонов. Алексею Суркову)

После войны в художественной литературе слово *солдатка* со значением 'вдова' употреблялось довольно активно. Ср.: *Солдатская вдова, солдатка, второго мужа не нашла* (Б. Слуцкий. Оказывается, война...); *Агрипина Землянка, вдова-солдатка, покалеченная бугаем, ходила за панскими коровами* (В. Осева. Динка прощается с детством).

Отмечено значение 'вдова' у слова *солдатка* в БАС, как употребление. В дальнейшем ни в [Евгеньева (ред.) 1981–1984] (далее — МАС), ни в разных изданиях словаря С. И. Ожегова, С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой, ни словаре Н. Ю. Шведовой 2008 г. *солдатки-вдовы* нет (см. [Евгеньева (ред.) 1981–1984], [Ожегов, Шведова 1992], [Шведова 2008]).

В настоящее время это значение «возродилось», но как *устар.*

См.: *Солдатка* — (*устар.*) Жена или вдова солдата (обычно о жене солдата, ушедшего на войну) (Викисловарь); *Солдатка* — (*устар.*) Жена или вдова солдата — употребление на Руси в XVII веке (*разг.*) (Википедия).

Многие из приведенных и аналогичных слов сейчас употребляются как функциональные имена. Так, *докторша* сейчас активно употребляется в разговорной речи (правда, преимущественно москвичей) со значением 'женщина-врач'. Аналогично — *аптекарьша*, *адвокатша* и др.

Ср.: *Вчера ходила к своей докторше, она на УЗИ послала* (Запись устной речи). Замечу, однако, что это несколько «ущербная» номинация: в функции обращения к врачу она не используется.

Но в художественной литературе значение 'жена доктора' может быть «реанимировано». Например: *Мы сами слышали, как докторша говорила мужу: «Когда ты задержался у больного, я всю ночь ждала, не заскрипели ли ступеньки»* (Е. Шварц. Снежная королева).

Значение 'дочь' того, кто назван производящим словом, в русском языке специального обозначения не имеет. Есть несколько слов, называющих незамужнюю дочь титулованных или чиновных родителей: *княжна*, *королевна*, *царевна* (еще — нетитулованная *поповна*).

Но значение 'дочь' нередко совмещается со значением 'жена' у разных названий лиц женского пола. Такое совмещение в русском языке отмечено некоторыми словарями (БАС и МАС) у слов *баронесса*, *графиня*, *герцогиня*, а также у слова *мельничиха*.

Ср.: **ГРАФИНЯ**, -и, ж. Жена или дочь графа (МАС). В других словарях значение 'дочь' у приведенных слов или не отмечается [Ушаков 1935–1940], или отмечается выборочно. В словаре 1847 года это значение отмечено у слов *баронесса* и *графиня*, в словаре В. И. Даля — только у слова *баронесса*. В дальнейшем словари толкуют их как 'женское к...' или 'жена'.

В XIX веке значение 'дочь' у слова *графиня* встречалось довольно регулярно. Ср.: *За несколько дней до свадьбы Берг вошел рано утром в кабинет к графу и с приятной улыбкой почтительно попросил будущего тестя обьявить ему, что будет дано за графиней Верой* (Л. Толстой. Война и мир). *Передай графине Ростовой, что она была и есть совершенно свободна и что я желаю ей всего наилучшего* [князь Андрей о Наташе Ростовой] (там же).

У других наименований лиц значение 'дочь' не отмечается словарями. Исключение здесь составляет слово *мельничиха*, которое (только в БАС и МАС) толкуется с включением компонента 'дочь'.

Ср.: **МЕЛЬНИЧИХА**, -и, ж. Разг. Жена или дочь мельника (МАС). Другие словари фиксируют значение: 'женское к мельник или жена мельника' (словарь 1847 г., словарь Даля, словарь Ушакова, словарь Шведовой), хотя в текстах XIX и XX веков значение 'дочь' встречается.

Ср.: *Ведь мельничиха здесь. Скорее выведи ее* (А. Пушкин. Русалка) [князь говорит о дочери мельника, которую он покинул]; *А у мельника была дочка такая красивая дивчина... Полюбилась эта мельничиха Опанасу* (А. Ку-

прин. Лесная глушь). Ср. также название вокального цикла Ф. Шуберта «Прекрасная мельничиха», где речь идет о дочери мельника, но без знания текста это значение не очевидно.

В немецком языке словари не отмечают в слове Müllerin значение ‘дочь мельника’, но такое употребление, наверное, было, а может быть, и есть.

Наблюдения показывают, что значение ‘дочь’ у разных имен со значением женскости встречалось в разговорной речи, отраженной в художественной литературе XIX века, и встречается в настоящее время.

Купца расстреляли, а семью сослали в Сибирь... Бывшая купеческая дочь с трудом нашла место родного дома. ...Купчихи той больше никто никогда не видел, про няню уж и забыли вспоминать... (Блоги 2018); *Случилось так, что начала бывать у нас эта самая Марго. Она дочь майора Силина... Эта юная майориша продолжает бывать у вас? — спросила она [госпожа Тучкова. — О. Е.] тоном судьбы* (Б. Окуджава. Путешествие дилетантов); *А, да ты генеральшиа?* [у девочки — отец генерал. — О. Е.] (Запись устной речи). *Тут неподалеку трактир держит один мужик. Там есть молоденькая трактирищица. — Жена? — Нет, дочка. Жены нету* (Блоги). *В это время пришла наша молочница со своей девочкой... Бегу, хочу сорвать цветок. Вдруг вижу, стоит между цветами маленькая молочница и глаза у нее широко раскрыты* (В. Новицкая. Хорошо жить на свете! 1912).

Слово *солдатка* в значении ‘дочь солдата’ мне не встретилось, но, конечно, могло употребляться.

Существовало и существует слово *солдатенок*. По аналогии со словами *ребенок*, *котенок*, *лисенок* и т. п. оно должно бы называть незрелое существо безотносительно к полу. Но называет ребенка мужского пола. Отмечено оно только в словаре 1847 г. со значением ‘малолетний сын солдата’. В художественной литературе XIX века *солдатенок* — это ‘молодой, неопытный солдат’. Ср.: — *Ах ты, мальчишка, щенок! Солдатенок — смеешь меня... лейтенанта... — задыхаясь, проговорил Капитон Иваныч* (Е. Салиас. На Москве); — *Я его давно замечал, — сказал другой. — Да что, солдатенок* (Л. Толстой. Война и мир). В рассказе Ч. Айтматова «Солдатенок» речь идет о мальчике. Это, очевидно, единственный случай, когда нейтральный по отношению к полу суффикс *-енок* выражает значение мужского пола в соответствии с грамматическим родом.

Возможно, в отдельных случаях у слова *солдатенок* нет явного значения ‘мальчик’ (просто ‘ребенок’), но значение ‘дочь’ там усмотреть трудно.

И останутся тогда —

Домовина-хатка,

Солдатенок-сирота,

Вдовушка-солдатка (И. Сельвинский. Казачья колыбельная песня. 1943).

Приведенные наблюдения показывают различную судьбу *вдовы* и *дочери*: в настоящее время напоминание о вдове у женских наименований содержится в Википедии, но дочери нет даже там.

Основная мысль нашей статьи такая.

Значения, которые встречаются в текстах художественной литературы XIX–XX веков и в настоящее время, но не отмечены словарями, могут потеряться. ‘Вдова’ и ‘дочь’, на наш взгляд, заслуживают упоминания словарями, в некоторых случаях с пометой *устар.*, но не всегда.

Литература

- БАС — Словарь современного русского литературного языка. В 17 томах. М.–Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1950–1965.
- Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. М.: Изд-во иностранных и национальных словарей, 1955.
- Евгеньева А. П. (ред.). Словарь русского языка. В 4 т. 2-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык, 1981–1984.
- Земская Е. А. Словообразование как деятельность. М.: Наука, 1992. 224 с.
- Крысин Л. П. (ред.). Толковый словарь русской разговорной речи. Вып. 1–2. М.: Языки славянской культуры, 2014–2017.
- Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азъ, 1992. 660 с.
- Очерки по исторической грамматике русского литературного языка. Изменения в словообразовании и формах существительного и прилагательного в русском литературном языке XIX в. М.: Наука, 1964. 600 с.
- Панов М. В. (ред.). Русский язык и советское общество. Словообразование современного русского языка. М.: Наука, 1968. 185 с.
- Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный вторым отделением Императорской академии наук. В 4 т., 2-е изд. СПб.: Типогр. Имп. Академии наук. 1867.
- Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка. М.: Государственный институт «Советская энциклопедия», 1935–1940.
- Шведова Н. Ю. (ред.). Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов. М.: Азбуковник, 2008. 956 с.

References

- BAS — *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka. V 17 tomakh* [Dictionary of modern Russian literary language]. Vol. 2. Moscow–Leningrad. Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1951.

- Dal' V. I. *Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka. V 4 t.* [Explanatory dictionary of live Great Russian language]. Moscow, Izd-vo inostrannykh i natsional'nykh slovarei Publ. 1955.
- Evgen'eva A. P. (ed.). *Slovar' russkogo yazyka v 4 t., 2 izd.* [Dictionary of the Russian language in 4 vols. 2nd edition]. Moscow, Russkii Yazyk Publ., 1981–1984.
- Krysin L. P. (ed.) *Tolkovyi slovar' russkoi razgovornoj rechi* [Explanatory dictionary of Russian everyday speech (ed. by L. P. Krysin)], issue 1–2, Moscow, Yazyki Slavyanskoi Kul'tury Publ. 2014, 2017.
- Ocherki po istoricheskoi grammatike russkogo literaturnogo yazyka. Izmeneniya v slovoobrazovanii i formakh sushchestvitel'nogo i prilagatel'nogo v russkom literaturnom yazyke XIX v.* [Essays on the historical grammar of the Russian literary language. Changes in word formation and forms of noun and adjective in the Russian literary language of XIX century]. Moscow, Nauka Publ, 1964. 600 p.
- Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian language]. Moscow, Az Publ., 1992. 660 p.
- Panov M. V. (ed.). *Russkii yazyk i sovetskoe obshchestvo. Slovoobrazovanie sovremennogo russkogo yazyka* [Russian language and Soviet society. Word formation of the modern Russian language]. Moscow, Nauka Publ., 1968. 185 p.
- Shvedova N. Yu. *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka s vklyucheniem svedenii o proiskhozhdenii slov* [Explanatory dictionary of the Russian language with the inclusion of information about the origin of words]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2008. 956 p.
- Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [Dictionary of modern Russian literary language]. AN SSSR, Russian language Institute. Moscow–Leningrad, 1950–1965. Vol. 14. 1963.
- Slovar' tserkovno-slavyanskogo i russkogo yazyka, sostavlennyy vtorym otdeleniem Imperatorskoi akademii nauk. V 4 t., 2-e izd.* [Dictionary of Church Slavonic and Russian language, compiled by the second branch of the Imperial Academy of Sciences. In 4 vols. 2nd ed.]. Sankt-Petersburg, Tipogr. Imp. Akademii nauk Publ. 1867.
- Ushakov D. N. (ed.). *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka. V 4-kh tomakh* [Explanatory dictionary of Russian language in 4 vols.]. Moscow, Gosudarstvennyi institut "Sovetskaya entsiklopediya" Publ., 1935–1940.
- Zemskaya E. A. *Slovoobrazovanie kak deyatel'nost'* [Word formation as an activity]. Moscow, Nauka Publ., 1992. 224 p.

Семантика заглавия романа Е. Водолазкина «Авиатор»

Наталия Анатольевна Николина, Московский педагогический государственный университет
(Россия, Москва), ruskafedra314@gmail.com

Зоя Юрьевна Петрова, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Россия, Москва),
zoyap@mail.ru

DOI: 10.31857/S013161170007627-8

АННОТАЦИЯ: В статье рассматривается семантика заглавия романа Е. Водолазкина «Авиатор», вышедшего в 2016 году, и прослеживается связь названия этого произведения с основным текстом и эпиграфом. Показано, что заглавие в конденсированной форме выражает основные темы текста, связано с его важнейшими сюжетными линиями, композицией произведения и ключевыми образными параллелями. Определяется смысл заглавия романа Е. Водолазкина «Авиатор», при этом анализируется постепенное изменение семантики заглавного слова по мере развертывания текста, обогащение его дополнительными смыслами ('независимость', 'одинокость', 'широкий обзор сверху'). Выявляются интертекстуальные связи произведения, прежде всего со стихотворением А. Блока «Авиатор». Особое внимание в статье уделено системе метафор в романе (*жизнь — полет, авиатор — птица* и др.) и их роли в тексте. Отмечается многофункциональность заглавия в романе. Анализ заглавия позволяет выявить подтекст романа, дать интерпретацию текста произведения, определить авторские оценки и ключевые оппозиции романа (прошлое / настоящее, историческое время / личное время, общественная жизнь / частная жизнь, непрерывность времени / дыры во времени и др.).

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: заглавие, метафора, образная параллель, семантика, художественный текст, оппозиция

для цитирования: Николина Н. А., Петрова З. Ю. Семантика заглавия романа Е. Водолазкина «Авиатор» // Русская речь. 2019. № 6. С. 82–91. DOI: 10.31857/S013161170007627-8.

благодарности: Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ 19-512-23004 «Метафорическая картина мира современной русской и венгерской прозы конца XX — начала XXI в. (сопоставительный анализ)».

The Language of Fiction

The Semantics of the Novel Title “Aviator” by E. Vodolazkin

Natalia A. Nikolina, Moscow State Pedagogical University (Russia, Moscow),
ruskafedra314@gmail.com

Zoya Yu. Petrova, V.V. Vinogradov Russian Language Institute (Russian Academy of Sciences)
(Russia, Moscow), zoyap@mail.ru

ABSTRACT: The article discusses the semantics of the title of the novel by E. Vodolazkin “Aviator” published in 2016 and traces the connection between the title of this work and both the main text and epigraph. The research shows that the title expresses the main themes of the text in a condensed form and is associated with its most important subject lines, the composition of the work and the key figurative parallels. The article determines the meaning of the novel title “Aviator” and considers a gradual change in the semantics of the headword and its enrichment with additional meanings such as ‘independence’, ‘loneliness’, ‘wide view from above’. Intertextual links of the work are revealed, primarily with the poem “Aviator” by A. Blok. The paper focuses on the system of metaphors in the novel (*life — flight, aviator — bird*, etc.) and their role in the text. The article emphasizes the multifunctional character of the title. The analysis of the title reveals the subtext of the novel, gives an interpretation of the text and determines the author’s estimates and key oppositions of the novel (the past/ the present, historical time/personal time, public life/private life, time continuity/holes in time, etc.).

KEYWORDS: title, metaphor, figurative parallel, semantics, literary text, opposition

FOR CITATION: Nikolina N. A., Petrova Z. Yu. The Semantics of the Novel Title “Aviator” by E. Vodolazkin. *Russian Speech = Russkaya Rech’*. 2019. No. 6. Pp. 82–91. DOI: 10.31857/S013161170007627-8.

ACKNOWLEDGEMENTS: This research is supported by a grant from Russian Foundation for Basic Research, project No. 19-512-23004 “Metaphorical picture of the world of modern Russian and Hungarian prose of the late 20th — early 21th century (comparative analysis)”.

Одним из важнейших компонентов художественного текста является его заглавие, которое занимает в нем абсолютно сильную позицию. Заглавие — это «компрессированное, нераскрытое содержание текста. Его можно метафорически изобразить в виде закрученной пружины, раскрывающей свои возможности в процессе разворачивания» [Гальперин 1981: 133].

Заглавие художественного произведения многофункционально. Оно, во-первых, соотносит текст с его главными героями, временем действия, основными пространственными координатами; во-вторых, устанавливает контакт с адресатом текста; в-третьих, отражает авторское видение изображаемого. Оно, как правило, многозначно и выступает как «мета-языковая перифраза текста с символической уплотненностью значений» [Григорьев 1979: 194–195].

Для интерпретации художественного произведения важны анализ семантики заглавия и соотнесение его с основным текстом. «Как завязь в процессе роста разворачивается постепенно множащимися и длинящимися листьями, так и заглавие лишь постепенно, лист за листом, раскрывается в книгу: книга и есть — развернутое до конца заглавие, заглавие же — стянутая до объема двух-трех слов книга» [Кржижановский 1994: 13].

Обратимся к анализу заглавия романа Е. Водолазкина «Авиатор» (2016), вызвавшего большой читательский интерес и различные оценки. Заглавие его представляет своеобразную загадку для читателя: в позицию названия вынесено слово, обозначающее профессиональную деятельность, к которой не имеет отношения главный герой. Это слово неоднократно повторяется в тексте и выступает как в прямом, так и в переносном значениях. Среди образных номинаций главного героя, наряду с именами

Лазарь и Робинзон Крузо, оно является ключевым. Как отмечает Н. А. Фатеева, «многочисленные сцепления, которыми обрастает заглавие в ходе чтения текста, перерождают семантическую структуру его восприятия» [2010: 29].

Заглавие *авиатор* связывает разные временные планы произведения. При этом актуализируются различные ассоциации, связанные с этим словом, которое употребляется в ключевых моментах повествования. Впервые оно появляется в воспоминаниях о раннем детстве: «Мы с кузеном Севой на Финском заливе. <...> Мы с ним запускаем воздушного змея. Бежим по вечернему пляжу у самой кромки воды. Иногда задеваем воду босыми ступнями, и брызги сверкают в заходящем солнце. Воображаем себя *авиаторами*. Летим вдвоем: на переднем сиденье я, на заднем Сева. Там, в холодном небе, пустынно и одиноко, но нас согревает наша дружба.

— *Авиатор* Платонов, — кричит мне сзади Сева. — *Авиатор* Платонов, по курсу населенный пункт Куоккала! Я не понимаю, зачем Сева обращается к своему коллеге так церемонно. Может быть, для того, чтобы Платонов не забывал, что он *авиатор*». В этом контексте слово *авиатор* связано с ситуацией игры.

По мере взросления героя семантика слова усложняется. Следующее его употребление соотносится с изображаемыми реалиями (полеты аэропланов на Комендантском аэродроме) и воспоминаниями об увиденных Платоновым авиаторах, которым он решил подражать. В этом контексте слово сопровождается метаязыковой рефлексией Платонова: «Меня завораживало само слово — авиатор. Его звучание соединяло в себе красоту полета и рев мотора, свободу и мощь. Это было прекрасное слово. Позднее появился “летчик”, которого будто бы придумал Хлебников. Слово неплохое, но какое-то куцее: есть в нем что-то от воробья. А авиатор — это большая красивая птица. Такой птицей хотел быть и я. Авиатор Платонов. Это стало не то чтобы домашним именем, но время от времени меня так называли. И мне это нравилось». Слово *авиатор* метафорически сопоставляется с птицей, и одновременно с ним связываются символические смыслы ‘свобода’, ‘полет’, ‘мощь’, отражающие осознание героем своего пути. В этом проявляется способность заглавия регулярно выражать символические смыслы, ср.: «Позиция заглавия — это потенциально символическая позиция в словоупотреблении» [Григорьев 1979: 195]. С лексической метафорой в тексте при этом взаимодействует звуковой облик слова, оцениваемый самим повествователем.

Далее образ авиатора усложняется, рефлексия героя над ним проявляется в обобщающей образной параллели «взлет авиатора — символ надлежащего течения жизни»: «Однажды в Сиверской я видел, как с плохо

выкошенного поля взлетал аэроплан. Набирая разбег, *авиатор* объезжал выбоины, подпрыгивал на кочках и внезапно — о, радость! — оказался в воздухе. Глядя, как судорожно перемещается по полю машина, никто полета, откровенно говоря, не ожидал. А *авиатор* — взлетел. <...> С каких-то пор эта картинка видится мне символом надлежащего течения жизни. Мне кажется, что у людей состоявшихся есть особенность: они мало зависят от окружающих. Независимость, конечно, не цель, но она — то, что помогает достигать цели. Вот бежишь ты по жизни со слабой надеждой взлететь, и все смотрят на тебя с жалостью, в лучшем случае — с непониманием. Но ты — взлетаешь, и все они с высоты кажутся точками. <...> А ты летишь в избранном тобой направлении и чертишь в эфире дорогие тебе фигуры. Стоящие внизу ими восхищаются (немножко, может быть, завидуют), но не в силах что-либо изменить, поскольку в этих сферах всё зависит лишь от умения летящего. От прекрасного в своем одиночестве *авиатора*».

В этом контексте слово *авиатор* приобретает метафорическое значение, связанное с образной параллелью «жизнь — полет». Оно интерпретируется уже на основе не словарного значения лексической единицы, а на ассоциациях, актуализируемых в тексте романа.

Метафора обогащается такими смыслами, как «независимость», «одиночество», «отстраненность», с ней связывается в структуре повествования пространственная точка зрения «сверху», которая, как показывают следующие ключевые контексты романа, определяет основное предназначение «авиатора» — дать обзор ситуаций прошлого с мельчайшими присущими им деталями. Мотив «широкого обзора» определяет кольцевую композицию романа — диалог, представленный в эпиграфе, повторяется затем в конце произведения:

«— Что вы всё пишете?

— Описываю предметы, ощущения. Людей. Я теперь каждый день пишу, надеясь спасти их от забвения.

— Мир Божий слишком велик, чтобы рассчитывать здесь на успех.

— Знаете, если каждый опишет свою, пусть небольшую, частицу этого мира... Хотя почему, собственно, небольшую? Всегда ведь найдется тот, чей обзор достаточно широк.

— Например?

— Например, *авиатор*».

Происходит дальнейшее развитие метафоры *авиатор* на основе ассоциации, связанной с ситуацией полета авиатора причинно-следственной связью: «Летающий на большой высоте самолет предоставляет авиатору возможность многое увидеть сверху». И именно эта ассоциация лежит в основе осмысления основного призвания главного героя — «описателя».

Еще одна ассоциация, связанная с темой высоты полета, формирует оппозицию «верх (небо)» / «низ», в которой актуализируется противопоставление частной жизни «авиатора» жизни общественной, последняя сравнивается в тексте с бассейном без воды, а население России — с живущими глубоко под водой рыбами: «Сейчас вдруг подумал, что это своего рода модель общественной жизни. Которая, если разобраться, не жизнь, а фантом. Погружение в нее небезопасно: очень даже может выясниться, что в этом бассейне не было воды»; «[Платонов] Сравнил население страны с глубоководными рыбами. Они, дескать, только и могут жить что под давлением».

Как отмечал Евгений Водолазкин, «“Авиатор” — роман о другой истории: чувств, фраз, запахов, звуков». Воскрешенный герой восстанавливает в памяти «утраченную Атлантиду», мир прошлого, описывая бытовые повседневные ситуации. Например: «Чай осенью на открытой веранде. Сапогом раздувают тлеющие угли. <...> Все — кто бы они ни были — тепло одеты, на некоторых шарфы. К самовару тянутся руки: он уже способен греть. Беседа — нескончаемые титаник да фердинанд — движется волнами, то тише, то громче». В центре внимания повествователя оказываются события прошлого, однако само понятие «событие» понимается героем как факт личной истории: «В очередной раз задаю себе вопрос: что вообще следует считать событием? Для одних событие — Ватерлоо, а для других — вечерняя беседа на кухне. <...> Ведь это только на первый взгляд кажется, что Ватерлоо и умиротворенная беседа несравнимы, потому что Ватерлоо — это мировая история, а беседа вроде как нет. Но беседа — это событие личной истории, для которой мировая — всего лишь небольшая часть, прелюдия, что ли. Понятно, что при таких обстоятельствах Ватерлоо забудется, в то время как хорошая беседа — никогда».

Авиатор, таким образом, трактуется в романе как описатель «внимательно прожитого времени», стремящийся заполнить образовавшиеся в нем пробелы, «дыры»: «Те, кто жили вечностью, особо ценили время. И даже не столько время, сколько его непрерывность, отсутствие дыр», ср. слова героя в изложении Насти: «Иннокентий сейчас смотрит старые фильмы и хронику. Говорит, что у него дыра во времени, и он ее заделывает». Неслучайно, что для заглавия романа выбрано устаревшее в современном русском языке слово *авиатор*, а не современная номинация *летчик*.

Помимо смысла 'особое предназначение авиатора, стремящегося сохранить «непрерывность времени» и способствовать «воскрешению поколения» по памяти', который не связан прямо с лексическим значением слова, а возникает на основе ассоциации, слово *авиатор* развивает в тексте романа образную параллель, базирующуюся на его основном значении,

включающем семантический компонент 'полет на летательном аппарате'. С полетом метафорически отождествляется жизнь человека, итоги которой зависят от выбранного направления. С точки зрения Платонова, полет может быть как удачным, так и неудачным. Обобщающая метафора полета выражается в тексте в ряде конкретных глагольных метафор: *взлететь, лететь, упасть вниз, спикировать*, которые взаимодействуют с другими глаголами движения: *споткнуться, оступиться*. При помощи этих метафор оценивается и жизнь самого повествователя, и жизнь других персонажей. Так, размышляя о своей жизни, Платонов замечает:

«— На какой же все-таки кочке я *споткнулся*? Почему не *взлетел*? Что погубило мои способности к живописи?»

При встрече героя на Соловках с бывшим «авиатором» Севой, ставшим чекистом, также используются метафоры, характеризующие неудачный полет: «Неужели Севе так хотелось от меня избавиться? Сколько же мы с ним летали на змее-аэроплане, я на переднем сиденье, он на заднем! Сева ведь и на пересыльном пункте не пересел на переднее: не расстрелял меня, не лишил жизни своею волей. <...> Как это Сева так *оступился*, что его аэроплан *спикировал вниз*?»

Отметим, что эта образная параллель относится к метафорическому архетипу «жизнь — движение», к тому его подтипу, который можно условно обозначить как «движение на транспортных средствах», в начальный период развития языка художественной литературы представленному тропами с опорными словами лексико-семантических групп «Корабли»: *корабль, челн, ладья* — и «Наземный транспорт (конный)»: *колесница, телега, коляска, тройка* (например, *жизни колесница* у Жуковского, *телега жизни* у Пушкина), — а затем, параллельно с изменениями в реальном мире, пополняющемуся различными обозначениями более современных средств передвижения: *пароход, паровоз* («Так жизнь вперед летит, — летит, как *паровоз*, Меняя сны и впечатленья (К. Фофанов)), *поезд* («Как *поезд* движется в тоннель, Так в старость мы войдем» (Е. Винокуров)), *вагоны, автобус* и т. д. [Иванова 1985: 163–166; Кожевникова 1995: 11–12], — в том числе и летательных средств: *самолет, аэроплан* и др., ср.:

Истории советской ход,
Как *реактивный самолет*,
К сверхскорости себя готовь,
Что было, то не будет вновь.
(А. А. Баркова, 1956).

В тексте романа «Авиатор» мотив жизни как движения в неверно выбранном направлении, помимо метафоры неудачного полета на аэропла-

не, связан и с использованием обозначений других средств передвижения, прежде всего с развертыванием метафоры «революции — локомотивы истории»; впервые она появляется в диалоге Платонова и Севы:

«Сева — мне:

— Вступай в партию большевиков!

<...>

— Зачем вступать?

— Готовить революцию. Революции, по Марксу, — это *локомотивы* истории.

Сева теперь, оказывается, марксист.

А если, — спрашиваю, — локомотив куда-нибудь не туда пойдет? Не ты ведь им управляешь».

Затем этот же образ повторяется в предсмертной речи Севы:

«Интересно, что в одну из таких минут Сева вспомнил наш разговор о локомотивах истории. Он привел его своим мучителям и сказал:

— Не думал я, что этот *локомотив* привезет меня сюда. А ведь предупреждал меня Иннокентий: ходи пешком».

В результате в тексте романа актуализируется оппозиция «историческое время / личное время», последнее и выбирает авиатор, причем делая выбор в пользу прошлого.

Помимо метафоры полета на самолете, мотив полета в романе развивается и безотносительно к транспортным средствам. Полет как таковой служит в романе сигналом перехода из одного измерения в другое. Впервые ощущение полета появляется у главного героя в раннем детстве, в воспоминаниях об этом употребляются метафоры *парить*, *полет*, в контексте метафоры полета происходит переключение временных планов «прошлое / настоящее»: «Церковь — большая радость, особенно в детстве. <...> Мать... берет меня осторожно, подносит к иконе. Поясницей чувствую ее ладони, а мои валенки и варежки свободно перемещаются в воздухе, и я как бы *парю* в направлении иконы. <...> Навстречу мне, распахнув руки, Мать Божья, и я целую Ее в руку неловко, потому что *полет* мой не мной управляем, и, поцеловав, прикасаюсь, как положено, лбом. На мгновение чувствую прохладу Ее руки. И вот так я *парю* себе в церкви, проплываю над священником, машущим кадилом, — сквозь ароматный дым. <...> Вдоль окон, за которыми заснеженная страна. Россия? У неплотно прикрытой двери зримо клубится стужа, на ручке — иней. Щель резко расширяется, в возникшем прямоугольнике — Гейгер. — Доктор, мы ведь в России? — спрашиваю».

Другой контекст с метафорой полета описывает состояние героя после мучений на Секирной горе и близость его к смерти как преодоление времени: «Волочат вверх по ступенькам, втаскивают в “фонарь”. “Фонарь” —

это верхняя часть храма, служившая прежде маяком. Там сейчас нет ни светильника, ни стекол. Только ветер, самый сильный ветер, который на вершине холма. Ты сопротивляешься ему какое-то время, а потом сопротивление исчезает. И время исчезает — та продолжительность, которую невозможно описать. Ты отдаешься на волю этого ветра, он залечит твои раны, он понесет тебя в правильном направлении. И ты летишь».

Реальные полеты «авиатор» Платонов совершает уже в современном мире, причем последний трагически обрывается. Возможную гибель героя предвосхищает повторяющаяся в романе цитата из стихотворения Блока, выполняющая интертекстуальную проспективную функцию:

«Летун отпущен на свободу,
Качнув две лопасти свои,
Как чудище морское — в воду,
Скользнул в воздушные струи»;

«Уж поздно: на траве равнины
Крыла измятая дуга...
В сплетении проволок машины
Рука — мертвее рычага...»

Таким образом, в романе происходит постепенное усложнение семантики заглавного слова *авиатор*, которое по мере развертывания текста обогащается дополнительными смыслами и в свернутом виде соотносится со всем содержанием произведения. Заглавие *авиатор* оказывается центром порождения значимых для интерпретации текста образных параллелей, взаимодействующих в романе. Оно сочетает конкретность и обобщенность и отражает систему авторских оценок и мировоззренческих установок.

Литература

- Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981. 140 с.
Григорьев В. П. Поэтика слова. М.: Наука, 1979. 344 с.
Иванова Н. Н. Демократизация стихотворной речи (современный этап) // Григорьева А. Д., Иванова Н. Н. Язык поэзии XIX–XX вв. Фет. Современная лирика. М.: Наука, 1985. С. 139–230.
Кожевникова Н. А. Эволюция тропов // Очерки истории языка русской поэзии XX века. Общественные средства поэтического языка и их трансформация. М.: Наука, 1995. С. 6–79.

Кржижановский С. Д. Поэтика заглавий // С. Кржижановский. Страны, которых нет: Статьи о литературе и театре. Записные тетради. М.: Радикс, 1994. С. 13–39.
Фатеева Н. А. Синтез целого. На пути к новой поэтике. М.: НЛО, 2010. 352 с.

References

- Fateeva N. A. *Sintez tselogo. Na puti k novoi poetike* [Synthesis of the whole. On the way to the new poetics]. Moscow, Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ., 2010. 352 p.
- Gal'perin I. R. *Tekst kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovaniya* [Text as an object of linguistic research]. Moscow, Nauka Publ., 1981. 140 p.
- Grigor'ev V. P. *Poetika slova* [Poetics of the word]. Moscow, Nauka Publ., 1979. 344 p.
- Ivanova N. N. [Democratization of poetic speech (modern stage)]. Grigor'eva A. D., Ivanova N. N. *Yazyk poezii XIX–XX vv. Fet. Sovremennaya lirika* [The language of poetry of 19th–20th centuries. Fet. Modern lyrics]. Moscow, Nauka Publ., 1985, pp. 139–230. (In Russ.)
- Kozhevnikova N. A. [The evolution of tropes]. *Ocherki istorii yazyka russkoi poezii XX veka. Obraznye sredstva poeticheskogo yazyka i ikh transformatsiya* [Essays on the history of the language of Russian poetry of the 20th century. Figurative means of poetic language and their transformation]. Moscow, Nauka Publ., 1995, pp. 6–79. (In Russ.)
- Krzhizhanovskii S. D. [Poetics of the title]. Krzhizhanovskii S. *Strany, kotorykh net: Stat'i o literature i teatre. Zapisnye tetradi* [Countries that do not exist: Articles on literature and theater. Notebooks]. Moscow, Radiks Publ., 1994, pp. 13–39. (In Russ.)

«А с запада падает красный снег Сочными клочьями человечьего мяса...».

Образ войны в раннем творчестве В. В. Маяковского

Виктория Валерьевна Никульцева, Московский финансово-юридический университет
МФЮА (Россия, Москва), severjanin@list.ru

Владимир Николаевич Дядичев, Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН
(Россия, Москва), dyaditchev@list.ru

DOI: 10.31857/S013161170007628-9

АННОТАЦИЯ: В статье содержится лингвостилистический анализ двух стихотворений В. В. Маяковского, представляющих собой поэтическую реакцию автора на начало Первой мировой войны, — «Война объявлена» и «Мама и убитый немцами вечер» (1914). Эти произведения роднит наличие кольцевой композиции, лексических и звуковых повторов, словесной игры, окказионализмов, а также сходные приемы персонификации, метафоризации, эпитетики, контраста, дефразеологизации и авторского обновления фразеологии. Представление об ужасах войны передается автором за счет включения в художественный текст слов, создающих семантические поля «Смерть», «Убийство», «Уродство», а также за счет актуализации звуковой и цветовой семантики. Так, для визуализации образа смерти применяются белый, черный, красный, желтый и синий цвета с превалированием оттенков красного (*багровый, красный, горящий* и др.), который также сопряжен с образами уродства, травмы, мучений калеки (*разбить в кровь, изодранный, клочья человеческого мяса, израненный, обрубок, ломать пальцы, безногий, безрукий, убитый* и мн. др.). Звуковые ассоциации создаются путем введения в речевую

В. В. Никульцева, В. Н. Дядичев. «А с запада падает красный снег Сочными ключьями человеческого мяса...»...
V. V. Nikultseva, V. N. Dyadichev. "A s Zapada Padaet Krasny Sneg Sochnymi Kloch'yami Chelovech'ego Myasa..."

ткань текста лексем, семантика которых представляет весь спектр аудиальных сигналов: от беззвучного шепота умирающего до яростного крика жертвы (*мямлить, молить, вплакаться, расплакаться, выбрять, цокать, звонок, кричать, визжать, зверий крик, грохочущий голос, бас, гроыхающий, надрываться* и др.). На фоне этих семантических полей активизируются временные и пространственные образы (вечерний, вечер, новолуние; Россия — Запад), носящие символический характер.

ключевые слова: В. В. Маяковский, лингвостилистический анализ, индивидуально-авторский стиль, изобразительно-выразительные средства языка, Первая мировая война, антивоенные мотивы, пацифизм

для цитирования: Никульцева В. В., Дядичев В. Н. «А с запада падает красный снег Сочными ключьями человеческого мяса...». Образ войны в раннем творчестве В. В. Маяковского // Русская речь. 2019. № 6. С. 92–102. DOI: 10.31857/S013161170007628-9.

благодарности: Исследование проводилось при финансовой поддержке РФФИ. Проект № 17-04-00132-ОГН «Новые материалы к биографии В. В. Маяковского: историко-литературный и общественно-политический контексты».

The Language of Fiction

“A s Zapada Padaet Krasny Sneg Sochnymi Kloch'yami Chelovech'ego Myasa...”. The Image of War in the Early Works of Vladimir Mayakovsky

Viktoria V. Nikultseva, Moscow University of Finance and Law MFUA (Russia, Moscow),
severjanin@list.ru

Vladimir N. Dyadichev, A. M. Gorky Institute of World Literature (Russian Academy of Sciences)
(Russia, Moscow), dyadichev@list.ru

ABSTRACT: The article contains a linguistic and stylistic analysis of two poems by V. V. Mayakovsky, representing the author's poetic reaction to the beginning of the First World War — "The War is Declared" and "Mother and the Evening Killed by the Germans" (1914). These works have several features in common, including the ring structure, word and sound repetitions, wordplay, neologisms, epithets, similar techniques of personification, metaphorization, contrast, deconstruction of idioms and nonce words coined by Mayakovsky. The idea of the horrors of war is conveyed by the author through the words that create semantic fields "Death", "Murder" and "Ugliness" in the literary text, as well as through the actualization of sound and color semantics. To visualize the image of death white, black, red, yellow and blue colors are used with the predominance of red shades (crimson, red, burning, etc.). Red is also associated with images of deformity, injury and suffering cripples (draw blood, tattered, scraps of human meat, mangled, stump, break fingers, legless, armless, killed, etc.). Sound associations are created by incorporating lexemes semantics of which represents a whole range of auditory signals from silent whisper of a dying man to a raging scream of a victim (to mumble, to beg, to cry, to burst into tears, to clink, to clatter, a ring, to shout, to scream, savage scream, rumbling voice, bass, rumbling, straining, etc.) in the verbal fabric of the text. In the background of these semantic fields temporal and spatial images (evening, new moon, Russia — West) are activated, bearing a symbolic character.

KEYWORDS: V. V. Mayakovsky, the Philological analysis, an individual-authorial style, expressive devices of the language, the First World War, anti-war motives, pacifism.

FOR CITATION: Nikultseva V. V., Dyadichev V. N. "A s Zapada Padaet Krasny Sneg Sochnymi Kloch'yami Chelovech'ego Myasa...". The Image of War in the Early Works of Vladimir Mayakovsky. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2019. No. 6. Pp. 92–102. DOI: 10.31857/S013161170007628-9.

ACKNOWLEDGEMENTS: This research is supported by a grant from Russian Foundation for Basic Research, project No. 17-04-00132-OGN "New Materials for V. V. Mayakovsky Biography: Historico-Literary and Socio-Political Contexts".

Рост напряженности и агрессии, эскалация насилия, конфликты в ближнем и дальнем зарубежье — все это заставляет современного человека задуматься о тех изменениях, что произошли в культурно-массовом

сознании за последние десятилетия. Литература ХХI века, в том числе и российская, среди жанров которой доминирует нон-фикшн, несет такой огромный заряд антиэстетики и антихудожественности, что внутреннему взору читателя начинают грезиться полные смысла и духовной чистоты страницы литературных шедевров. Особенно актуальным в связи с этим видится погружение в контекст литературы 1910-х годов, так называемой «антивоенной поэзии», явившейся откликом на события Первой мировой войны, называвшейся также Великой и Второй Отечественной (Первая Отечественная — 1812 г.). Россия вступила в эту войну 19 июля (1 августа) 1914 года.

В. В. Маяковский в автобиографическом очерке «Я сам» (1922) писал об этом: «ВОЙНА. Принял взволнованно. Сначала только с декоративной, с шумовой стороны. Плакаты заказные и, конечно, вполне военные. Затем стих. "Война объявлена"» [Маяковский 1955: 22].

Стихотворение «Война объявлена» написано Маяковским 20 июля 1914 г. Это одно из первых его стихотворений, в которых отчетливо слышны пацифистские мотивы и призыв автора к осуждению агрессивной политики мировых держав, порождающей массовое безумие, апокалиптический ужас и насилие над человеком, над его телом и душой.

«Вечернюю! Вечернюю! Вечернюю!
Италия! Германия! Австрия!»
И на площадь, мрачно очерченную чернью,
багровой крови пролилась струя!

Морду в кровь разбила кофейня,
зверьим криком багрима:
«Отравим кровью игры Рейна!
Громáми ядер на мрамор Рима!»

С неба, изодранного о штыков жала,
слезы звезд просеивались, как мука в сите,
и подошвами сжатая жалость визжала:
«Ах, пустите, пустите, пустите!»

Бронзовые генералы на граненом цоколе
молили: «Раскуйте, и мы поедем!»
Прощающейся конницы поцелуй цокали,
и пехоте хотелось к убийце — победе.

Громоздящемуся городу урбидился во сне
хохочущий голос пушечного баса,
а с запада падает красный снег
сочными клочьями человеческого мяса.

Вздувается у площади за ротой рота,
у злящейся на лбу вздуваются вены.
«Постойте, шашки о шелк кокоток
вытрем, вытрем в бульварах Вены!»

Газетчики надрывались: «Купите вечернюю!
Италия! Германия! Австрия!»
А из ночи, мрачно очерченной чернью,
багровой крови лилась и лилась струя.
20 июля 1914 г. [Маяковский 1955: 64–65].

Кольцевая композиция текста вкупе с лексическими повторами (*вечернюю* — 4 р., *Италия* — 2 р., *Германия* — 2 р., *Австрия* — 2 р., *кровь* — 4 р., *лилась/пролилась* — 3 р., *багровой* — 2 р., *струя* — 2 р., *вытрем* — 2 р.), игрой слов (*Вздувается* у площади за ротой рота, / У злящейся на лбу *вздуваются* вены), аллитерацией на [р] (1-я — 2-я строки), [р] и [ч'] (*мрачно очерченную чернью*), [ц] (*поцелуй цокали*), [ш] (*шашки о шелк*) и пронизывающим весь текст ассонансом на [о] — [а] — [э]; употребление вулгаризмов и аграмматизмов (*морда, кокотка, в бульварах Вены*) наряду с книжной лексикой (*багрима*), окказионализмами (*зверий* 'звериный, нечеловечий' [Валавин 2010; Колесников 1991], *урóдиться* 'уродливо представляться; быть кошмаром' [Валавин 2010; Колесников 1991]), тропами (персонификацией: *морду в кровь разбила кофейня*; у злящейся на лбу *вздуваются вены*; *хохочущий голос пушечного баса*; *жалость жужжала*; *слезы звезд*; *бронзовые генералы молили*; сравнением: *как мука в сите*; метаморфозой: *падает красный снег сочными клочьями человеческого мяса*; метафорами: *отравим кровью игры Рейна*; *громами ядер*; *вздувается рота*; *шелк кокоток*; из ночи *лилась струя*; *жала штыков*) и фигурами (инверсией: *багровой крови пролилась струя*; *морду в кровь разбила кофейня*; эллипсисом: «Купите *вечернюю [газету]!*», «*Вечернюю!*»; риторическими восклицаниями во всех строфах, кроме 5-й) — характерные стиливые черты дореволюционной поэзии В. В. Маяковского.

Звуковая стихия, предзнаменующая неотвратимость грядущих событий, захлестывает читателя: текст наполнен истерическими криками газетчиков («*Вечернюю! Вечернюю! Вечернюю!* / *Италия! Германия! Австрия!*» <...> Газетчики надрывались: / «Купите *вечернюю!* / *Италия! Германия! Австрия!*») и безумной толпы, завсегдатаев кофейен (зверьим криком), визгом солдатских жен (...*подошвами сжатая жалость визжала*: / «Ах, *пустите, пустите, пустите!*»), мольбой о помощи (*Бронзовые генералы на граненом цоколе* / *молили*: «*Раскуйте, и мы поедем!*»), цоканьем копыт (*прощающей-*

ся конницы поцелуи цокали), грохотом пушек (хохочущий голос пушечного баса). Все эти звуки создают атмосферу безумия, окутавшего мир облаком отравы (...и пехоте хотелось к убийце — победе).

Превалируют черные и красные тона (очерченную чернью, багровой крови, морду в кровь разбила, багрима), оттеняясь белым, желтым и синим, зеленым и коричневым: мрамор Рима, слезы звезд, мука; игры Рейна, небо; бронзовые генералы, граненый цоколь; шелк кокоток.

Кровь, пролитая повсюду, затопившая потоками Европу, как символ неотвратимого несчастья присутствует в творчестве поэта, который предчувствовал всю бессмысленность и жестокость кровавой бойни. На фоне звуковых и цветовых семантических полей, имеющих некрологический смысл, активизируются временные (вечерняя газета, вечер, глаз новолуния) и пространственные (Россия — Запад, конфликт между ними) образы. Они приобретают символический характер: бессмысленная смерть, необоснованная жестокость, неуправляемые эмоции, звериные инстинкты, половые извращения, являющиеся атрибутами братоубийственной войны, — все это отторгается психикой нормального человека. Апокалиптические образы зримо присутствуют в разреженном и удушающем воздухе, которым дышит человек; это предчувствие неотвратимого конца; это гениальное предвидение того, что может свершиться, если не остановить собой, своим телом и своей разорванной в клочья душой этот кромешный ад. Сила поэтического гения и заключается в том, чтобы не только громогласно заявить о грозящем миру безумии, но и суметь поднять протест в душах людей, что положены на алтарь мировой войны в угоду всем царствующим династиям.

Впервые стихотворение прозвучало в исполнении автора на Скобелевской площади (ныне — Тверская площадь в Москве). Уже 21 июля 1914 года Маяковский читал его перед манифестантами, собравшимися по случаю начала войны у памятника генералу М. Д. Скобелеву.

Маяковский же в автобиографии «Я сам» далее отмечает: «АВГУСТ. Первое сражение. Вплотную встал военный ужас. Война отвратительна. Тыл еще отвратительней. <...> Отвращение и ненависть к войне. "Ах, закройте, закройте глаза газет" и другие...» [Маяковский 1955: 22–23].

«Ах, закройте, закройте глаза газет...» — это строки стихотворения Маяковского «Мама и убитый немцами вечер»:

По черным улицам белые матери
судорожно простерлись, как по гробу газет.
Вплакались в орущих о побитом неприятеле:
«Ах, закройте, закройте глаза газет!»

Письмо.

Мама, громче!
Дым.
Дым.
Дым еще!
Что вы мямлите, мама, мне?
Видите —
весь воздух вымощен
громыхающим под ядрами камнем!
Ма — а — а — ма!
Сейчас притащили израненный вечер.
Крепился долго,
кургузый,
шершавый,
и вдруг, —
надломивши тучные плечи,
расплакался, бедный, на шее Варшавы.
Звезды в платочках из синего ситца
визжали:
«Убит,
дорогой,
дорогой мой!»
И глаз новолуния страшно косится
на мертвый кулак с зажатой обоймой.
Сбежались смотреть литовские села,
как, поцелуем в обрубок вкована,
слезя золотые глаза костелов,
пальцы улиц ломала Ковна.
А вечер кричит,
безногий,
безрукий:
«Неправда,
я еще могу-с —
хе! —
выбрыцав шпоры в горящей мазурке,
выкрутить русский ус!»

Звонок.

Что вы,
мама?
Белая, белая, как на гробе глазет.

«Оставьте!
О нем это,
об убитом, телеграмма.
Ах, закройте,
закройте глаза газет!»
<1914> [Маяковский 1955: 66–67].

На персонификации понятия «убить вечер» ('скоротать вечерние часы') строится образная система стихотворения: *Сейчас притащили израненный вечер. / Крепился долго, / кургузый, / шершавый, / и вдруг, — / надломивши тучные плечи, / расплакался, бедный, на шею Варшавы. <...> И глаз новолуния страшно косится / на мертвый кулак с зажатой обоймой.*

Семантические поля «Увечье», «Страх», «Смерть» составляют такие лексемы, как «гроб», «глазет», «белый», «мертвый», «новолуние», «глаз», «безногий», «безрукий», «израненный», «убитый», «расплакаться», «вплакаться», «мать», «мама».

Цветовая палитра стихотворения, помимо антитезы «черный — белый», реализующейся через предметный ряд «дым, камень / мать, глазет, гроб», содержит хроматические тона: желтый (*глаз новолуния, русский ус, золотые глаза костелов*) и синий (*звезды в платочках из синего ситца*).

В то же время сочетание черного / серого / белого — это цветовой образ газеты, которая содержит информацию о войне, смерти, ужасе.

Неявно присутствуют и оттенки красного: «израненный», «убитый», «воздух вымощен громыхающим под ядрами камнем», «горящая мазурка», — создающие представление о крови, насильственной смерти.

Помимо цветовых ассоциаций, большое внимание уделяет В. В. Маяковский и звуковому оформлению образа «убитого вечера»: *вплакалась, орущий, громче, мямлите, громыхающим, расплакался, визжали, кричит, выбрыцать, мазурка, звонок.*

Созданию звуковых и цветовых ассоциаций, детерминированных ощущением приближающейся смерти, способствуют такие приемы, как введение прямой и несобственно-прямой речи, остранение, употребление окказионализмов (*вплаканный* 'плакавший во что-л.' [Валавин 2010; Колесников 1991], *выбрыцав* 'отзвенев' [Валавин 2010; Колесников 1991]) и авторское обновление фразеологии (*вплакаться в орущих* — ср. *плакаться в жилетку*; *ломать пальцы <улиц>* — ср. *ломать руки*; *закрывать глаза <газет>* — *закрывать / закрывать глаза на что-л.*).

Так, фразеологизм *плакаться в жилетку* имеет ироническое разговорное звучание и обладает значением 'жаловаться на свою судьбу. Обращаться за сочувствием к кому-либо' [Федоров 2008]. В тексте же его

форма и значение подвергается трансформации: глагольный элемент заменяется окказионализмом *вплакаться* со значением 'уткнуться в грудь, плача', а субстантивный элемент — оборотом *в орущих о побитом неприятеле*, что приводит к дефразеологизации (разрушении устойчивого оборота).

Разговорному фразеологизму *ломать руки (пальцы)* присуще экспрессивное значение 'не скрывать чувство горя, отчаяния' [Федоров 2008]; в тексте Маяковского оно трансформировано: *ломать пальцы улиц* — речь идет о массовых убийствах на улицах Ковны (прежнее название литовского города Каунаса).

Сочетание *закрывать / закрывать глаза* кому-л. — оборот, называющий обряд, характерный для православной и (ранее) языческой традиции. Умершему закрывают глаза, чтобы он не взял с собой в мир иной живого человека, а также по этическим и эстетическим соображениям. Маяковское выражение *закрывать глаза газет* ('закрывать газету, несущую вести о смерти ближних') семантически связано с этим оборотом речи, но формально соотносится с фразеологизмом *закрывать / закрывать глаза* на что-л. 'намеренно не обращать внимания на что-л., не замечать чего-л.' [Быстрова, Окунева, Шанский 1997], что свидетельствует о трансформации формы и значения исходного оборота.

Отличительными чертами этого художественного текста являются, помимо отмеченных, такие, как наличие кольцевой композиции и пристальное внимание автора к звуковой стороне стиха (изломанный ритм, аллитерационная звукопись, интонационный нисходяще-восходящий рисунок). Вкупе с отмеченными фонетическими средствами звуко-цветовое пространство текста, формируемое семантическими полями «Смерть» и «Страдание», создает эффект фоно- и видеоинсталляции, характерный для драматургии и сценографии.

Индивидуально-авторский лексикон, построенный на фундаменте газетной и разговорно-бытовой лексики начала XX века, которой так богата поэзия раннего Маяковского, также представляет огромный интерес для современного филолога. Оригинально либо подражательно маяковское словотворчество, насколько существенно его влияние на развитие словообразовательной системы русского литературного языка первой половины XX века? К этой проблеме, прежде всего на материале произведений послереволюционного этапа, обращались многие советские и зарубежные русисты, однако в их трудах, носящих либо сравнительно-сопоставительный, либо частнопроблемный характер, неолоксикон Маяковского так и не был изучен во всей полноте. В «Словаре неологизмов В. В. Маяковского» Н. П. Колесникова (1991) и в лек-

сикографическом труде В. Н. Валавина «Словотворчество Маяковского. Опыт словаря окказионализмов» (2010) весь накопленный предыдущими исследователями словарный материал остался практически без внимания, ибо в отборе и трактовке неологизмов его авторов словарей превалирует над объективными культурологическими и лингвистическими данными.

Итак, в обоих проанализированных стихотворениях представление об ужасах войны передается В. В. Маяковским за счет применения таких художественных приемов, как концентрация слов, входящих в семантические поля «Смерть», «Страдание», «Убийство», «Уродство/увечье»; актуализация звуковой и цветовой семантики (визуализация образа смерти осуществляется применением белого, черного, красного, желтого, синего, зеленого цветов с превалированием оттенков красного, который также сопряжен с образами уродства, травмы, мучений калеки; звуковые ассоциации создаются путем введения в речевую ткань текста лексем, семантика которых передает весь спектр аудиальных сигналов — от беззвучного шепота умирающего до яростного крика жертвы); активизация временных и пространственных образов на фоне колоративов (вечер, ночь; Россия — Запад; белый — красный — черный), носящих символический характер (позже, в 1918 году, Освальд Шпенглер назовет эти кровавые сумерки предвестниками «заката Европы», которая в падении способна увлечь за собой и славянский мир); актуальная дефразеологизация; употребление окказионализмов, входящих в концептосферу; кольцевая композиция, задающая болезненный, будто засасывающий в бездну, мотив с навязчивым контрапунктом; скрежещущая и гремящая звуковая инструментовка стиха и изломанные ритмы текста.

Предчувствуя грядущее, еще очень молодой, двадцатидвухлетний, но не по годам мудрый В. В. Маяковский выступает в роли пацифиста, предупреждающего всех и вся о губительном влиянии мировой цивилизации, с ее бесконечными страстями и слепой логикой, на ранимую психику человека — интеллигента и мещанина, купца и священника, дворянина и крестьянина, — которого Ее Величество Война превращает в военнo-обязанного — офицера или солдата, санитарного врача или духовника, сестру милосердия или маркитантку, — иными словами, в жертву, обреченную на смерть. Человеку XXI века, стоящему на краю гибели, перед лицом угрозы новой мировой войны, не мешало бы задуматься о том же, погрузившись в энергетически мощную стихию «антивоенной поэзии» Маяковского, чтобы противостоять грядущему хаосу и безумию сильных мира сего.

Литература

- Быстрова Е. А., Окунева А. П., Шанский Н. М. Учебный фразеологический словарь. М.: АСТ, 1997. 271 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.twirpx.com/file/1866053/> (дата обращения: 20.05.2019).
- Валавин В. Н. Словотворчество Маяковского. Опыт словаря окказионализмов. М.: Азбуконик, 2010. 624 с.
- Колесников Н. П. Словарь неологизмов В. В. Маяковского / Под ред. акад. РАО Н. М. Шанского. Тбилиси: Изд-во Тбил. ун-та, 1991. 346 с.
- Маяковский В. В. Полное собрание сочинений. В 13 т. Т. 1 (1912–1917). М.: Гос. изд. художественной литературы, 1955. 464 с.
- Федоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка. М.: Астрель, АСТ, 2008. 828 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.twirpx.com/file/1618522/> (дата обращения: 20.05.2019).

References

- Bystrova E. A., Okuneva A. P., Shanskii N. M. *Uchebnyi frazeologicheskii slovar'* [Educational phraseological dictionary]. Moscow, AST Publ., 1997. 271 p. Available at: <https://www.twirpx.com/file/1866053/> (accessed 20.05.2019).
- Fedorov A. I. *Frazeologicheskii slovar' russkogo literaturnogo yazyka* [Phraseological dictionary of Russian literary language]. Moscow, Astrel' Publ., AST Publ., 2008. 828 p. Available at: <https://www.twirpx.com/file/1618522/> (accessed 20.05.2019).
- Kolesnikov N. P. *Slovar' neologizmov V. V. Mayakovskogo* [Dictionary of neologisms by V. V. Mayakovsky]. Ed. N. M. Shanskii. Tbilisi, Tbilisi Univ. Publ., 1991. 346 p.
- Mayakovskij V. V. *Polnoe sobranie sochinenii v 13 tomakh* [Complete works in 13 vols.]. Vol. 1 (1912–1917). Moscow, Stat. Publ. Hudozhestvennaya literatura, 1955. 464 p.
- Valavin V. N. *Slovoтворчество Mayakovskogo. Opyt slovary okkazionalizmov* [Mayakovsky's word creation. Experience dictionary of occasionalism]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2010. 624 p.

Об одном типе расчлененных конструкций: инпарцелляция в прозе А. С. Пушкина

Валентина Тарасовна Садченко, Тихоокеанский государственный университет
(Россия, Хабаровск), ValentinaSadchenko@yandex.ru

DOI: 10.31857/S013161170007629-0

АННОТАЦИЯ: В статье рассматривается один тип расчлененных синтаксических конструкций — инпарцеллированные конструкции, по поводу которых у ученых нет единого мнения. Одни относят данные конструкции к особой разновидности парцелляции, другие не выделяют вообще, игнорируя и графические отличия данных конструкций от парцеллированных. На другие особенности данных конструкций никто из исследователей внимания не обращал. Инпарцеллированные конструкции являются характерной особенностью не только поэзии, но и прозы А. С. Пушкина и его современников. В статье анализируются некоторые принципы синтаксической организации прозаических произведений А. С. Пушкина, выявляются типы инпарцеллированных конструкций, их структурно обусловленные функции; показывается, что указанные типы конструкций обладают своими особенностями, отличающими их от парцелляции. Особое внимание уделяется наиболее типичным для прозы А. С. Пушкина инпарцеллированным конструкциям с восклицательным и вопросительным знаками, когда инпарцеллят представляет собой одно из однородных сказуемых, одиночное или с группой распространителей; присоединительный компонент, содержащий компенсирующую информацию; инпарцеллированная конструкция может представлять собой трансформированную

вопросно-ответную конструкцию. Обращается внимание, что автор использует прием «синтагматического нанизывания» инпарцеллятов; посредством инпарцелляции актуализирует каждое действие персонажа, при этом разделяющий инпарцелляты восклицательный знак выполняет функцию экспрессоида.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: расчлененные синтаксические конструкции, парцелляция, инпарцелляция, графика, пунктуация

для цитирования: Садченко В. Т. Об одном типе расчлененных конструкций: инпарцелляция в прозе А. С. Пушкина // Русская речь. 2019. № 6. С. 103–112. DOI: 10.31857/S013161170007629-0.

The Language of Fiction

About One Type of Distributed Structures: Inparcelation in the Prose of A. S. Pushkin

Valentina T. Sadchenko, Pacific National University (Russia, Khabarovsk),
ValentinaSadchenko@yandex.ru

ABSTRACT: The article discusses one type of dissected syntactic constructs — embedded multiplex constructs, about which scientists do not have a unanimous opinion. Some scientists attribute these structures to a special kind of parcellation, others do not single out this type of constructs at all, ignoring the graphical differences between these structures and the parceled ones. None of the researchers pays any attention to other features of inparcelled constructs. These structures are typical not only for A. S. Pushkin's poetry, but also for his prose. The article analyzes some principles of syntactic organization of A. S. Pushkin's prose works, identifies the types of paired constructions and their structurally determined functions. The research proves that these types of structures are different from parcellation.

The article focuses on inparcelled constructions with exclamation and question marks, most typical for A. S. Pushkin's prose, where inparcelate is one of the homogeneous predicates, either single or with a group of distributors. An attachment component in these structures contains compensating information. The paired construct may be in a form of a transformed question-response structure. It is important to emphasize that the author uses the "syntagmatic stringing" of inparcelate. Through inparcelation Pushkin actualizes each action of the character, while the exclamation mark that separates inparcelate performs the function of an expressoid.

KEYWORDS: distributed syntactic constructions, parcelation, inparcelation, graphics

FOR CITATION: Sadchenko V. T. About One Type of Distributed Structures: Inparcelation in the Prose of A. S. Pushkin. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2019. No. 6. Pp. 103–112. DOI: 10.31857/S013161170007629-0.

Г. Н. Акимова отмечала (со ссылкой на работы В. В. Виноградова), что уже в прозе А. С. Пушкина «усматриваются... проявления грамматического аналитизма», столь характерные для русского языка современности [Акимова 1990: 12]. Свидетельством данных тенденций на синтаксическом уровне является расчлененность высказывания, проявляющаяся, в частности, в использовании различного типа парцелированных конструкций.

К особой разновидности парцелляции относится инпарцелляция. Явление инпарцелляции в научной литературе освещено явно недостаточно: Г. Н. Акимова, А. П. Сковородников, Е. А. Иванчикова и другие исследователи, рассматривая подробно парцелляцию, не упоминают об инпарцелляции.

Впервые на инпарцелляцию как особый художественный прием паузирования текста, «свидетельствующий о стремлении авторов найти дополнительные средства выражения необходимых оттенков содержания с помощью традиционных графических средств с некоторыми отклонениями в их использовании» [Рубенкова 1999: 17], обращает внимание Т. С. Рубенкова, рассматривающая парцелированные и инпарцелированные конструкции на материале поэтических текстов XIX и XX веков. Под инпарцелляцией Т. С. Рубенкова понимает такое интонационно-графическое расчленение предложения, когда отсеченный сегмент (инпарцеллят) после знака конца фразы начинается со строчной буквы.

В «Стилистическом энциклопедическом словаре русского языка» (автор статьи Г. А. Копнина) конструкции, называемые Т. С. Рубенковой инпарцеллированными, относятся к парцелляции, когда наблюдается «написание парцеллята... (значительно реже) со строчной буквы» [Кожина (ред.) 2003: 105]. Таким образом, Г. А. Копнина не видит различий, кроме графических, между парцелляцией и инпарцелляцией, относя и то и другое к одному явлению.

Т. С. Рубенкова отмечает, что инпарцелляция — активно развивающаяся тенденция в языке поэзии указанного периода (особенно в поэзии Серебряного века) [Рубенкова 1999: 17]. Однако проведенные нами исследования позволяют говорить о том, что явление инпарцелляции получило свое развитие не только в поэзии, но и в прозе, в том числе, в частности, в произведениях А. С. Пушкина.

Т. С. Рубенкова выделяет несколько групп инпарцеллированных конструкций в зависимости от их графического оформления, а именно от знака препинания (многоточие, вопросительный, восклицательный знаки или их комбинации), разделяющего антесеквент (основную часть) и инпарцеллят.

Не вполне ясно, стоит ли относить конструкции с многоточием к инпарцелляции, так как многоточие может обозначать формальный пропуск, недосказанность, прерывистость речи и т. д., когда использование строчной буквы не нарушает общих правил графики, например:

Он вошел... и осто́лбенел! (А. С. Пушкин. Барышня-крестьянка)

Многоточие, разделяя в данном случае однородные сказуемые, действительно создает психологическую паузу, замедляет действие, создавая переход от динамики к статичности. При этом наличие восклицательного знака в конце предложения придает статичному действию экспрессивность, подчеркивая внутреннее состояние героя.

Интерес представляют именно те расчлененные конструкции, в которых строчная буква свидетельствует о нарушении норм. В частности, интересно соотношение антесеквента (основной части) и инпарцеллята при делимитации (членении) простого предложения с помощью восклицательного и вопросительного знаков:

Ты женишься, или я тебя прокляну, а имение, как бог свят! продам и промотаю (А. С. Пушкин. Барышня-крестьянка);

Как быть! смотритель уступил ему свою кровать (А. С. Пушкин. Станционный смотритель);

Что-то с нею случилось, но что именно? не могла вспомнить [Наталья] (А. С. Пушкин. Арап Петра Великого);

Староста обратился к толпе, спрашивая, кто говорил? но все молчали (А. С. Пушкин. Дубровский).

Н. В. Перцов отмечает в качестве одной из особенностей старинной русской пунктуации активное употребление внутри единой фразы восклицательного и вопросительного знаков, после которых следует строчная буква, приводя пример из текста А. С. Пушкина «Путешествие в Арзрум» и объясняя данный факт, с одной стороны, разнообразием и неупорядоченностью в употреблении знаков препинания, наблюдавшихся в данный исторический период, с другой — их особой ролью, так как правописание «гораздо теснее связано с планом содержания текста, чем полагают многие» [Перцов 2008: 52–53].

Высказанная Н. В. Перцовым мысль может быть подтверждена многочисленными примерами подобного использования знаков препинания в текстах других авторов-современников А. С. Пушкина:

Что принадлежит до моего сердца... благодаря судьбе! оно стало повеселее (Н. М. Карамзин. Письма русского путешественника);

Что ты грустна? и о чем эти слезы во взоре? (А. К. Толстой. *** <1858>);

Так!.. но, прощаясь с римской славой... (Ф. И. Тютчев. Цицерон);

Душа моя! о, не вини меня!.. (Ф. И. Тютчев. *** <1829–1830>);

Устал я, — лег, — почти что болен,

Своей работой недоволен;

Не бросить ли? не сжечь ли? (Я. П. Полонский. И. С. Тургеневу);

Паша! к нам — сюда! (А. Н. Апухтин. О цыганах);

Как тихо! подождем! мне слышится вдали... (А. Д. Илличевский. Аккерманские степи);

Ты губишь и живешь — о Сердце! — ты мудрец! (М. И. Максимов. Сердце);

Молиться!.. у меня в сердце были одни проклятья! часто вечером... (М. Ю. Лермонтов. Вадим);

Нет! нет! сему не случиться никогда! я не верю этой любви (М. Ю. Лермонтов. Menschen und Leidenschaften).

«Вольности» в использовании строчной буквы после знаков конца фразы весьма частотны в прозе А. С. Пушкина, что подтверждают некоторые статистические данные: так, в романе «Арап Петра Великого» более 30 конструкций, в которых после знака конца фразы (многоточия, восклицательного и вопросительного знаков) используется строчная буква; в «Повестях покойного Ивана Петровича Белкина» — около 40; в «Капитанской дочке» — около 60.

Типичным для прозы А. С. Пушкина является использование строчной буквы после обращения или вокативного предложения, произносимых с особой интонацией, графически обозначенной восклицательным знаком:

Добрая, милая Марья Гавриловна! не старайтесь лишить меня последнего утешения... (А. С. Пушкин. Метель);

Эй, Ванька! полно тебе с кошкою возиться. <...> ...А мы-то за ним: «Дедушка, дедушка! орешков»... (А. С. Пушкин. Станционный смотритель);

...но если не случится лошадей?.. боже! какие ругательства, какие угрозы посыплются на его голову! (А. С. Пушкин. Станционный смотритель);

Я тебя, старого пса! пошлю свиней пасти (А. С. Пушкин. Капитанская дочка).

Единство высказывания подчеркивается строчной буквой после восклицательного знака; в результате инпарцеллят носит характер присоединительной уточняющей конструкции.

Восклицательный знак после обращения значительно повышает экспрессивность конструкции, его постановка требует особой паузы; такое обращение не требует дальнейшего продолжения высказывания, которое вообще может быть безглагольным:

Дедушка, дедушка! орешков! (А. С. Пушкин. Станционный смотритель).

Синтаксическая расчлененность при помощи восклицательного знака может быть связана с актуализацией каждого действия персонажа, когда восклицательный знак выполняет функцию экспрессоида:

...куда! влетел! расшаркался, разболтался!.. (А. С. Пушкин. Арап Петра Великого).

Использование строчной буквы после восклицательного знака может подчеркивать слитность конструкции и тем самым динамичность описываемого эпизода:

Через пять минут — колокольчик!.. и фельдъегерь бросает ему на стол свою подорожную!.. (А. С. Пушкин. Станционный смотритель).

В инпарцеллят может быть вынесено одно из однородных сказуемых с группой распространителей:

С ужасом думала я: к чему все это ведет! и с отчаянием признавала власть его над моей душой (А. С. Пушкин. Роман в письмах).

Основная часть данной конструкции представляет собой предложение с прямой речью, где чужая речь (*к чему все это ведет!*) — фрагмент

внутреннего монолога, воспроизводящего мысли персонажа, его эмоциональная внутренняя речь — находится в интерпозиции, расчленяет авторскую речь на границе синтагм — между однородными сказуемыми (*С ужасом думала я... и с отчаянием признавала власть его над моей душой*). Часть знаков (кавычки, тире, заглавная буква), которые должны маркировать речь персонажа, снята. Таким образом, наблюдается включение прямой речи в авторскую, что способствует более отчетливой смысловой и интонационной связи конструкции в целом. Восклицательный знак выполняет не только функцию просодического сигнала и интонационного маркера, он отграничивает один тип речи от другого.

В конструкциях с вопросительным знаком часть, которая может быть отнесена к инпарцелляту, также носит дополнительный, поясняющий характер:

Добро бы Алексей Иваныч: он за душегубство и из гвардии выписан, он и в Господа Бога не верует; а ты-то что? туда же лезешь? (А. С. Пушкин. Капитанская дочка).

Вопросительное предложение интонационно «разорвано», что подчеркивается вопросительным знаком; инпарцеллят, начинающийся со строчной буквы, требует понижения интонации (в отличие от парцеллированных конструкций, где парцеллят всегда произносится с повышенной интонацией, с особым логическим ударением) и способствует восприятию инпарцеллята как присоединительного компонента, содержащего компенсирующую информацию.

Инпарцеллированная конструкция с вопросительным знаком может представлять собой трансформированную вопросно-ответную конструкцию:

Одна беда: Маша; девка на выданье, а какое у ней приданое? частый гребень, да веник, да алтын денег (прости бог!) с чем в баню сходить (А. С. Пушкин. Капитанская дочка);

...но если б и имел в виду жениться, то согласятся ли молодая девушка и ее родственники? моя наружность... (А. С. Пушкин. Арап Петра Великого).

Второй пример можно было бы перефразировать так: «...то согласятся ли молодая девушка и ее родители из-за моей наружности?» Мы видим, что данный инпарцеллят мог бы быть включен в основную часть предложения, но в таком случае вся смысловая нагрузка приходилась бы на компонент, прямо указывающий на причину беспокойства героя: *его наружность*. Расчлененность высказывания, вынос словосочетания, называющего причину невозможности надежды героя на взаимную любовь

и семейное счастье в инпарцеллятах, замена косвенной предложно-падежной формы данного словосочетания формой именительного падежа, — все это позволяет снять излишнюю актуализацию и прямолинейность, переместить часть информации в подтекст.

Характерным приемом является использование автором конструкций с цепочками инпарцеллятов, представляющих собой либо ряды однородных членов, либо ряды вопросительных предложений:

Какие чувства наполнили душу Ибрагима? ревность? отчаяние? нет...
(А. С. Пушкин. Арап Петра Великого);

Какой род истории не истощен уже ими? <...> Обращусь ли к истории отечественной? что скажу я после Татищева, Болтина и Голикова? и мне ли рыться в летописях? (А. С. Пушкин. История села Горюхина);

Как я рад... что еще не умер со скуки в этом варварском Петербурге! что здесь делают, чем занимаются? кто твой портной? заведена ли опера? <...> Корсаков осыпал Ибрагима вопросами: кто в Петербурге первая красавица? кто славится первым танцовщиком? какой танец нынче в моде? (А. С. Пушкин. Арап Петра Великого).

Используемый А. С. Пушкиным прием «синтагматического нанизывания» инпарцеллятов подчеркивает нерасчлененность речи в потоке высказывания, ее нагнетание, особенно когда задаваемые вопросы не обращены к конкретному лицу, не требуют немедленной реакции, ответа слушателя. Строчная буква в таких конструкциях подчеркивает смысловую нерасчлененность высказывания в целом. Цепочки вопросительных инпарцеллятов могут быть связаны между собой при помощи повтора частицы *разве... разве...*, усиливающей экспрессию:

Мне нельзя надеяться быть любимым: детское возражение! разве можно верить любви? разве существует она в женском, легкомысленном сердце? (А. С. Пушкин. Арап Петра Великого);

— *Это зачем? разве я московский банкомет? разве я без шампанского обойтись не могу?* (А. С. Пушкин. На углу маленькой площади...);

...чем ремесло мое несчастнее прочих? разве гробовщик брат палачу? чему смеются басурмане? разве гробовщик гаер святочный? (А. С. Пушкин. Гробовщик).

Таким образом, эмоциональная, смысловая и синтаксическая содержательность проявляются в тексте при помощи конструкции с инпарцелляцией, помогающей автору экстраполировать смысловые отношения между частями текста.

Следует отметить отсутствие в указанных прозаических произведениях А. С. Пушкина парцеллированных конструкций, что, на наш взгляд,

объясняется тем, что инпарцелляция менее резко расчленяет текст, чем парцелляция. Подобные конструкции отличаются от парцелированных и просодически: они создают иной интонационно-синтаксический рисунок фрагмента текста, так как паузы между основной частью и инпарцеллятом меньшей длительности. Конструкции с инпарцелляцией можно рассматривать как стремление автора отразить специфику устной разговорной речи. Следует также отметить, что типология конструкций, характерных для устной разговорной речи, в том числе и сегментированных конструкций различного типа, включающих парцелляцию, разработана и описана О. Б. Сиротининой [Сиротинина 1974], О. А. Лаптевой [Лаптева 2003], Е. А. Земской [Земская 1981].

Выявляя особенности использования различных типов расчлененных синтаксических конструкций А. С. Пушкиным, мы приходим к выводам, носящим семиологический, конвенциональный характер: а именно о том, какие функции вообще свойственны графическим знакам в художественном тексте, как форма знаков обуславливает тип и семантику конструкции и, в конечном итоге, смысл текста в целом.

Источники

Пушкин А. С. Собрание сочинений. В 10-ти томах. Т. 5. Романы. Повести. М.: Художественная литература, 1975. 576 с.

Литература

- Акимов Г. Н.* Новое в синтаксисе современного русского языка. М.: Высшая школа, 1990. 166 с.
- Земская Е. А.* (ред.). Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М.: Наука, 1981. 239 с.
- Кожина М. Н.* (ред.). Стилистический энциклопедический словарь русского языка. М.: Флинта, Наука, 2003 [Электронный ресурс]. URL: stylistics.academic.ru/105/Парцелляция
- Лаптева О. А.* Русский разговорный синтаксис. М.: Едиториал УРСС, 2003. 310 с.
- Перцов Н. В.* О соотношении письменной и устной форм поэтического языка (К вопросу о функциональной нагруженности старого русского правописания) // Вопросы языкознания. 2008. № 2. С. 30–56.
- Рубенкова Т. С.* Парцеллаты и инпарцеллаты в поэтической речи XIX и XX веков : автореф. дисс. канд. филол. наук / Белгородский гос. ун-т. Белгород, 1999. 22 с.
- Сиротинина О. Б.* Современная разговорная речь и ее особенности. М.: Знание, 1974. 260 с.

References

- Akimova G. N. *Novoe v sintaksise sovremennogo russkogo yazyka* [New in the syntax of the modern Russian language]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1990. 166 p.
- Kozhina M. N. (ed.) *Stilisticheskii entsiklopedicheskii slovar' russkogo yazyka* [Stylistic encyclopedic dictionary of the Russian language]. Available at: stylistics.academic.ru/105/Парцелляция
- Lapteva O. A. *Russkii razgovornyi sintaksis* [Russian colloquial syntax]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2003. 310 p.
- Percov N. V. [On the ratio of written and oral forms of poetic language (On the issue of the functional load of the old Russian spelling)]. *Voprosy yazykoznaniya*, 2008, no. 2. pp. 30–56. (In Russ.)
- Rubenkova T. S. *Parcellyaty i inparcellyaty v poeticheskoi rechi XIX i XX vekov*. Diss. kand. filol. nauk [Parcel and inparcel in poetic speech of the XIX and XX centuries]. Belgorod, 1999.
- Sirotnina O. B. *Sovremennaya razgovornaya rech' i ee osobennosti* [Modern spoken language and its features]. Moscow, Znanie Publ., 1974. 260 p.
- Zemskaya E. A. (ed.). *Russkaya razgovornaya rech'. Obshchie voprosy. Slovoobrazovanie. Sintaksis* [Russian Everyday Speech. General issues. Word formation. Syntax]. Moscow, Nauka Publ., 1981. 239 p.

Зачем нужен поэтический корпус и как его использовать

Кирилл Михайлович Корчагин, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва), stivendedal@gmail.com

DOI: 10.31857/S013161170007630-2

АННОТАЦИЯ: Поэтический корпус в составе Национального корпуса русского языка — инструмент для исследователей русской поэзии и поэтического языка. Корпус содержит обширную коллекцию русской поэзии XVIII–XX веков, отражает все заметные поэтические направления и продолжает пополняться. В нем присутствуют два типа разметки — грамматическая и стиховедческая. Если первая совпадает с разметкой в основном корпусе НКРЯ, то вторая — специфична именно для поэтического корпуса. Эта разметка содержит ключевые параметры поэтического текста, среди которых метр, строфика, схема рифмовки и другие. Эти параметры позволяют производить поиск и структурировать массивы русских поэтических текстов с совпадающими формальными параметрами, автоматическим образом выполняя задачу, для решения которой раньше требовались специализированная справочная литература и/или трудоемкая обработка текстов. Использование стиховедческой разметки вместе с грамматической позволяет пользователю корпуса решать задачи, лежащие на границе лингвистики и литературоведения. Среди таковых есть и традиционные для русского стиховедения задачи — такие, как исследование истории поэтических форм, — и задачи, которые могут представлять интерес для историков языка, например исследование русского ударения. В статье показаны примеры решения обоих типов задач, а также кратко описан функционал поэтического корпуса.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: поэтический корпус, Национальный корпус русского языка, стиховедение, digital humanities, история русского ударения, лингвистическая поэтика

для цитирования: Корчагин К. М. Зачем нужен поэтический корпус и как его использовать // Русская речь. 2019. № 6. С. 113–127. DOI: 10.31857/S013161170007630-2.

благодарности: Статья написана при поддержке гранта Президента Российской Федерации МК-2219.2018.6 «Типология синтагматических членений в русском стихе XVIII–XX века».

Russian National Corpus

What Russian Poetic Corpus is Made for and How to Use It

Kirill M. Korchagin, Vinogradov Russian Language Institute (Russian Academy of Sciences)
(Russia, Moscow), stivendedal@gmail.com

ABSTRACT: A poetic sub-corpus of the Russian National Corpus is a useful tool for scholars of Russian poetry and language. The poetic corpus contains a spacious collection of the 18th–20th century’s Russian poetry, it represents all its major trends and movements, and its creators update and enrich it from time to time.

There are two layout types in the corpus: those of grammar and of versification. If the first is the same as in the “main” corpus, the second is specific only for the poetic one. The latter layout consists of key parameters of any text of poetry which includes poetic meter, stanza structure, rime pattern, and so on. These parameters allow to search for Russian poetic texts and automatically structure them. Previously to perform such tasks special reference literature or laborious text processing was required.

The user of the corpus can combine these two kinds of parameters to solve tasks lying on the border between linguistics and theory of literature. For instance, it can be an investigation into the history of Russian accentuation. The present paper briefly regards possible ways to resolve such tasks through the prism of the poetic corpus functionality.

KEYWORDS: poetic corpus, National Russian Corpus, theory of verse, digital humanities, history of Russian prosody, linguistic poetics

FOR CITATION: Korchagin K. M. What Russian Poetic Corpus is Made for and How to Use It. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2019. No. 6. Pp. 113–127. DOI: 10.31857/S013161170007630-2.

ACKNOWLEDGEMENTS: The paper was supported by grant of president of Russian Federation, project MK-2219.2018.6. “The typology of Syntagmatic Segmentation in Russian poems of the 18th — 20th century”.

Среди всех дисциплин, пользующихся лингвистическими корпусами, теория стиха занимает особое место. С одной стороны, с первых шагов «научного» стиховедения в XIX веке, когда исследователи впервые стали отступать от догматических и нормативных способов описания стиха, они начали работать с массивами данных, которые мы сейчас называли бы корпусами. Но с другой стороны, создание первых современных корпусов, то есть систем, состоящих не только из текстов, но и из инструментов их анализа, никак не было связано с исследованием литературных текстов, тем более поэтических. Это несовпадение двух, казалось бы, предельно близких, научных идеологий примечательно. Фактически только в последнее десятилетие получило распространение использование корпусов за пределами лингвистических задач, но даже сейчас, когда научная идеология *digital humanities* получила широкое распространение, поэтические корпуса часто не получают заслуженного внимания.

На сегодняшний день кроме русского поэтического корпуса существует несколько других корпусов такого рода, но количество их очень мало, а те, которые есть, как правило, представляют собой коллекции текстов без специфической стиховедческой разметки¹. Доступны корпуса русской

¹ Среди таких корпусов можно упомянуть корпус английской поэзии *Gutenberg English Poetry Corpus*, объем которого — 2 миллиона словоупотреблений (для сравнения: в поэтическом подкорпусе НКРЯ — около 12 миллионов). Корпус доступен по адресу: <https://github.com/aparrish/gutenberg-poetry-corpus>. Среди других — корпус среднеанглийской поэзии (*Parsed Corpus of Old English Poetry*; <https://pcorpus.net/>) объемом около 200 тысяч словоупотреблений, а также корпус староанглийской поэзии, разработанный специалистами из Йорка и Хельсинки (*The York-Helsinki Parsed Corpus of Old English Poetry*; <http://www-users.york.ac.uk/~lang18/pcorpus.html>) и содержащий 17 тысяч словоупотреблений. Также интерес представляет параллельный корпус русских и французских поэтических текстов первой трети XIX века, подготовленный Б. В. Ореховым (<http://nevmenandr.net/fr/>).

и чешской поэзии (<http://www.versologie.cz/en/kcv.html>), а также башкирский поэтический корпус (<http://web-corpora.net/bashcorpus/search/>), во многом экспериментальный. В какой-то мере поэтическим корпусом можно считать электронную библиотеку «Персей» (<http://www.perseus.tufts.edu/hopper/>), где собраны тексты европейской античности. Русский поэтический корпус на фоне этих проектов выделяется и количественно, и качественно: представленный в нем массив текстов отражает практически все течения в русской поэзии XVIII–XX веков и продолжает пополняться, а специализированная стиховедческая разметка отличается большой подробностью.

Поэтический корпус, насколько возможно, стремится к полноте. Однако это не значит, что в него попадают все стихотворения, написанные на русском языке. Напротив, авторы проходят достаточно строгий отбор. Критериями для попадания в корпус оказывается появление академических собраний (прежде всего, в серии «Библиотека поэта», но не только), присутствие в антологиях русской поэзии, наличие исследовательской литературы, а для поэтов последних пятидесяти лет — литературы критической [Корчагин 2015]. Все вместе это позволяет создать относительно «взвешенную» картину развития русской поэзии. Можно сказать, что авторы, представленные в поэтическом корпусе, делятся на три группы. В первую входят те, которые представлены полными или наиболее полными из доступных собраниями сочинений, чаще всего это наиболее известные русские поэты — от Ломоносова и Пушкина до Марины Цветаевой и Бориса Слуцкого. Во вторую группу входят поэты, которые играли достаточно заметную роль в литературном процессе эпохи, но никогда не занимали в нем центральных мест. Наконец, третья группа — поэты, которые присутствуют в корпусе в виде отдельных стихотворений. Чаще всего объем сочинений таких авторов ограничен объективными причинами — например, плохой сохранностью (как в случае стихов ленинградского поэта Алика Ривина) или мимолетным появлением поэта на литературной сцене.

Если грамматическая разметка в поэтическом корпусе совпадает с разметкой в основном, то стиховедческая устроена иначе. Именно она превращает поэтический корпус в особый, не имеющий аналогов инструмент. Чтобы получить доступ к этой разметке, пользователь должен зайти на страницу поэтического подкорпуса (<http://ruscorpora.ru/search-poetic.html>) и выбрать ссылку «Задать подкорпус». На той же странице расположена подробная инструкция к корпусу (<http://ruscorpora.ru/new/instruction-main.pdf>), к которой лучше всего обратиться для более подробного ознакомления с функционалом корпуса (рис. 1–2).

Рис. 1. Поэтический корпус: выбор подкорпуса и доступные параметры поиска (начало)

Fig. 1. Poetic corpus: choosing subcorpora and available search options (the beginning of the procedure)

Рис. 2. Поэтический корпус: выбор подкорпуса и доступные параметры поиска (продолжение)

Fig. 2. Poetic corpus: choosing subcorpora and available search options (proceeding with it)

Специфические характеристики поэтических текстов, с которыми может работать пользователь, делятся на две группы: те, что касаются обстоятельств создания текстов, и те, что описывают структуру стиха. К первому типу относятся название текста, цикл и/или книга стихов, в которые он входит, имя автора, а в случае если текст переводной — имя переводчика и язык оригинала. Здесь также можно выбрать тексты, написанные только женщинами или только мужчинами, задать дату рождения автора. Далее идут параметры, связанные с обстоятельствами создания текстов — год и место написания, а также объем текста в строках или словоформах. Затем указывается жанр текста: пользователь корпуса может выбрать из большого репертуара жанров — от басни и баллады до песни и кантаты. Разметка по жанрам применяется в основном к поэзии XVIII–XIX веков, но иногда она появляется и в более поздних поэтических текстах.

Эта предварительная, самая «грубая» разметка поэтического корпуса, однако даже ее использование может быть информативно. Например, можно получить сведения о распространении жанра баллады в русской поэзии: всего баллад в корпусе 308 по версии 2019 года. В корпусе этих баллад можно производить поиск грамматическими инструментами основного корпуса, а список баллад можно дополнительно упорядочить, например, по году создания (рис. 3). При этом стиховедческие характеристики каждой из баллад также будут доступны.

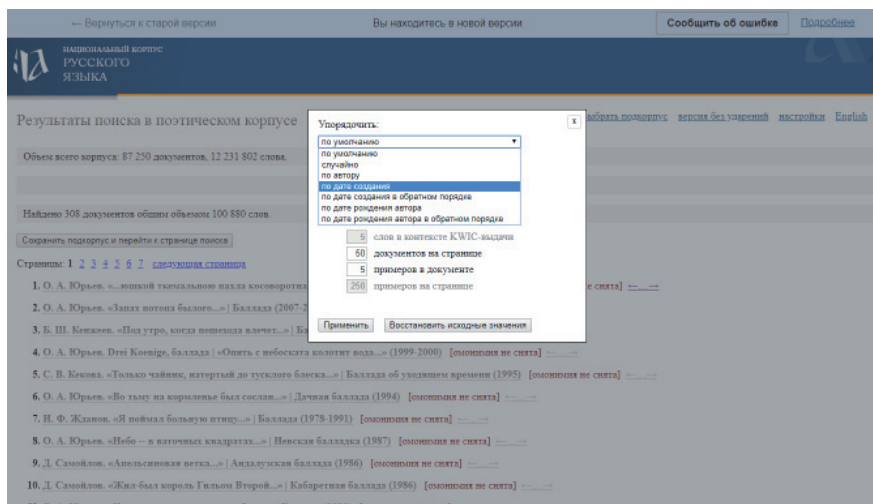

Рис. 3. Сортировка подкорпуса баллад | Fig. 3. The sorting of ballade subcorpus

Самая ранняя (1791) баллада в корпусе принадлежит Николаю Карамзину и написана четырехстопным ямбом с перекрестной рифмовкой (рис. 4).

Сохранить подборку и перейти к странице поиска

Страницы: 1 2 3 4 5 6 7 [следующая страница](#)

1. Н. М. Карамзин. «Во тьме ночной ярилась буря...» | Раиса (1791) [описание не снята]

2. А. Ф. Мерзляков. «Сутра» | Автор: Н. М. Карамзин

3. С. С. Бибров. «Там, где» | Пол автора: муч

4. И. Н. Дмитриев. «Как!» | Дата рождения автора: 1766

5. В. А. Жуковский. «Ран» | Название: «Во тьме ночной ярилась буря...» | Раиса

6. В. А. Жуковский. «Где» | Дата создания: 1791

7. В. А. Жуковский. «Вся» | Жанр функционирования: художественная

8. Н. Ф. Грамматин. «ИР» | Предназначение: баллада | стихотворение

9. В. А. Жуковский. «Ог» | Словоформы: 45

10. В. А. Жуковский. «Раз» | Метр: Я

11. В. А. Жуковский. «В» | Длина строки: 4

12. В. А. Жуковский. «На» | Клаузула: эх | регулярная

13. В. А. Жуковский. «Дел» | Метрическая формула: ЯЯЯЯ

14. В. А. Жуковский. «Оту» | Рифма: 0

15. В. А. Жуковский. «На» | Строфика: 2

16. В. А. Жуковский. «На» | Число строк: 88

17. В. А. Жуковский. «Зач» | Возраст аудитории: неозвост

18. В. А. Жуковский. «Вла» | Уровень образованной аудитории: н-уровань

19. В. А. Жуковский. «В из» | Размер аудитории: большая

20. А. С. Пушкин. «После» | Тип носителя: выгта

Источники: Н. М. Карамзин. Полное собрание стихотворений. Библиотечка поэта. Большая серия. — Л.: Советский писатель. 1966.

Подкорпус: поэтический

Сообщить об ошибке

Рис. 4. Баллада «Раиса»: стиховедческие параметры | Fig. 4. The ballade "Raissa" and its poetic parameters

Те параметры, которые описывают формальную структуру стиха, могут быть более интересны для стиховеда и предоставляют возможность для более тонкой настройки поисковых запросов. Каждое стихотворение в поэтическом корпусе снабжается такой же разметкой, как баллада на рис. 4. Эта разметка состоит из двух уровней, или слоев: первый — это обобщающие характеристики текста, доступные пользователю корпуса; второй — построчная разметка, в результате которой в каждом тексте отмечаются позиции ударений, рифмующихся окончаний строк, а в текстах, написанных неклассическим стихом, также ритмические формы. К этой разметке пользователь имеет лишь частичный доступ: он может, например, увидеть распределение ударений в любом из текстов заданного им подкорпуса (рис. 5)².

Набор параметров стиховедческой разметки в целом общеупотребителен во всех исследованиях стиха. Это **метр**, **длина строки**, **клаузула**

² Речь, разумеется, идет не о реальных ударениях, а о тех, которые допускаются схемой размера — так называемых иктах. В корпусе они обозначаются значком грависа (˘), а не акута (´), как языковые ударения.

[перейти на страницу поиска](#) [выбрать полкорпус](#) [версия без ударений](#) [настройки](#)

Н. М. Карамзин. Раиса (1791)

Раиса

Древняя баллада

Во тьме ночной ярилась буря;
Сверкал на небе грозный луч;
Гремли громы в чёрных тучах,
И сильный дождь в лесу шумел.

Нигде не видно было жизни;
Сокрылось всё под верный кров.
Раиса, бедная Раиса,
Скиталась в темноте одна.

Нося отчаяние в сердце,
Она не чувствует грозы,
И бури страшный вой не может
Её стенаний заглушить.

Она бледна, как лист увядший,
Как мёртвый цвет, уста её;
Глаза покрыты тёмным мраком,
Но сильно бьётся сердце в ней.

С её открытой белой груди,
Являемой ветвями деревьев,
Текут ручьи кипящей крови
На зелье влажных земель.

Рис. 5. Баллада «Раиса»: версия с ударениями | Fig. 5. The ballade "Raïsa" with accents

(то есть окончание строки), **строфика** и ее графическое представление, **способ рифмовки** и разного рода дополнительные особенности структуры, учет которых может оказаться важным.

Метр — один из основных параметров стиховедческой разметки. Все метры в русской поэзии относятся к одной из трех систем стихосложения — силлабо-тонической, тонической или силлабической. Силлабических текстов в русской поэзии меньше всего: это стих «доклассической» русской поэзии, XVII и первой четверти XVIII века, потом поэты возвращались к нему лишь изредка — в подражаниях старой поэзии или в экспериментальных переводах с других языков. Силлабо-тонических текстов, напротив, больше всего: у этой системы практически не было конкурентов начиная со второй половины XVIII века и заканчивая первой четвертью XX века. Это лучше всего изученный тип русского стиха. Наконец, под именем тонической системы объединяется ряд метров, образующих своего рода континуум — от дольников, наиболее урегулированных метров, до акцентных и свободных стихов, не подчиняющихся никаким заранее заданным схемам распределения ударения. Этот тип стиха начинает использоваться в русском модернизме и затем широко распространяется. Несколько в стороне от этих трех систем стихосложения стоит так назы-

ваемый гетерометрический стих, в котором размеры, принадлежащие к разным системам, могут смешиваться друг с другом.

От метра зависит распределение ударений в стихотворении, поэтому этот параметр можно назвать ключевым для стиховедческой разметки. Тип разметки зависит от того, к какой системе стихосложения относится текст. В силлабических текстах в общем случае однозначно определяется только позиция конечного ударения строки, так называемой ударной константы. В силлабо-тонических с высокой точностью можно предсказать почти каждое ударение. Тонические тексты с этой точки зрения устроены неравномерно: в дольник ударение можно определить почти с такой точностью, как в классической силлаботонике, с меньшей уверенностью это можно сделать в тактовике и с еще меньшей — в акцентном стихе.

Чтобы показать, как это может работать, возьмем относительно редкую в русской поэзии форму творительного падежа *толпами*, в которой потенциально возможно два ударения — на первом и на втором слоге. Всего эта форма употребляется 172 раза в 160 текстах, то есть очень редко по сравнению с общим объемом корпуса (рис. 6). Но уже по этой выборке видно, как одна акцентная модель сменяется другой. У поэтов XVIII века (Ломоносова и других) обнаруживается исключительно форма *толпа́ми*: *Толпа́ми на́глые на ве́рх взбега́ли к на́м* (Ломоносов); *Вы лёгкими́ меня́ толпа́ми о́кружите́* (Муравьев); *И к во́рота́м егò толпа́ми приходя́щих* (Хемницер) и т. д. То же и у поэтов начала XIX века: *Наро́ды ли́ковать стека́лись толпа́ми...* (Жуковский); *Сме́х о́бщий им отве́т; над мра́чными́ толпа́ми* (Пушкин); *Какими́ стра́шными́ толпа́ми* (Языков). Причем в это время форма чаще возникает в позиции рифмы: действительно, *толпа́ми* можно срифмовать, например, со *струя́ми* или с *врага́ми*. Поэты XVIII века избегали таких рифм, предпочитая более богатые созвучия вроде *толпа́ми* ~ *глаза́ми* или *толпа́ми* ~ *слова́ми*, так как во всех трех словах присутствует согласный *л* справа от ударения, придающий рифме глубину. Но уже в поколении Жуковского такие строгие правила рифмовки выходят из употребления.

Во второй половине века форма употребляется довольно часто, но, видимо, постепенно начинает ощущаться как поэтическая вольность, возникая либо в начале строки в ямбических размерах, где поэту могло понадобиться слово с ударением на втором слоге (*Толпа́ми о́бразов и те́плых, и лучи́стых* (Случевский)), либо снова в позиции рифмы, где оно с легкостью находило рифменную пару (*Когда́ же за́поете вы́, толпа́ми* (Апухтин), где *толпа́ми* рифмуется с *вами*). По всей видимости, в середине строки оно бы ощущалось как намеренный и тяжеловесный архаизм, и этим пользовались поэты рубежа XIX–XX веков, не чуравшиеся

Крылаты кони по эфиру
Летят и рассекают мрак,
Любезное светило миру
Пресветлый свой возносит зрак;
Бегут **толпами** тени черны:
Какое зрелище очам!
Там блещет брег в реке зеленый;
Там светят перлы по лугам;

[Г. Р. Державин. «Предшественница дня златого...» | Благодарность Фелице (1783)] [омонимия не снята]

12. Г. Р. Державин. «Алмазны сыплется гора...» | Водопад (1791-1794) [омонимия не снята] [Все примеры](#)

Дивиться вкрут себя людей
Всегда **толпами** собирает:
Но естли он водой своей
Удобно всех не напоят,
Коль рвет берега, — и в быстротах
Его нет выгод смертным: — ах!

[Г. Р. Державин. «Алмазны сыплется гора...» | Водопад (1791-1794)] [омонимия не снята]

13. И. И. Дмитриев. «Утешно вспоминать под старость детски леты...» | Воздушные башни (1794) [омонимия не снята] [Все примеры](#)

Лишь солнце выпрыгнет из вод,
Взврут пробуждаюсь я от радостного клика
И слышу: весь народ,
От мала до велика,
Толпами приваля на двор,
Кричит, составя хор: «
Да здравствует супруг Земиры!»
А в зале знатность: сераскиры,
Паши и прочие стоят
И ждут, когда войти с поклоном им велят.

[И. И. Дмитриев. «Утешно вспоминать под старость детски леты...» | Воздушные башни (1794)] [омонимия не снята]

14. И. И. Дмитриев. «Однажды Шарлатан во весь горланил рот...» | Шарлатан (1797) [омонимия не снята] [Все примеры](#)

Однажды Шарлатан во весь горланил рот: «
Ступай ко мне, народ!
Смотри и покупай: вот порошок чудесный!
Он ум дает глупцам,
Невеждам — знание, красоток — старикам.

Рис. 6. Толпы или толпáми? | Fig. 6. Tólpami or tolpámi?

стилистических экспериментов — например, Иннокентий Анненский: *И потекли толпáми фёссалійцы* (1901). По всей видимости, первый пример освобождения стиха от этой условности, осуществленный ценой потери легкой рифмы, имел место в 1905 году у Андрея Белого, в достаточно известном стихотворении, позднее включенном в прецедентный сборник «Пепел» (1908), который был прочитан многими поэтами как решительная попытка реформировать русскую силлаботонику:

Проходьт толпы с фабрик прѡчь.
Отхлынули в пустыѣ дáли.
Над **толпамѣ** знамѣна в нѡчь
Кровáвою волнѡй взлетáли.

После Андрея Белого форма *толпáми* начинает употребляться повсеместно, причем можно заметить, что когда речь идет о «новых» толпах — рабочих, людях в многолюдном городе, то употребляется форма *толпáми* с более новым ударением, а если в стихотворении возникает истори-

ческий контекст, то поэт, особенно если он не чужд стилизации, может употребить и старую форму *толпáми*. Если Сергей Соловьев, друг юности Белого, пишет *В Лакèдемòн толпáми шёл нарòд*, демонстративно употребляя архаичную форму в середине строки, то описывающий городскую суету Саша Черный использует более новую форму: *Кишàт концèрты толпáми проходжих* (1922).

Другие параметры стиховедческой разметки также содержат достаточно богатый репертуар формальных характеристик стиха. Здесь можно выбрать разные типы строф (рис. 7), среди которых встречаются также особые строфы, получившие известность в европейском стихосложении — например, октава или сапфическая строфа. Здесь же перечислены и наиболее распространенные твердые формы, в основном восходящие к романскому (сонет, триолет, рондо) или восточному стихосложению (газелла, рубаи). Из других специфических параметров важное место занимает способ рифмовки (рис. 8), где указаны самые распространенные типы рифмовок в русской поэзии. Среди них лидирующая с большим перевесом «перекрестная» рифмовка (схема *абаб*), популярная в XVIII веке «парная» (*аа*), более изысканные «охватная» (*абба*) и «затянутая» (*абаба*, *аббаб* и другие варианты), а также все остальные, не имеющие общепотребительных названий.

Одна из возможных здесь задач — изучение того, как распространяются и закрепляются в русском стихосложении некоторые формы иностранного происхождения. Например, можно извлечь из корпуса сведения об

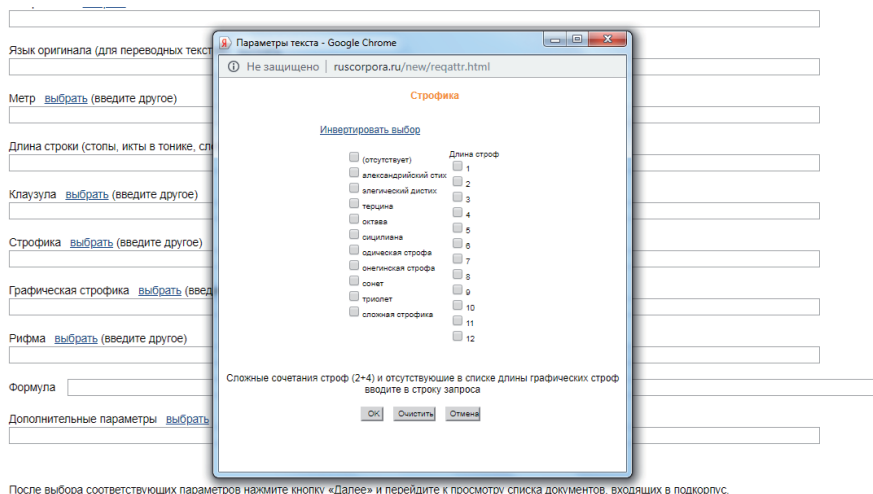

Рис. 7. Репертуар строф | Fig. 7. Repertoire of stanzas

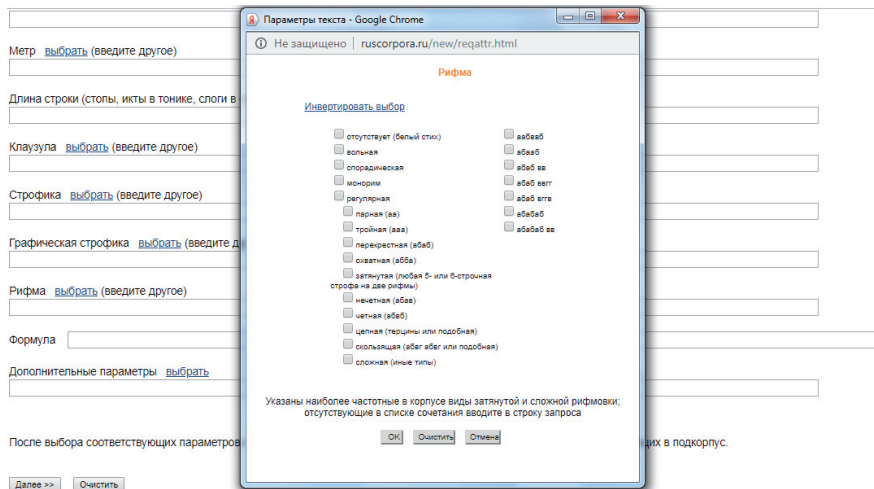

Рис. 8. Репертуар схем рифмовки | **Fig. 8.** Repertoire of rhyme schemes

истории русской октавы. Этой строфе посвящены отдельные работы: фундаментальная статья М. И. Шапира [Шапир 2009] и кандидатская диссертация его ученицы А. С. Белоусовой [Белоусова 2013]. Данные, представленные в корпусе, возможно, менее подробны, но они могут составить базу для подобного исследования и служить первым приближением к более глубокому труду. Всего в корпусе около 130 октав: самые ранние принадлежат Феофану Прокоповичу (К сочинителю сатир, 1730) и Ипполиту Богдановичу (Понеже, 1761). После этого следует разрыв: снова октава начинается употребляться уже в пушкинское время и далее периодически используется поэтами вплоть до второй половины XX века. Среди поздних октав — три стихотворения Игоря Холина, где бурлескные коннотации этой формы вновь оказываются уместны, стихотворения Светланы Кековой и Тимура Кибирова. Разобьем все это пространство по десятилетиям, оставив в стороне неточно датированные тексты, и получим в черновом варианте историю распространения русской октавы (рис. 9).

Уже этот график позволяет сделать предварительные выводы. После почти случайных опытов XVIII века интерес к октаве возникает во второй половине 1810-х годов — примерно в то же время, когда Байрон пишет октавой поэмы «Беппо» (1818) и «Дон Жуан» (1819), хотя, возможно, ранние октавы Дельвига (1817) и Кюхельбекера (1819) еще не связаны с этим контекстом. Однако в 1820-е байроническая поэма получает широкое распространение и закрепляется в русской поэзии после «Домика в Коломне» Пушкина, написанного в самом конце десятилетия (1830). При этом

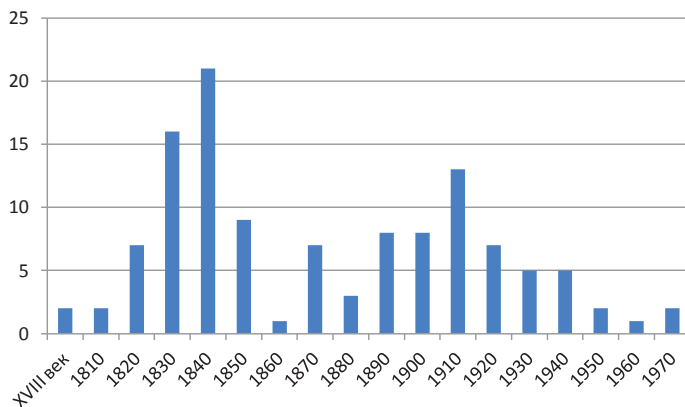

Рис. 9. Русская октава | Fig. 9. Russian ottava rima

мода на нее возникает с запозданием, достигая пика уже в 1840-е годы и сохраняя уверенные позиции в следующем десятилетии.

Затем в 1860-е годы следует катастрофический спад, вызванный, по всей видимости, усталостью от октавы и ее сатирических (или, как выражался М. И. Шапир, «ирои-комических») коннотаций, и далее на протяжении 1870–1900-х годов она употребляется изредка как знак принадлежности к «пушкинской традиции». Причем даже открытие памятников Пушкину в Москве в 1880 году и в Петербурге в 1884-м, хотя и широко освещалось в тогдашних медиа, не оказало существенного влияния на интерес к октаве. То же можно сказать и о столетнем юбилее поэта: по данным П. Н. Беркова, сложная общественная ситуация на фоне голода в некоторых российских губерниях не позволяла интеллигенции полностью солидаризироваться с торжественным поводом [Берков 1937: 402–403]. Употребление строфы заметно вырастает в 1910-е годы, когда в целом в литературных кругах ощущается необходимость в реактуализации русской поэзии пушкинского времени. Более низкие показатели отмечаются в следующие два десятилетия, 1920–1930-е годы, когда приближается столетие со дня смерти Пушкина, отмечавшееся в сталинском государстве с большой помпой и, видимо, заставившее поэтов, среди прочего, вспомнить и об октаве. Этот же интерес, впрочем не очень ярко выраженный, сохраняется и в сороковые, но снижается во второй половине века, когда для полноценного возрождения октавы не находится существенных причин вплоть до новых бурлескных опытов Тимура Кибирова.

Стиховедческая разметка может быть полезна не только стиховеду, но и историку языка. Так, в корпусе стихотворений Антиоха Кантемира,

значительного поэта первой половины XVIII века, видно заметное расхождение с современными нормами акцентуации. Кантемир использовал исключительно силлабический стих, а следовательно, согласно принципам, принятым в поэтическом корпусе, среди всех ударений в его стихах более или менее однозначно могут быть установлены только конечные ударения в строке. «Классическая» русская силлабика вслед за польской требовала, чтобы последнее слово в строке содержало ударение на втором слоге от конца. Но, если исходить из известных правил акцентуации, складывавшихся после нормализации литературного языка, при чтении стихотворений Кантемира часто может показаться, что это правило нарушается (хотя на его обязательность сам поэт указывает в небольшом трактате о русском стихе «Письмо Харитона Макентина», опубликованном в 1744 году). Однако при более детальном исследовании выясняется, что идиолек Кантемира содержит специфические архаичные и региональные черты. Так, в корпусе сатир встречается рифменная пара *дру́же* (звательный падеж) ~ *у́же* (наречие), второй член которой отражает исконное древнерусское сочетание ортотонической формы *у* и энклитики *же*. Согласно А. А. Зализняку, правило, позволяющее получить акцентуированную древнерусскую словоформу, предполагает, что ударение падает *не* на энклитику. Именно так происходит у Кантемира, который в этом отношении полностью согласуется с нормами раннедревнерусской акцентной системы [Зализняк 1985: 35, 123].

Другой пример — рифменная пара *во́йдет* ~ *подо́йдет*. Казалось бы, проще всего предполагать здесь нарушение силлабического размера и читать оба слова с ударением на последнем слоге, как в современном литературном языке. Однако можно интерпретировать эти формы иначе. Дело в том, что Кантемир, как и почти все русские силлабисты, прошел украинскую выучку, а в украинском языке наблюдается перемещение ударения в приставочных глаголах на приставку в формах настоящего времени, если гласная в корне выпадает: *во́-йде́т*, *подо́-йде́т* [Зализняк 1985: 363]. Но это совпадает и с требованием силлабического размера сохранять постоянное ударение на предпоследнем слоге, объясняя широкое распространение форм третьего лица единственного числа в финальной позиции, где они, казалось бы, невозможны.

Таким образом, поэтический корпус может использоваться для самых разнообразных задач на стыке литературоведения и лингвистики, а специализированная разметка формальных параметров стиха делает его незаменимым инструментом для современного стиховеда. В этой статье было показано несколько способов работы с поэтическим корпусом, хотя ими далеко не исчерпываются те возможности, которые он представляет.

Литература

- Берков П. Н. Из материалов пушкинского юбилея 1899 года // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. М.–Л.: Издательство АН СССР, 1937. Вып. 3. С. 401–414.
- Белоусова А. С. Генезис и эволюция русской октавы. Дисс. ... канд. филол. наук / Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова. М.: 2013. 198 с.
- Воронцова В. Л. Русское литературное ударение XVIII–XX веков. М.: Наука, 1979. 328 с.
- Зализняк А. А. От праславянской акцентуации к русской. М.: Наука, 1985. 432 с.
- Корчагин К. М. Поэзия XX века в поэтическом подкорпусе Национального корпуса русского языка: проблема репрезентативности // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. 2015. Вып. 6. С. 235–256.
- Шапир М. И. Семантические лейтмотивы ирои-комической октавы: (Байрон – Пушкин – Тимур Кибиров) // Шапир М. И. Статьи о Пушкине. М.: Языки славянских культур, 2009. С. 124–190.
-

References

- Berkov P. N. [From Pushkin's jubilee materials]. *Pushkin: Vremennik Pushkinskoi komissii* [Pushkin: Pushkin commission's chronicles]. Moscow – Leningrad, AN SSSR Publ., 1937, vol. 3, pp. 401–414. (In Russ.)
- Belousova A. S. *Genezis i evolyutsiya russkoi oktavy*. Diss. kand. filol. nauk [Russian ottava rima: genesis and evolution]. Moscow, Nauka Publ., 2013. 198 p.
- Korchagin K. M. [The 20th century's poetry in the poetic subcorpus of Russian National Corpus: Issue of representativeness]. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova RAN*. 2015, vol. 6, pp. 235–256. (In Russ.)
- Shapir M. I. [Sematic leitmotifs in the burlesque ottava rima: (Byron, Pushkin, and Timur Kibirov)] in Shapir M. I. *Stat'i o Pushkine* [Articles about Pushkin]. Moscow, Yazyki Slavyanskikh Kultur Publ., 2009, pp. 124–190. (In Russ.)
- Vorontsova V. L. *Russkoe literaturnoe udarenie XVIII–XX vekov* [Russian literary accentuation in the 18th–19th centuries]. Moscow, Nauka Publ., 1979. 328 p.
- Zaliznyak A. A. *Ot praslavyanskoy aktsentuatsii k russkoy* [From pre-Slavonic accentuation to Russian one]. Moscow, Nauka Publ., 1985. 432 p.

Русская речь

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛ

Оригинал-макет подготовлен *И. Барановым, И. Мустаевым*

Зав. редакцией *О. В. Антонова*

Редакторы *А. В. Занадворова, М. А. Пузина*

Корректор *В. Л. Цумарева*

Верстка *С. В. Родионовой*

А Д Р Е С Р Е Д А К Ц И И:

119019, Москва, ул. Волхонка, 18/2,

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН,

редакция журнала «Русская речь»,

тел.: +7 495 637-27-35, e-mail: rus-rech@mail.ru

Подписано к печати 02.12.2019 г.

Формат 60×88 ¹/₁₆

Уч.-изд. л. 10,4

Тираж 310 экз., включая 5 экз. бесплатно

Зак. 19/6а

Цена свободная

У Ч Р Е Д И Т Е Л И:

Российская академия наук

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина

И З Д А Т Е Л Ь:

Исполнитель по контракту № 4У-ЭА-199-18

ООО «Интеграция: Образование и Наука»

117418, Нахимовский проспект, 47

Отпечатано в ООО «Институт информационных технологий»